

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

Том 15. № 2 (78)

2026

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

HUMANITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA

Scientific-educational journal

Vol. 15. No. 2 (78)

2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Волков Юрий Григорьевич — доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян — д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. С. Бондарь** — д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); **М. А. Боровская** — д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ш. А. Гапуров** — д. ист. н., проф. (Грозный); **Р. С. Гринберг** — член-корреспондент РАН (Москва); **И. А. Гуськов** — д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. Т. Гыязов** — к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); **В. И. Колесников** — академик РАН (Ростов-на-Дону); **С. А. Кравченко** — д. социол. н., проф. (Москва); **Н. Г. Кузнецов** — д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ван Лэй** — д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); **А. Л. Маршак** — д. филос. н., проф. (Москва); **Г. Г. Матишов** — академик РАН (Ростов-на-Дону); **А. В. Миронов** — д. социол. н., проф. (Москва); **А. Е. Мкртчян** — д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. Г. Скворцов** — д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); **Г. Сросляк** — д. э. н., проф. (Краков, Польша); **Л. Г. Титаренко** — д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); **В. А. Тишков** — академик РАН (Москва); **Ж. Т. Тощенко** — член-корреспондент РАН (Москва); **Лю Цзайци** — д. полит. н., проф. (Ухань, Китай); **Е. М. Харитонов** — академик РАН (Краснодар); **Р. Д. Хунагов** — д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев — д. филос. н., проф. (Грозный); **В. Н. Бадмаев** — д. филос. н., проф. (Элиста); **Т. И. Барсукова** — д. социол. н., проф. (Ставрополь); **А. В. Бедрик** — к. социол. н. (Ростов-на-Дону); **М. И. Билалов** — д. филос. н., проф. (Махачкала); **А. В. Верещагина** — д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **К. В. Воденко** — д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); **В. В. Касьянов** — д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); **И. В. Ковтуненко** — д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); **А. М. Кумыков** — д. филос. н., проф. (Нальчик); **Е. Г. Попкова** — д. э. н., проф. (Волгоград); **И. М. Сампиев** — д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова — к. социол. н., редактор-переводчик; **В. П. Войтенко** — к. филос. н., перв. зам гл. редактора; **А. Н. Дьяченко** — к. филос. н., ответственный секретарь

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan — Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** — Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** — Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** — Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **R. S. Grinberg** — Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** — Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** — Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** — Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** — Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** — Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** — Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** — Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **V. A. Tishkov** — Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **J. T. Toshchenko** — Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** — D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** — Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** — Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev — Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** — Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** — Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** — Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** — Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** — Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** — Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunencko** — Dr. Sci. (Philolog.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **A. M. Kумыkov** — Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** — Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** — Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova — Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** — Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** — Cand. Sci. (Philos.)

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

ISSN 2227-8656 (print)
ISSN 2500-2155 (online)
DOI 10.18522/2227-8656.2026.2

Журнал издается с 2012 г.
С 2016 г. выходит 6 раз в год

**Свидетельство
о регистрации СМИ**

ПИ № ФС 77-44772
(от 25 апреля 2011 г.)
Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

РИНЦ

Зарегистрирован в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

Перечень ВАК РФ

Включен в сформированный ВАК РФ
Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук (философские науки,
социологические науки)

elibrary.ru

BQUJYH

Материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons Attribution International 4.0 CC-BY

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 9

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Агапова Е. А., Латкин М. В. Трансформация интерсубъективности в социальных сетях 14

Ахмедова К. Б. Социальные сети как пространство формирования «гибридной публичной сферы» 24

Золотухина-Аболина Е. В., Партолина С.С. Две иллюзии любви 36

Оленич Т. С., Французов Р. И. Философско-антропологические основания когнитивной войны: механизмы воздействия, стратегические цели и социокультурные последствия 49

Шевченко О. М., Штофер Л. Л. От бинарности к триаде: трансформация модели отношений «преподаватель-студент» в условиях цифровизации высшего образования 64

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Астоянц М. С. Инновационный потенциал социального участия россиян старшего возраста в условиях социальной турбулентности (региональный аспект) 75

Дамбегов А. А. Механизмы социального регулирования формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи в условиях новой территориальности: методологические основания социологического исследования 88

Зубова Я. В., Липчанская И. В. Социализация молодежи в условиях виртуальной коммуникации: преимущества и риски 105

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Деметрадзе М. Р., Каграманян А. Г. Культурный код как «ген» человеческого фактора: кибернетический подход к формированию социокультурного пространства 116

Кравцова Т. С. Образ человека в художественном авангарде и неклассической антропологии (археоавангард и синергизм) 131

Тюкаева Г. А. Искусственный интеллект как фактор трансформации образа жизни ученого в условиях цифровизации техногенного общества 149

Филимонов В. Ю. Научные открытия методами LLM: факты и интерпретация	161
--	-----

КУЛЬТУРА, МЕДИА И КОММУНИКАЦИЯ

Каширина О. В., Муликова Н. А. Теория ценностей как теория соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности цивилизационного субъекта.....	173
Поломошнов А. Ф., Агапова Е. А., Бакулов В. Д. Россия и Запад: проблема позиционирования в культурно-историческом и геополитическом контексте.....	181
Сорокина С. Н., Крикун Е. В. Идея справедливости в русской ментальности (на примере современной студенческой молодежи).....	195
Тихоновскова М. П., Волохова Е. В., Армейсков М. А. Роль личности педагога в обеспечении культурной безопасности молодежи в условиях регионального образовательного пространства.....	208

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Зубок Ю. А.	221
Юбилей Шевченко И. К.	224
Юбилей Кумыкова А. М.	227
Юбилей Астоянц М.С.	229
Юбилей Сущего С. Я.	232
Правила для авторов	235

TABLE OF CONTENTS

To the readers	9
----------------------	---

PHILOSOPHY AND SOCIETY

Agapova E. A., Latki M. V. Transformation of intersubjectivity in social media.....	14
Akhmedova K. B. Social networks as a space for the formation of a “hybrid public sphere”	24
Zolotukhina-Abolina E. V., Partolina S. S. Two illusions of love.....	36
Olenich T. S., Frantsuzov R. I. Philosophical and anthropological foundations of cognitive warfare: mechanisms of influence, strategic goals and sociocultural consequences	49
Shevchenko O. M., Shtofer L. L. From binary to triadic: transformation of the teacher-student relationship model in the terms of digitalization of higher education.....	64

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Astoyants M. S. The innovative potential of social participation of older Russians in terms of social turbulence (regional aspect).....	75
Dambegov A. A. Mechanisms of social regulation of the formation of civic-patriotic identity among Russian youth in terms of new territoriality: methodological foundations of sociological research	88
Zubova Ya. V., Lipchanskaya I. V. Socialization of youth in the context of virtual communication: advantages and risks	105

INVESTIGATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Demetradze M. R., Kagramanyan A. G. Cultural code as a “gene” of the human factor: a cybernetic approach to the creation of social and cultural space	116
Kravtsova T. S. The image of a person in the artistic avant-garde and non-classical anthropology (archeoavangard and synergism).....	131
Tyukaeva G. A. Artificial intelligence as a factor of transformation of a scientist’s lifestyle in terms of digitalization of a technogenic society.....	149
Filimonov V. Yu. Scientific discoveries by LLM methods: facts and interpretation	161

CULTURE, MEDIA AND COMMUNICATION

Kashirina O. V., Mulikova N. A. The theory of values as a theory of correspondence between civilizational and cultural-personal identity of a civilizational subject.....	173
Polomoshnov A. F., Agapova E. A., Bakulov V. D. Russia and the West: the problem of positioning in cultural, historical, and geopolitical contexts	181
Sorokina S. N., Krikun E. V. The idea of justice in the Russian mentality (the case of modern students).....	195
Tikhonovskova M. P., Volokhova E. V., Armeiskov M. A. The role of the teacher’s personality in ensuring the cultural safety of students in the conditions of the regional educational space	208

ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

Yu. A. Zubok’s Anniversary	221
I. K. Shevchenko’s Anniversary.....	224
A. M. Kumykov’s Anniversary	227
M. S. Astoyantz’s Anniversary	229
S. Ya. Sushchiy’s Anniversary	232
Rules for authors	235

EDN BRSWQT

Уважаемые читатели, коллеги!

Представляем Вашему вниманию второй выпуск журнала «Гуманитарий Юга России» в 2026 году. В продолжение диалога, начатого в первом номере, посвященном Году единства народов России, мы обращаемся к ключевым вызовам современности, которые требуют от гуманитарной науки глубокого осмысления и концептуальной рефлексии. Как трансформируется человеческая субъектность под натиском цифровых технологий? Какие новые формы приобретают коммуникация и конфликты в эпоху социальных сетей и искусственного интеллекта? Эти вопросы становятся магистральными для нашего номера.

Символично, что этот номер журнала выходит в год юбилеев руководителей двух организаций-соучредителей «Гуманитария Юга России» — Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук и Южного федерального университета. Это единство подчеркивает неразрывную связь академической науки и университетского образования, которую мы стремимся укреплять на страницах нашего издания.

С огромным уважением и теплотой поздравляем с юбилеем доктора социологических наук, профессора, и.о. директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Юлию Альбертовну Зубок. Научные труды Юлии Альбертовны, посвященные социологии молодежи, социальному развитию и саморегуляции в молодежной среде, являются надежной теоретической основой для понимания динамики современного общества. Ее вклад в развитие отечественной социологической мысли задает высокие стандарты для исследователей не только в стенах ФНИСЦ РАН, но и во всем академическом пространстве России.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» от всей души поздравляет с юбилеем и выражает глубокую признательность ректору Южного федерального университета, доктору экономических наук, доценту Инне Константиновне Шевченко. Ее многогранная деятельность на посту руководителя одного из ведущих университетов страны являет собой образец эффективного сочетания профессионального мастерства, фундаментальной науки и стратегического управления. За время ее работы Южный федеральный университет добился значимых успехов: войдя в 2021 году в программу «Приоритет-2030» со второй (повышенной) частью трека «Исследовательское лидерство» (8-е место), вуз под ее руководством совершил качественный рывок. Уже к марту 2025 года университет перешел в первую (повышенную)

группу гранта, а к ноябрю того же года поднялся на четвертое место в рейтинге эффективности среди ведущих вузов страны. Вклад Инны Константиновны в развитие высшего образования и научных школ на Юге России трудно переоценить, а ее энергия и приверженность высоким академическим стандартам служат ориентиром для многих поколений исследователей.

С юбилеем поздравляем и члена нашей редакционной коллегии доктора философских наук, профессора, директора Северо-Кавказского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Аюеса Мухамедовича Кумыкова. Научными областями интересов юбиляра являются проблемы кавказской идентичности в процессах современной российской социокультурной трансформации, особенности формирования и развития межнациональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике, темы социологии молодежи, социологии управления и многого другого в развитии республики.

Мы также сердечно поздравляем с юбилеем доктора социологических наук, доцента, заведующего кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета Маргариту Сергеевну Астоянц. Ее научные изыскания охватывают широкий спектр актуальных проблем современной социологии: от исследований социального благополучия и активного долголетия пожилых людей до вопросов образовательной инклюзии, профессионального самоопределения молодежи и анализа повседневных практик в условиях социальных кризисов, что вносит весомый вклад в понимание сложных социальных процессов в российских регионах. Представленное в этом номере исследование инновационного потенциала социального участия старшего поколения — яркое подтверждение глубокой научной и гражданской позиции ученого.

Завершая юбилейную часть, редакция присоединяется к поздравлениям в адрес главного научного сотрудника Южного научного центра Российской академии наук, доктора философских наук, профессора Сергея Яковлевича Сущего. Масштабные исследования Сергея Яковлевича, посвященные динамике и цивилизационному развитию Юга России и Кавказа, стали неотъемлемой частью современной региональной науки. Глубина исторического анализа и социологическая фундаментальность его работ задают высокую планку для всех, кто изучает наш уникальный регион.

Редакция желает всем юбилярам крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии, вдохновения и новых выдающихся свершений на благо российской науки и образования.

Рубрика «Философия и общество» объединяет исследования, посвященные глубинной трансформации человеческого бытия. Статья Е. А. Агаповой и М. В. Латкина анализирует трансформацию интерсубъективности в социальных сетях. Авторы демонстрируют, как алгоритмическая опосредованность

и метрическая оценка социальных связей подменяют подлинную «встречу» с другими фрагментированными актами перформативной коммуникации, что ведет к формированию принципиально нового, «платформенного» модуса существования.

Исследование К. Б. Ахмедовой продолжает эту тему, рассматривая социальные сети как пространство формирования «гибридной публичной сферы». Критически осмысляя классическую теорию Ю. Хабермаса, автор приходит к выводу о глубокой фрагментации и поляризации общественного дискурса в цифровую эпоху, что ставит под вопрос сами основания демократического диалога.

Е. В. Золотухина-Аболина и С. С. Партолина обращаются к экзистенциальному измерению человеческих отношений, анализируя две фундаментальные иллюзии любви: «меня любят» и «я люблю». Опираясь на гуманистическую философию и психологию, исследование показывает, как стремление к «восполнению» собственной целостности или пребывание в плену собственных фантазий подменяют подлинное деятельное отношение к Другому.

Тему когнитивных угроз и деформации сознания раскрывают в своем фундаментальном исследовании Т. С. Оленич и Р. И. Французов. Статья представляет собой системный анализ феномена когнитивной войны, выявляя ее механизмы, стратегические цели и разрушительные социокультурные последствия. Работа убедительно демонстрирует, что современная война ведется за сознание, подрывая рациональность, идентичность и культурный капитал общества.

Трансформация устоявшихся социальных институтов под влиянием цифровизации анализируется в статье О. М. Шевченко и Л. Л. Штофер. Авторы прослеживают эволюцию модели «преподаватель — студент» от классической бинарности к триаде с участием искусственного интеллекта, фиксируя как новые возможности, так и серьезные риски дегуманизации и депрофессионализации участников образовательного процесса.

Рубрику «Социальная структура и социальные институты в современном обществе» открывает работа М. С. Астоянц, посвященная инновационному потенциалу социального участия россиян старшего возраста. На материалах сравнительного анализа Юга России и Урала автор убедительно доказывает, что пожилые люди в условиях социальной турбулентности демонстрируют способность к социальному творчеству, реализуя неимитационные, созидательные практики взаимопомощи. Работа вносит важный вклад в преодоление стереотипов о пассивности «третьего возраста» и актуализирует дискурс активного долголетия.

Далее получает развитие проблематика социального участия и гражданской идентичности. А. А. Дамбегов предлагает методологические основания для социологического изучения механизмов формирования

гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи. Работа задает важный концептуальный вектор для анализа того, как в условиях новой территориальности конструируется образ «гражданина-патриота».

Исследование Я. В. Зубовой и И. В. Липчанской посвящено социализации молодежи в условиях виртуальной коммуникации. Ученые выявляют амбивалентный характер влияния социальных сетей: с одной стороны, они расширяют возможности для самореализации и развития коммуникативных навыков; с другой — порождают новые риски деструктивной социализации, включая кибербуллинг и информационную зависимость.

В разделе «*Исследования молодых ученых*» представлены работы, отличающиеся концептуальной свежестью и междисциплинарным подходом. М. Р. Деметрадзе и А. Г. Каграманян предлагают оригинальную кибернетическую концепцию культурного кода как «гена» человеческого фактора, рассматривая «спираль ДНК культуры» как механизм, активирующий креативные способности человека и конструирующий социокультурное пространство.

Исследование Т. С. Кравцовой посвящено сравнению образа человека в художественном авангарде и неклассической антропологии. Проводя параллели между идеями авангардистов и концепциями археоавангарда и синергической антропологии, автор ставит вопрос о необходимости возрождения калокагатии — гармоничного единства духовного и физического — как идеала для современного человека в ситуации «перехода».

Г. А. Тюкаева исследует искусственный интеллект как системный фактор трансформации образа жизни ученого. Применяя социотехноприродный подход, автор выявляет противоречия, связанные с алгоритмической зависимостью, цифровым неравенством и рисками для психоэмоционального и телесного благополучия исследователя в условиях цифровизации техногенного общества.

Статья В. Ю. Филимонова посвящена актуальной проблеме использования больших языковых моделей (LLM) для научных открытий. Проведя анализ проявлений категорий факта и интерпретации в LLM, автор систематизирует проблемные области («галлюцинации», фальсификация ссылок) и рассматривает перспективные инструменты для повышения качества и этичности генерируемого научного контента.

Рубрику «*Культура, медиа и коммуникация*» открывает концептуальная статья О. В. Кашириной и Н. А. Муликовой, в которой теория ценностей переосмысливается как теория соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности. Авторы предлагают оригинальный диалектико-триалектический метод, позволяющий анализировать ценности как динамическую систему, опосредующую диалог личности и цивилизации.

Статья А. Ф. Поломошнова, Е. А. Агаповой и В. Д. Бакулова обращается к вечной проблеме позиционирования России и Запада. Исследуя динамику

взаимных образов в культурно-историческом и геополитическом контексте, авторы фиксируют неконгруэнтность восприятия: если западный образ России остается преимущественно негативным и мифологизированным, то российский образ Запада эволюционирует от амбивалентного к поляризованному, отражая логику жесткого цивилизационного противостояния.

Работа С. Н. Сорокиной и Е. В. Крикун продолжает рефлексию о русской ментальности, обращаясь к идее справедливости. На примере современной студенческой молодежи авторы показывают, что, несмотря на новые социально-экономические реалии, в сознании молодых людей сохраняется приверженность традиционному для русской философии пониманию справедливости, связанному с категориями «правды» и «истины».

Завершает раздел исследование М. П. Тихоновской, Е. В. Волоховой и М. А. Армейскова, в котором авторы обосновывают роль личности педагога как ключевого актора в обеспечении культурной безопасности молодежи в региональном образовательном пространстве. Предложенная структурно-функциональная модель педагога, интегрирующая ценностные, когнитивные и деятельностные компоненты, является практическим инструментом для сохранения культурного суверенитета и формирования устойчивой идентичности в цифровую эпоху.

Таким образом, представленные в номере исследования, от анализа конкретных социальных практик до философского осмысления природы человека и пределов его субъектности в цифровую эпоху, создают многомерную картину гуманитарного знания, отвечающего на ключевые вызовы нашего времени. Мы надеемся, что этот выпуск станет значимым вкладом в научную дискуссию о путях развития человека и общества и послужит основой для дальнейшей плодотворной работы.

*Главный редактор
журнала «Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков*

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.1

EDN DUNAYD

Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

TRANSFORMATION OF INTERSUBJECTIVITY IN SOCIAL MEDIA

*Е. А. Агапова**

ORCID:0000-0002-0213-4702

*М. В. Латкин**

*Elena A. Agapova**

*Mikhail V. Latkin**

** Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования — выявить специфические черты интерсубъективности, формируемой в среде социальных сетей, в сравнении с ее доцифровыми формами.

Objective of the study is to identify the specific features of intersubjectivity formed in the social network environment, in comparison with its pre-digital forms.

Методологическую базу исследования составляет сравнительный анализ классических философских концепций интерсубъективности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Бубер, Ж.-П. Сартр) и критическая теория цифровых медиа. Социальные сети рассматриваются не как нейтральные инструменты, а как новая антропологическая среда.

Methodological basis of the study is a comparative analysis of classical philosophical concepts of intersubjectivity (E. Husserl, M. Merleau-Ponty, M. Buber, J.-P. Sartre) and critical digital media theory. Social media are viewed not as neutral tools, but as a new anthropological environment.

Результаты исследования. В данной работе авторы приходят к выводу, что сетевая интерсубъективность представляет собой принципиально новый модус существования. Его ключевыми детерминантами выступают: алгоритмическая опосредованность встречи с Другим, подмена общего жизненного мира персонализированными потоками контента, метрическая оценка социальных связей, перформативность и самомониторинг, редукция сложного диалога до урезанного набора стандартизированных реакций. Уникальное

Results of the study. The authors conclude that networked intersubjectivity represents a fundamentally new mode of existence. Its key determinants are: the algorithmic mediation of encounters with the Other; the substitution of a shared lifeworld for personalized content streams; the metrical assessment of social connections, performativity and self-monitoring; the reduction of complex dialogue to a truncated set of standardized responses. The unique event of “encounter” (I-Thou) is displaced by fragmented acts of communication within the logic

© Агапова Е. А., 2026

© Латкин М. В., 2026

событие «встречи» (Я-Ты) вытесняется фрагментированными актами коммуникации в логике «перформанс-зритель», а инаковость Другого редуцируется до источника данных или контента. Научная новизна работы заключается в системном описании того, как технические детерминанты платформ трансформируют основания социального бытия. В заключении намечены перспективы дальнейшего изучения практик цифрового сопротивления как попыток сохранения человеческого измерения коммуникации.

Перспективы исследования. Перспективы дальнейшего исследования этой проблематики видятся в нескольких направлениях, но наиболее значимым становится анализ практик цифрового аскетизма и сопротивления (digital resistance) (Lyon, 2017) как осознанных попыток восстановления непосредственности общения и создания некоммерциализированных пространств встречи. Изучение этих практик является не только академической задачей, но и необходимым вкладом в поиск путей сохранения человеческого измерения коммуникации в эпоху агрессивной цифровизации.

Ключевые слова: интерсубъективность, социальные сети, философская антропология, цифровая среда, алгоритмическая опосредованность, перформативность, метрическая оценка

of “performance-spectator,” and the Other's otherness is reduced to a source of data or content. The scientific novelty of this work lies in its systematic description of how the technical determinants of platforms transform the foundations of social existence. In conclusion the authors outline the prospects for further study of practices of digital resistance as attempt to preserve the human dimension of communication.

Prospects of the study. The prospects for further research on this issue are seen in several directions, but the most significant is the analysis of practices of digital asceticism and resistance (digital resistance) (Lyon, 2017) as conscious attempts to restore the immediacy of communication and create non-commercialized spaces of encounter. The study of these practices is not only an academic task, but also a necessary contribution to finding ways to preserve the human dimension of communication in an era of aggressive digitalization.

Keywords: intersubjectivity, social networks, philosophical anthropology, digital environment, algorithmic mediation, performativity, metric evaluation

Введение

Современная культура среди прочих уникальных явлений имеет и один яркий неразрешимый парадокс, который заключается в том, что технологическая возможность мгновенной и тотальной связи практически с любым другим индивидом, предоставляемая социальными сетями, существует одновременно с феноменами экзистенциального одиночества, взаимного непонимания и социальной атомизации. Этот социокультурный парадокс указывает на необходимость обращения к философско-антропологическому осмыслению самих оснований человеческого взаимодействия в социальных медиа.

Актуальность темы обусловлена потребностью в концептуализации того, как цифровые среды не просто опосредуют, но трансформируют саму ткань интерсубъективности, под которой мы будем понимать пространство

пересечения индивидуальных сознаний, в котором рождаются общие смыслы, ценности и культурные коды.

Цель статьи — выявить и описать специфические черты интерсубъективности, создаваемой в среде социальных сетей, в сравнении с ее доцифровыми формами. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: обращение к ключевым положениям классических философско-антропологических концепций интерсубъективности; анализ технических детерминант, которые трансформируют базовые категории интерсубъективного опыта; формулирование основных черт новой, платформенной интерсубъективности и ее антропологических последствий.

Методы (теоретические основы)

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический анализ для сопоставления классических и цифровых моделей интерсубъективности, философская рефлексия, а также элементы критического анализа цифровых медиа для учета социокультурного контекста платформ.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении социальных сетей не как нейтральных инструментов коммуникации, а как новой «среды обитания» человека, активно формирующей собственные антропологические константы и условия взаимодействия.

Реконструкция базовых философских моделей позволяет задать систему координат для анализа цифровой трансформации. В феноменологии Э. Гуссерля интерсубъективность конституируется в переносе собственного телесного опыта на Другого, воспринимаемого как «аналогичное мне» alter ego в общем горизонте жизненного мира. «Другой, согласно смыслу своего конституирования, отсылает ко мне самому, другой есть отражение меня самого; и все же не отражение в собственном смысле; он — аналог меня самого, и опять же не аналог в обычном смысле» (Гуссерль, 2010. С. 122), — пишет Э. Гуссерль в своей работе «Картезианские медитации». Гуссерль задается вопросом, как в сознании появляется опыт «Другого»? Другой не может быть просто «вещью» или фантазией. Он дан как Альтер-эго, то есть «другое Я», такой же центр сознания, как и сам воспринимающий.

М. Мерло-Понти смещает акцент с сознания на воплощенность. У него интерсубъективность коренится в доличностном, телесном синтезе и совместном восприятии мира как плоти. Здесь тело-субъект и тело-Другого изначально сплетены. «Восприятие подразумевает, что опыт в любой момент может быть согласован с опытом любого предыдущего и любого последующего моментов, перспектива моего сознания — с перспективами других сознаний, что все противоречия могут быть разрешены, что единичный и интерсубъективный опыты представляют собой цельный текст, лишенный каких бы то ни было пробелов, что нечто неопределенное для меня в настоящий момент

будет обязательно определено каким-то более полным знанием, которое предсуществует во всякой вещи или, точнее, и является самой вещью» (Мерло-Понти, 1999. С. 86), — таким образом М. Мерло-Понти расширяет представления об интерсубъективности.

Диалогическая философия М. Бубера вводит этическое и онтологическое различие отношений «Я-Ты» и «Я-Оно». Подлинная интерсубъективность («встреча») возникает в непредсказуемом, целостном и взаимном отношении «Я-Ты», где Другой не объективируется, а предстает в своей уникальности — «Основное слово Я-Ты может быть сказано только всем существом. Сосредоточение и сплавление в целостное существо не может осуществиться ни через меня, ни без меня: я становлюсь Я, соотнося себя с Ты; становясь Я, я говорю Ты. Всякая действительная жизнь есть встреча» (Бубер, 1995. С. 21).

Ж.-П. Сартр, напротив, драматизирует интерсубъективность как конфликт взглядов. Взгляд Другого объективирует меня, отчуждает мое бытие, превращая в объект среди объектов, что порождает фундаментальный опыт стыда и борьбу за признание. «Как раз стыд или гордость открывают мне взгляд другого и самого меня на краю этого взгляда, заставляют меня переживать, не познавать рассматриваемую ситуацию» (Сартр, 2000. С. 84), — пишет он.

Общим для этих моделей является наличие устойчивого, непрерывного жизненного мира как фона, центральная роль воплощенного присутствия (прямого или подразумеваемого) и принципиальная открытость и нередуцируемость Другого. Именно эти аспекты подвергаются радикальной трансформации в среде социальных сетей.

Результаты

Социальные сети, благодаря своей структуре и действию, имеют высокую вовлекающую способность, но при этом остаются не вполне прозрачными для пользователей. Поэтому важным представляется отметить их ключевые детерминанты.

Поток контента и, следовательно, «встречаемость» Других определяется не совместным хронотопом или свободным выбором, а логикой базовых алгоритмов, создающих остаточные сегментированные «миры» для пользователя. Для описания пространств, где пересекаются интересы людей и алгоритмов, создано понятие «алгоритмического воображаемого» (algorithmic imaginary). Алгоритмическое воображаемое (то есть способы мышления о том, что такое алгоритмы, какими они должны быть и как они функционируют) не только порождает определенные настроения и ощущения, но и играет созидательную роль в формировании самого алгоритма социальной сети. Таким образом, изучение чувств, которые алгоритмы вызывают у людей, представляется ключевым аспектом для понимания их социальной власти (Bucher, 2017. С. 30–44).

Взаимодействие внутри социальных медиа становится ресурсом, измеряемым и оптимизируемым под цели удержания внимания. Это превращает intersубъективный обмен в состязание за видимость, где Другой предстает прежде всего как потенциальный источник (или конкурент) кликов, лайков и репостов. Социальное признание презентуется в виде публичных метрик (лайки, подписчики). Интерфейс сети, предлагая набор предзаданных реакций, стандартизирует и обедняет спектр возможных откликов на Другого, редуцируя сложность эмоционального и смыслового ответа.

В отличие от совместного, непрерывного потока времени в жизненном мире, взаимодействие в социальных сетях дискретно, фрагментировано и асинхронно, что подрывает чувство общего хронотопа. Именно эти вышеупомянутые детерминанты социальных сетей и формируют специфическую среду, в которой разворачивается современный intersубъективный опыт.

Обсуждение

В этой части нашего исследования более подробно обратимся к классическим философским концепциям intersубъективности, которые были затронуты нами во введении, и рассмотрим несколько других. Они задают фундаментальные координаты для понимания человеческого взаимодействия, и их реконструкция позволяет выявить те элементы, которые подвергаются трансформации в среде социальных сетей сегодня.

В феноменологической традиции Эдмунда Гуссерля intersубъективность понимается не как вторичный результат социального взаимодействия, а как фундаментальный горизонт, в котором только и могут конституироваться самосознание субъекта и объективность внешнего мира. Преодоление онтологической замкнутости сознания, или солипсизма, осуществляется не через абстрактное размышление, а через первичный акт «вчувствования». В этом процессе субъект сталкивается с телом Другого и опознает в нем не просто физический объект среди прочих вещей, но «живое тело», аналогичное его собственному уникальному опыту телесности. Хотя внутренняя жизнь Другого принципиально скрыта от прямого созерцания, она представляется в его внешних проявлениях, жестах и мимике. Тем самым Другой конституируется как «Альтер-эго» — полноправный субъект, обладающий собственной точкой отсчета и иной перспективой восприятия, которая дополняет мою собственную. В результате этого взаимодействия индивидуальные горизонты сознаний пересекаются, создавая пространство общей значимости, где мир перестает быть частным феноменом и обретает статус объективной реальности. «...Оно конституирует объективный мир как универсум чужого ему бытия и в качестве первого уровня — Чужое в модусе alter ego» (Гуссерль, 2010. С. 129), — поясняет Э. Гуссерль.

Морис Мерло-Понти радикально переосмысляет классическую феноменологическую парадигму, смещая фокус с интенциональности чистого

сознания на область дорефлексивного телесного опыта. В его концепции первичным условием человеческого существования становится состояние, при котором наше восприятие оказывается изначально и неразрывно вплетено в единую «плоть мира». В этой оптике тело Другого перестает восприниматься как внешний объект или простое физическое препятствие, представляя как «воплощенное намерение» и иной, но глубоко родственный модус обращения с реальностью. Такой подход утверждает приоритет непосредственного взаимодействия. Стихийный диалог жестов и взглядов всегда предшествует рациональному, рефлексивному пониманию, формируя дологический уровень коммуникации. Таким образом, именно телесное присутствие и совместная ориентация в общем пространственно-временном горизонте жизненного мира признаются фундаментом интерсубъективности, где физическое присутствие Другого является необходимым условием для созидания общего смыслового поля.

Эммануэль Левинас углубляет этическую составляющую, утверждая примат Другого над Я. Лицо Другого, его уязвимость и бесконечность предстают как императивный призыв к безусловной ответственности, предшествующей любой свободе или рефлексии «Я». «Левинас противопоставляет так понятой культуре, преодолевающей противостояние субъекта и объекта, этическое измерение интерсубъектного. Вопрос, который при этом возникает: разве в культуре уже не заложен момент выхода к Другому, разве можно из эстетического выражения исключить измерения “другости”, целиком относя его к сфере этического?» — вопрошает Г. Беневич в комментариях к работе Э. Левинаса «Время и другой» (Левинас, 1998. С. 256). Интерсубъективность здесь — это не симметричный диалог, но асимметричное отношение слушания и ответа на требование Другого. Ключевым в этом подходе является инаковость Другого и этическое измерение встречи как события, прерывающего эгоцентрическую замкнутость Я.

Ги Дебор в рамках своей концепции «общества спектакля» переносит анализ межчеловеческих отношений в социально-историческую плоскость, выявляя процесс прогрессирующего замещения подлинных связей их отчужденными репрезентациями. В этой системе сама жизнь утрачивает свою непосредственность, превращаясь в форму пассивного потребления образов. Доминирующим вектором существования становится не прямое действие, а созерцание подготовленных зрелищ. В условиях тотального господства спектакля интерсубъективность неизбежно деформируется, приобретая опосредованный и глубоко отчужденный характер. «Спектакль есть деньги, на которые мы только смотрим, ибо в нем тотальность потребления уже заместила тотальностью абстрактного представления. Спектакль не просто слуга псевдопотребления, он уже сам по себе есть псевдопотребление жизни» (Дебор, 2000. С. 37), — пишет автор.

Тем самым Дебор фактически предвосхищает фундаментальные вызовы цифровой эпохи, указывая на то, как живое социальное взаимодействие подменяется его тщательной инсценировкой, ориентированной на анонимный взгляд абстрактной публики. Таким образом, пространство междусубъектного обмена превращается в арену экранных представлений, где аутентичное событие вытесняется технологически выстроенной симуляцией коммуникации.

Анализ классических концепций позволил выделить ряд присущих элементов доцифровой intersubjectivity, которые послужат нам основой для последующего сравнения.

Пространство intersubjectivity в цифровую эпоху конституируется не на основе общего жизненного мира в гуссерлевском смысле, а внутри специфических технологических образований — цифровых платформ.

Социальные сети формируют intersubjectivity через предзаданные интерфейсные решения. Ограниченный набор коммуникативных жестов (лайк, репост, ограниченный набор реакций) стандартизирует спектр возможных откликов на Другого, редуцируя сложность человеческого ответа до простых сигналов. Более фундаментальной детерминантой является алгоритмическая курация коммуникации в социальных сетях. Лента новостей, управляемая алгоритмами, определяет не только то, какую информацию мы видим, но и какие Другие становятся видимыми в нашем поле взаимодействия. Алгоритмы ранжируют значимость друзей, родственников, коллег, создавая персонализированную иерархию социальных связей. Таким образом, сама ткань коммуникации (последовательность встреч, актуальность тем, состав сообщества) делегируется технической логике, оптимизированной под удержание внимания, а не под поддержание диалога с Другим.

В основе функционирования платформ лежит экономика внимания, превращающая intersubjectivity в товар. Социальные связи и признание подвергаются тотальному измерению в виде метрик (лайки, подписчики, просмотры). Эта метрическая власть формирует нового субъекта, постоянно производящего себя и свое общение в расчете на измеримый фидбэк. Согласно логике П. Бурдьё, привычные диспозиции переносятся в цифровое поле, где капиталом становится видимость и вовлеченность. Процесс происходит по формуле: «материальный капитал конвертируется в капитал символический, а тот в свою очередь подлежит конвертации в капитал материальный» (Бурдьё, 2001. С. 232). Социальное признание перестает быть результатом длительного этического или диалогического усилия и становится мгновенно измеряемым показателем успешности перформанса. Это трансформирует саму мотивацию взаимодействия — Другой становится прежде всего источником или получателем ценного метрического вклада, что ведет к подмене истинно человеческих отношений на их технический и условный эквивалент.

Профиль в социальной сети — это перформативный конструкт, сознательно создаваемый нарратив о себе. Однако в условиях метрической измеряемости этот перформанс осуществляется под постоянным давлением взгляда обобщенного Другого, т.е. аудитории. Конструирование «Я» происходит не в спонтанном диалоге с конкретным Ты, а в предвосхищении реакции абстрактной, но измеряемой массы. Возникает не страх осуждения, но страх невидимости, недостаточного количества откликов. Идентичность становится циклическим проектом оптимизации под алгоритмические и социальные тренды, где подлинность часто приносится в жертву эффективности самопрезентации.

Итогом функционирования социальных сетей становится формирование новой формы интерсубъективности, которая характеризуется алгоритмической опосредованностью встречи с Другим, измеряемыми метриками, ориентацией на абстрактную аудиторию и урезанными формами эмоционального выражения. Эти изменения не являются поверхностными; они затрагивают саму онтологию социального бытия, конституируя новый режим восприятия Другого, себя и совместного времени.

Феноменологическая целостность и нередуцируемость Другого, ключевая для диалогической традиции, подвергается систематической деконструкции в цифровой среде. Другой утрачивает свою инаковость как лицо, редуцируясь до двух основных форм. Во-первых, он существует как «данные» (big data) — как некий массив цифровых следов, с которым взаимодействуют алгоритмы. Во-вторых, Другой предстает не как целостное бытие, а как источник фрагментированного контента, чьи проявления отбираются и ранжируются по законам вовлеченности. Уникальный диалог «Я-Ты» окончательно замещается отношением «перформанс-зрители» по логике общества спектакля.

Происходит фундаментальный сдвиг в темпоральности взаимодействия. Уникальное, преображающее событие встречи, центральное для Бубера, вытесняется новым хронотопом — состоянием непрерывной фоновой связности. Подлинный диалог, требующий совместного присутствия и внимания, дробится на поток микро-коммуникативных актов в бесконечной ленте. «Встреча» лишается подлинности и превращается в перманентный, но лишенный глубины процесс.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что интерсубъективность в среде социальных сетей конституируется как принципиально новый, «платформенный» модус существования. Он не упраздняет классические модели, но формирует с ними сложный гибрид, внутренняя логика которого определяется рядом характеристик.

Прежде всего, сетевая intersубъективность характеризуется тотальной перформативностью и самомониторингом, где ядром взаимодействия становится тщательно курируемый образ «Я» (curated self) (Duffy, Chan, 2018. С. 119–138), а отношения строятся вокруг взаимной демонстрации и оценки этих образов. Эта перформативность немислима вне системы метрической оценки, где глубина взаимного признания подменяется простыми количественными индикаторами. Уникальное событие «встречи» растворяется в асинхронности и фрагментарности потока реакций. Фундаментальным же условием всей этой системы является алгоритмическая опосредованность, при которой между двумя субъектами неизменно присутствует «третий» — код платформы.

Список источников

- Бубер М.* Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. — М.: Республика, 1995. — 464 с. — ISBN 5-250-02327-4.
- Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 — 562 с. — ISBN 5-89329-351-7.
- Гуссерль Э.* Картезианские медитации / Пер. с нем. В. И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2010. — 229 с. — ISBN 978-5-8291-1181-6.
- Дебор Г.* Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. — М.: Логос, 2000. — 184 с. — ISBN: 5-8163-0008-3.
- Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 265 с. — ISBN 5-900291-05-7.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — М.: Ювента, Наука, 1999. — 608 с. — ISBN 5-02-026807-0.
- Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с. — ISBN 5–250–02729–6.
- Bucher T.* The algorithmic imaginary: exploring the ordinary affects of Facebook algorithms / T. Bucher // Information, Communication & Society. 2017. — Vol. 20. — № 1. — P. 30–44.

References

- Buber M.* Two Images of Faith: Translated from German. Edited by P. S. Gurevich, S. Ya. Levit, and S. V. Lyozov. *M.: Respublika = Moscow: Republic*, 1995; 464 p. ISBN 5-250-02327-4. (In Russ.)
- Bourdieu P.* The Practical Sense. Translated from French by A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Ed. by N. A. Shmatko. *SPb.: Aleteyya = St. Petersburg: Aleteiyya*, 2001; 562 p. ISBN 5-89329-351-7. (In Russ.)
- Husserl E.* Cartesian Meditations. Translated from German by V. I. Molchanov. *M.: Akademicheskij Proyekt = Moscow: Academic Project*, 2010; 229 p. — ISBN 978-5-8291-1181-6. (In Russ.)
- Debord G.* The Society of the Spectacle. Translated from French by S. Ofertas and M. Yakubovich. Edited by B. Skuratov. Afterw. by A. Kefal. *M.: Logos = Moscow: Logos*, 2000; 184 p. — ISBN: 5-8163-0008-3. (In Russ.)
- Levinas E.* Time and the Other. The Humanism of the Other. *SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola = St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School*, 1998; 265 p. ISBN 5-900291-05-7. (In Russ.)
- Merleau-Ponty M.* Phenomenology of Perception. Translated from French by I. S. Vdovina and S. L. Fokin. *M.: Yuventa, Nauka = Moscow: Yuventa, Science*, 1999; 608 p. — ISBN 5-02-026807-0. (In Russ.)
- Sartre J. P.* Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. Translated from French, preface, notes by V. I. Kolyadko. *M.: Respublika = Moscow: Republic*, 2000; 639 p. ISBN 5–250–02729–6. (In Russ.)

Duffy B. E. “You never really know who’s looking”: Imagined surveillance across social media platforms / B. E. Duffy, N. K. Chan // *New Media & Society*. 2018. — 21 (1). — P. 119–138.

Lyon D. Digital citizenship and surveillance: Surveillance culture: Engagement, exposure, and ethics in digital modernity / D. Lyon // *International Journal of Communication*. 2017. — Vol. 11. — P. 824–842.

Bucher T. The algorithmic imaginary: exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*. 2017; 20; 1: 30–44.

Duffy B. E., Chan N. K. “You never really know who’s looking”: Imagined surveillance across social media platforms. *New Media & Society*. 2018; 21 (1): 119–138.

Lyon D. Digital citizenship and surveillance: Surveillance culture: Engagement, exposure, and ethics in digital modernity. *International Journal of Communication*. 2017; 11: 824–842.

Для цитирования: Агапова Е. А., Латкин М. В. Трансформация интерсубъективности в социальных сетях // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 14–23.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.1

EDN DUNAYD

История статьи:

Поступила в редакцию — 16.02.2026

Одобрена после
рецензирования — 25.03.2026

Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторах

Агапова Елена Анатольевна

Доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой социальной
философии Института философии
и социально-политических наук Южного
федерального университета
SPIN-код: 2657-9429
AuthorID: 254721
agapova@sfedu.ru

Information about authors

Elena A. Agapova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Social
Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-
Political Sciences, Southern Federal University
WoS ResearcherID: L-6502-2016
Scopus AuthorID: 57204128108
agapova@sfedu.ru

Латкин Михаил Валерьевич

аспирант кафедры истории русской фило-
софии и теории россиеведения Института
философии и социально-политических наук
Южного федерального университета
SPIN-код: 8917-4418
AuthorID: 1337067
latkin@sfedu.ru

Mikhail V. Latkin

Postgraduate Student, Department of Social
Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-
Political Sciences, Southern Federal University
latkin@sfedu.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
КАК ПРОСТРАНСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ
«ГИБРИДНОЙ ПУБЛИЧНОЙ
СФЕРЫ»**

**SOCIAL NETWORKS
AS A SPACE
FOR THE FORMATION
OF A “HYBRID PUBLIC
SPHERE”**

К. Б. Ахмедова*

Kulsum B. Akhmedova*

* Чеченский государственный педагогический университет
Грозный, Россия

* Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia

Цель исследования: изучение процесса трансформации публичной сферы в условиях цифровизации.

The aim of the study is to learn the process of transformation of the public sphere in the context of digitalization.

Методологическая база исследования базируется на критическом осмыслении классической теории публичной сферы Юргена Хабермаса, которая выступает в работе нормативным ориентиром. Автор последовательно раскрывает ограничения данной модели, выявленные в философской критике (Н. Фрейзер, М. Фуко), и демонстрирует, как эти ограничения обостряются в эпоху социальных сетей.

Methodological basis of the study is grounded on a critical understanding of Jürgen Habermas’s classical theory of the public sphere, which serves as the normative reference point for the work. The author consistently reveals the limitations of this model, as identified in philosophical critiques (N. Fraser, M. Foucault), and demonstrates how these limitations are exacerbated in the age of social media.

Результаты исследования. Доказывается, что цифровые платформы формируют принципиально новую, гибридную публичную сферу, для которой характерно стирание границ между частным и публичным, рациональным и аффективным. На основе теоретического анализа и привлечения эмпирических данных в статье выявляются ключевые последствия этой трансформации: глубокая фрагментация общественного дискурса и идеологическая поляризация, возникновение «эхо-камер», амбивалентный рост цифрового активизма, эпистемологический кризис, связанный с распространением дезинформации, и изменение статуса индивида. Делается

The results of the study. Digital platforms shape a fundamentally new, hybrid public sphere, characterized by the blurring of boundaries between private and public, rational and affective. Based on theoretical analysis and empirical data, the author identifies the key consequences of this transformation: deep fragmentation of public discourse and ideological polarization, the emergence of “echo chambers,” the ambivalent growth of digital activism, an epistemological crisis associated with the spread of disinformation, and a change in the status of the individual. The conclusion is that the hybrid public sphere is a complex and contradictory phenomenon that requires a rethinking of classical concepts

вывод о том, что гибридная публичная сфера представляет собой сложный и противоречивый феномен, требующий переосмысления классических понятий демократии и выработки новых механизмов, способных усилить ее демократический потенциал.

Перспективы исследования связаны с последующей социологической рефлексией данного направления.

Ключевые слова: публичная сфера, гибридная публичная сфера, Юрген Хабермас, социальные сети, цифровая трансформация, общественный дискурс

of democracy and the development of new mechanisms capable to strengthen its democratic potential.

The prospects of the study are related to the subsequent sociological reflection of this field.

Keywords: public sphere, hybrid public sphere, Jürgen Habermas, social media, digital transformation, public discourse

Введение

В условиях глубоких социальных и философских трансформаций, связанных с развитием цифровых технологий и их проникновением в общественную жизнь, подчеркивается актуальность исследования социальных сетей как пространства формирования гибридной публичной сферы.

В первую очередь стоит подчеркнуть, что современные социальные сети — это уже не просто инструмент коммуникации, а новый тип публичного пространства, в котором формируется общественное мнение, проходят политические дискуссии и выражаются коллективные идентичности. Традиционные модели публичной сферы, предложенные Юргеном Хабермасом, базировались на рациональном и дискурсивном обмене мнениями, который проводился в социальных институтах, имеющих четкие границы. Однако цифровая эпоха трансформирует и разрушает эти границы, переплетая онлайн и офлайн взаимодействия, превращая коммуникации в многоканальные и полимодальные и формируя гибридную публичную сферу.

Роль социальных сетей в формировании общественного сознания и социокультурных практик сопряжена и с увеличением скорости распространения информации. Платформы социальных медиа предоставляют возможность каждому пользователю стать источником публичного высказывания, что отражается на балансе власти между традиционными медиа и гражданским обществом. Эти процессы приводят к фрагментации аудитории, распространению дезинформации, усилению идеологических поляризации и развитию механизмов манипуляции.

В философском плане исследование «гибридной публичной сферы» раскрывает новые перспективы на понимание коммуникации и социокультурных идентичностей в контексте сетевых технологий, где границы между личным и публичным, реальным и виртуальным смещаются и становятся

проницаемыми. Это требует переосмысления классических понятий демократии, свободы слова и ответственности участников публичного дискурса.

В рамках данной статьи будет рассматриваться проблема существования разрыва между нормативным идеалом рациональной публичной сферы, сформулированным в социальной философии, и практиками коммуникации в социальных сетях. Объект исследования — публичная коммуникация в социальных сетях; предмет исследования — соответствие коммуникативных практик в социальных сетях критериям «идеальной публичной сферы» Ю. Хабермаса и выявление характеристик формирующейся гибридной публичной сферы.

Методология исследования

В качестве основных теоретических подходов в статье используются классическая теория публичной сферы Ю. Хабермаса, критика теории Ю. Хабермаса Н. Фрейзер и других, концепция гибридной публичной сферы. Анализ вторичных эмпирических данных используется для иллюстрации и верификации теоретических выводов. В работе привлекаются результаты эмпирических исследований, проведенных такими организациями, как Facebook (Bakshy et al.), Statista, а также академические работы, анализирующие конкретные кейсы. Эти данные позволяют связать философско-теоретический уровень анализа с наблюдаемыми социальными практиками.

Результаты и обсуждение

Ю. Хабермас рассматривает публичную сферу как пространство рационального дискурса, где граждане свободно обсуждают вопросы общего интереса, формируют общественное мнение и воздействуют на политическую власть. Данная модель базируется на идеале автономного, открытого и инклюзивного диалога.

Теория публичной сферы Ю. Хабермаса представляет собой одну из фундаментальных концепций социально-политической философии XX века, исследующую условия возможности рационально-критического публичного дискурса. Сформулированная в работе 1961 года «Структурное преобразование публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества», данная теория анализирует генезис, расцвет и упадок пространства публичной рациональности, обладающего нормативным потенциалом для демократического общества (Хабермас, 1990).

Ю. Хабермас исторически прослеживает формирование буржуазной публичной сферы в XVIII веке как особой социальной области, промежуточной между государством и частной жизнью индивидов. Эта сфера конституировалась в салонах, кофейнях, литературных и научных обществах, а также через периодическую печать, где частные лица собирались для свободного

и равноправного обсуждения вопросов, имеющих общезначимый характер. Ключевым принципом, легитимирующим эту коммуникативную практику, была идея публичного использования разума, при котором аргументы оценивались не по социальному статусу их автора, а исключительно по их меритократической силе и рациональной обоснованности. Таким образом, формировалось общественное мнение, которое, будучи артикулированным в дискуссиях, могло оказывать влияние на власть, делая ее действия подотчетными и легитимными.

Нормативный идеал публичной сферы, по Ю. Хабермасу, заключается в ее способности генерировать легитимную власть через неограниченную и инклюзивную коммуникацию, направленную на достижение консенсуса. Это пространство характеризуется такими принципами, как открытость для всех граждан, игнорирование статусных различий, проблематизация областей, считавшихся приватными и, что наиболее важно, ориентация на общее благо. Модель публичной сферы, укрепившаяся к середине XIX века, отличалась следующими чертами: «открытой дискуссией, критикой действий власти, полной подотчетностью, гласностью и независимостью действующих лиц от экономических интересов и контроля государства» (Уэбстер, 2004, С. 222). Публичная сфера, таким образом, выступает медиатором между гражданским обществом и государством, трансформируя спонтанное общественное мнение в оформленную публичную волю, которая в идеале должна находить отражение в законодательных и административных решениях.

Однако Ю. Хабермас отмечает, что этот идеал был исторически недолгим, и в XIX–XX веках публичная сфера пришла в упадок. Процессы коммодификации культуры, концентрации СМИ, сращивания государства и крупных корпораций, а также возникновения массового потребительского общества привели, по его мнению, к рефеодализации публичной сферы. Рационально-критическая дискуссия уступает место манипулятивному PR, пассивному потреблению культурных продуктов и формированию общественного согласия через разработанные механизмы, а не через подлинную дискуссию. Публичность из инструмента критики превращается в инструмент легитимации существующего порядка.

Рассмотрим эти причины более подробно:

- Массовизация и появление культуры потребления. С ростом грамотности и развитием СМИ (радио, ТВ) публичная сфера стала массовой. Дискуссия превратилась в потребление готовой информации. Активный гражданин уступил место пассивному потребителю.
- Сращивание государства и общества. Граница между ними стала размытой. Государство стало активно вмешиваться в социальную жизнь («государство всеобщего благоденствия»), а крупные корпорации стали влиять на политику. Исчезло независимое гражданское общество.

- Коммерциализация СМИ. Пресса и позднее телевидение превратились в бизнес, целью которого является получение прибыли от рекламы. Это привело к триумфу развлечения над критикой, к замене рациональной дискуссии на шоу и скандалы.
- Манипулятивное публичное мнение. Вместо мнения, формируемого «снизу», выдвигается мнение, формируемое «сверху» с помощью PR, рекламы и политических технологий. Общественное мнение стало объектом манипуляции, а не субъектом политики.

В своей более поздней работе «Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермас переосмысливает и развивает свою концепцию, смещая акцент с исторического анализа на нормативные основания (Хабермас, 1990). Он противопоставляет инструментальное действие, ориентированное на успех, и коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание. В этом контексте публичная сфера предстает как жизненный мир, противостоящий системным императивам экономики и административной власти. Ее функция заключается в обеспечении дискурсивных условий, при которых могут выявляться и тематизироваться общественные проблемы, а также генерироваться коммуникативная власть, способная оказывать влияние на политическую систему.

Критика теории публичной сферы была многообразной и включала упреки в идеализации буржуазной модели (Шейх, 2009), игнорировании эксклюзивного характера (исключение женщин, низших классов, маргинализированных групп) исторической публичной сферы (Fraser, 1990), а также в недооценке плюрализма конфликтующих публик. В ответ на эту критику Хабермас признал множественность конкурирующих публичных сфер (например, контрпублики субалтернных групп) и уточнил, что его теория предлагает не историческое описание, а нормативную модель, критический стандарт для оценки реальных демократических процессов. Таким образом, теория публичной сферы продолжает оставаться одним из ключевых концептуальных инструментов для анализа условий демократической легитимности, роли медиа и потенциала гражданского общества в современном мире.

Критический анализ теории публичной сферы Юргена Хабермаса сформировал обширное поле академической дискуссии, выявив ряд концептуальных ограничений и исторических неточностей исходной модели. Критика развивалась по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых проблематизировало различные аспекты его теории.

Одним из наиболее значительных является упрек в исторической идеализации буржуазной публичной сферы. Историки, такие как Джоан Лэндес (Landes, 1988), а вслед за ними и феминистские исследователи, указывали, что описанная Хабермасом сфера была по своей сути эксклюзивной. Она конструировалась как сугубо маскулинное пространство, из которого систематически исключались женщины, а также индивиды, не обладавшие собственностью

или формальным образованием. Риторика универсализма и равенства, таким образом, маскировала частные интересы и доминирование конкретной социальной группы — белых образованных мужчин из имущих классов. Это ставит под сомнение саму возможность существования в прошлом той инклюзивной и эгалитарной сферы, которая представлена в нормативном идеале Хабермаса.

Второе направление критики, связанное с работами Мишеля Фуко и представителей неомарксизма, оспаривает хабермасовскую концепцию рационального дискурса, свободного от отношений власти (Фомичев, 1998). Критики утверждают, что сама идея «беспристрастного» рационального аргумента является иллюзией, поскольку дискурсивные практики и процедуры рациональности сами по себе суть продукты властных отношений и служат инструментом символического исключения. Определенные темы и способы говорения маргинализируются как «неразумные» или «частные», что лишает доступа к публичной речи целые группы (рабочих, колонизированные народы, маргинализованные меньшинства). С этой точки зрения публичная сфера предстает не как область эмансипации, а как арена борьбы между конкурирующими дискурсами, где доминирующие структуры стремятся навязать свои критерии легитимности.

Третий комплекс возражений касается плюрализации публик. Нэнси Фрейзер и другие теоретики настаивают на том, что хабермасовская модель единой, универсальной публичной сферы является не только эмпирически неадекватной, но и нормативно нежелательной (Fraser, 1990). В сложных современных обществах неизбежно сосуществуют множественные публичные сферы — субалтерные группы, контрпублики (например, феминистская, рабочая, этническая), которые формируются группами, находящимися в подчиненном положении по отношению к доминирующей («буржуазной») публичности. Эти контрпублики создают альтернативные дискурсивные пространства для артикуляции собственных интересов и идентичностей, а затем вступают в конфликт с мейнстримной публичной сферой. Игнорирование этого стратифицированного и конфликтного характера публичного пространства приводит к недооценке его реальной динамики.

Четвертый блок критики относится к экономическим и медийным детерминантам. Политическая экономия, вслед за Николасом Гарнэмом, подчеркивает, что Хабермас, хотя и описывал коммодификацию как фактор упадка, недооценил структурное влияние капитализма на саму инфраструктуру публичной коммуникации (Garnham, 1992). Концентрация медиасобственности, зависимость СМИ от рекламы и логика рыночного рейтинга фундаментально подрывают возможность ведения неангажированного рационально-критического дискурса. Публичная сфера превращается в арену соревнования коммерческих брендов и политических имиджей, где сила аргумента подменяется силой медийного присутствия.

Наконец, нормативная строгость модели Хабермаса также подвергалась сомнению. Ряд теоретиков, включая Шанталь Муфф, утверждают, что его концепция, ориентированная на консенсус, является политически наивной (Зайцев, 2023). Она не способна адекватно теоретизировать неизбежную роль конфликта, агонизма и страсти в демократической политике. Стремление к идеалу полностью прозрачной коммуникации и рационального согласия игнорирует онтологический плюрализм ценностей в современных обществах и может вести к подавлению различий во имя мнимого универсализма.

В ответ на эту многослойную критику Хабермас и его последователи признали историческую ограниченность первоначальной модели и скорректировали свои позиции. Было принято понятие «множественных публичных сфер», а акцент сместился на поиск процедурных, а не субстанциальных оснований для легитимности, обеспечивающих включение маргинализированных голосов и учет плюрализма в рамках делиберативного процесса. Тем не менее, критика остается неотъемлемой частью интеллектуального наследия теории, демонстрируя ее эвристическую ценность в качестве катализатора фундаментальных споров о природе демократии, власти и публичной коммуникации.

Рассмотренная критика теории Хабермаса, выявляющая внутренние противоречия и историческую ограниченность модели буржуазной публичной сферы, получает новое звучание и актуальность в контексте цифровой эпохи. Если классические возражения фокусировались на исключаящих механизмах внутри национально-государственных рамок, то современные медийные реалии радикально трансформируют саму онтологию публичного пространства. Возникновение глобальных платформенных социальных сетей, представляющих собой гибридную публичную сферу, где переплетаются частное и публичное, индивидуальное и массовое, рациональное и аффективное, порождает комплекс практических последствий, которые невозможно адекватно осмыслить в рамках исходной хабермасовской парадигмы. Эта трансформация имеет многомерный характер и существенно влияет на фундаментальные общественные процессы, культуру и политику, что проявляется в ряде ключевых тенденций. Среди них необходимо выделить глубокую фрагментацию общественного дискурса и усиливающуюся политическую и ценностную поляризацию, которая подрывает саму возможность формирования консенсуса. Парадоксальным образом на этом же фоне наблюдается рост цифрового активизма и возникновение новых, зачастую горизонтальных, форм гражданского участия, мобилизующих ранее маргинализированные группы. Одновременно инфраструктура гибридной публичности способствует беспрецедентно быстрому распространению дезинформации, фейковых новостей и сложных манипулятивных практик, ставя под вопрос эпистемологические основания публичного диалога. В свою очередь, это влечет за собой изменение статуса индивида, который оказывается одновременно и потребителем, и производителем контента, объектом

тотальной видимости и субъектом новых форм цифровой уязвимости. Наконец, все эти процессы в совокупности ведут к глубокой трансформации культурной идентичности и механизмов социальной интеграции, которые более не привязаны жестко к национальным публичным сферам, а формируются в гибридном онлайн-офлайн пространстве, порождая как новые возможности для солидарности, так и риски атомизации.

Практические последствия формирования социальных сетей как гибридной публичной сферы имеют многомерный характер и существенно влияют на общественные процессы, культуру и политику. Рассмотрим некоторые из них.

- Фрагментация общественного дискурса и поляризация. Социальные сети способствуют формированию «эхо-камер» — замкнутых групп с однообразными взглядами, что усиливает идеологическую поляризацию и снижает возможности для конструктивного диалога. Это подрывает классическую модель публичной сферы, основанную на обмене аргументами между разными точками зрения, и создает условия для конфронтации и недоверия в обществе.

Ученые из Facebook проанализировали анонимизированные данные 10,1 млн американских пользователей. Исследование показало, что, хотя алгоритмы Facebook действительно уменьшают вероятность встречи с контентом, противоречащим взглядам пользователя (т.н. «cross-cutting exposure»), основным источником идеологической сегрегации являются собственные предпочтения и поведение друзей пользователя (Bakshi, 2015). Эти данные эмпирически подтверждают тезис о фрагментации, показывая, как структура социальных связей формирует относительно гомогенные информационные пузыри.

- Рост цифрового активизма и новых форм гражданского участия. Социальные сети позволили активистам и гражданам мобилизоваться быстро и эффективно, что проявляется в глобальных и локальных протестах, кампаниях за права человека, экологических инициативах. Гибридная публичная сфера расширяет рамки традиционного политического участия, вовлекая ранее маргинализированные группы и создавая новые формы сетевого солидаризма.

Анализ политических эффектов социальных сетей в России выявил, что соцсети не только отражают общественно-политические противоречия, но и становятся активной площадкой политического противоборства и формирования гражданской идентичности. Исследование подчеркивает особую роль цифровой среды в легитимации власти и организации социального диалога (Михайленок, 2019).

- Распространение дезинформации, фейков и манипулятивных практик. Алгоритмы социальных платформ часто усиливают сенсационный и эмоционально заряженный контент, что ведет к массовому

распространению ложной информации. Это угрожает общественной безопасности и ухудшает качество публичного дискурса, ставя под сомнение возможности рационального обсуждения и формирование осознанного общественного мнения.

Как выявило исследование Social Networks Analysis Center, 68% пользователей социальных сетей сталкиваются с контентом, подтверждающим их взгляды. А по данным Statista, показ персонализированного контента и ленты новостей, сформированных на основе пользовательских предпочтений, увеличивает частоту и продолжительность сессий на медиаплатформах на 35% (Сорокина, Мичурова и др., 2024). Отдавая предпочтение информации, близкой по духу, идеологии или уровню знаний, социум сам себя загоняет в страшную ловушку «эхо-камер». Системы рекомендаций и модерация контента не только снижают разнообразие информации, но и способствуют усилению когнитивных искажений и поляризации общества (Зорина, 2025).

- Изменение статуса индивида в публичной сфере. В условиях гибридной публичной сферы каждый пользователь способен выступать как медиа-продюцент, влияя на массовое сознание и социальные настроения. Это ведет к новому распределению власти и ответственности, где личные высказывания могут иметь общественную значимость, одновременно создавая риски для приватности и психологического благополучия.
- Трансформация культурной идентичности и социальной интеграции. Гибридная публичная сфера становится пространством формирования гибридных и многослойных идентичностей, где культурные и социальные нормы постоянно пересматриваются под влиянием глобальных и локальных трендов. Это создает как возможности для межкультурного диалога, так и конфликты из-за столкновения различных ценностей и практик.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует глубокую трансформацию публичной сферы под влиянием цифровых технологий, в частности, социальных сетей. Нормативный идеал рационально-критической публичной сферы, сформулированный Юргеном Хабермасом, вступает в сложное и противоречивое взаимодействие с реальными практиками коммуникации в цифровую эпоху.

Классическая модель Хабермаса, основанная на принципах открытости, рационального диалога и ориентации на общее благо, сталкивается с системными ограничениями, выявленными еще в рамках традиционной критики (историческая эксклюзивность, игнорирование плюрализма публик, влияние властных отношений и экономических детерминант). Однако в контексте

социальных сетей эти ограничения обретают новое, гипертрофированное выражение.

Социальные сети формируют гибридную публичную сферу, характеризующуюся стиранием границ между частным и публичным, онлайн и офлайн, рациональным и аффективным. Эта гибридность порождает ряд ключевых последствий:

- фрагментация и поляризация — алгоритмическая логика и пользовательские предпочтения способствуют созданию «эхо-камер» и «информационных пузырей», подрывающих основу для формирования единого публичного дискурса и конструктивного диалога между различными позициями;
- амбивалентность гражданского участия — с одной стороны, гибридная сфера открывает новые возможности для цифрового активизма, мобилизации маргинализированных групп и возникновения сетевых форм солидарности, с другой — она создает риски для качества этого участия, замещая глубокую дискуссию поверхностными формами вовлеченности;
- эпистемологический кризис — скорость и масштабы распространения информации в социальных сетях, наряду с распространением дезинформации и манипулятивных практик, ставят под сомнение саму возможность формирования осознанного и адекватного общественного мнения;
- трансформация идентичности и власти — индивид в гибридной сфере одновременно становится и потребителем, и производителем контента, что ведет к новому распределению символической власти, но одновременно и к росту рисков для приватности и психологического благополучия.

Таким образом, гибридная публичная сфера социальных сетей представляет собой сложный и противоречивый феномен. Она не является ни прямым воплощением хабермасовского идеала, ни его полным отрицанием. Скорее, это новая реальность, которая требует переосмысления классических понятий демократии, свободы слова, рациональности и ответственности. Теория Хабермаса сохраняет свою ценность как нормативный ориентир и инструмент критического анализа, однако для адекватного понимания современных коммуникативных процессов она должна быть дополнена подходом, учитывающим гибридный, платформенный, алгоритмический и глубоко конфликтный характер цифрового публичного пространства. Дальнейшие исследования должны быть направлены на поиск механизмов и процедур, способных усилить демократический потенциал гибридной публичной сферы, одновременно минимизируя присущие ей риски фрагментации, манипуляции и поляризации.

Список источников

- Зайцев А. В. Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX — начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект) // *Философская мысль*. — 2023. — № 10. — С. 51–62. — DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68711. — EDN: UDXZTO.
- Зорина М. А. Понятие и роль фейковых новостей в медиaprостранстве России // *Молодой ученый*. — 2025. — № 5 (556). — С. 314–317.
- Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // *Социологические исследования*. — 2019. — № 2. — С. 78–87. — DOI 10.31857/S013216250004012-6.
- Сорокина М. Д., Мичурова А. С., Дворянинова С. А., Емец Е. А. Влияние алгоритмов персонализации на аудиторию и приватность в медиакommunikациях // *Теории и проблемы политических исследований*. — 2024. — Т. 13. — № 7А. — С. 73–80.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
- Фомичев П. Н. 99.03.004. Флиvbьерг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества? Flyvbierg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? // *Brit. J. of Sociology*. — L., 1998. Vol. 49, № 2. P. 210–233 // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология*. — 1999. — № 3. — С. 25–30.
- Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. Н. Панченко. — М.: Московский государственный университет, 1990. — 332 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. Н. Панченко. — М.: Весь мир, 2022. — Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. — 834 с.

References

- Zaitsev A. V. Transformation of the concept of the public sphere Habermas in the infocommunicative and digital reality of the late XX — early XXI centuries (theoretical and methodological aspect). *Filosofskaya mysl' = Philosophical thought*. 2023; 10: 51–62. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68711. (In Russ.)
- Zorina M. A. The Concept and Role of Fake News in the Russian Media Space *Molodoy uchenyj = Young Scientist*. 2025; 5 (556): 314–317. (In Russ.)
- Mihajlenok O. M., Malysheva G. A. The political effects of social media in Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2019; 2: 8–87. DOI 10.31857/S013216250004012-6. (In Russ.)
- Sorokina M. D., Michurova A. S., Dvoryaninova S. A., Emets E. A. The Influence of Personalization Algorithms on the Audience and Privacy in Media Communications. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Research*. 2024; 13 (7A): 73–80. (In Russ.)
- Uebster F. Theories of the information society / F. Uebster; Trans. From Eng. — M.: *Aspekt Press = Moscow: Aspekt Press*. 2004; 400 p. (In Russ.)
- Fomichev P. N. 99.03.004. Flivbjerg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? Flyvbierg B. Habermas and Foucault: thinkers for civil society? // *Brit. J. of Sociology*. — L., 1998. Vol. 49, No. 2. P. 210–233. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11, Sociology = Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11, Sociology*. 1999; 3: 25–30. (In Russ.)
- Habermas Yu. Structural Transformation of the Public Sphere: A Study of the Category of Bourgeois Society. *Trans. from Germ. A. N. Panchenko. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet = Moscow: Moscow State University*. 1990; 332 p. (In Russ.)
- Habermas Yu. Theory of communicative action. In 2 vols. / Trans from Germ. A. N. Panchenko.

Шейх С. Фрагментация публичной сферы и ее критика // *Theory and Practice*. — 2009. — № 4. — С. 45–52.

Bakshi E., Messing S., Adamic L. A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook // *Science*. — 2015. — Vol. 348, No. 6239. — P. 1130–1132. — <https://doi.org/10.1126/science.aaa1160>

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. — 1990. — No. 25/26. — P. 56–80.

Garnham N. The Media and the Public Sphere // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. by C. Calhoun. — Cambridge, MA: MIT Press, 1992. — P. 359–376.

Landes J. B. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution / J. B. Landes. — Ithaca: Cornell University Press, 1988. — 275 p.

M.: *Ves' mir = Moscow: Whole World*. Vol. 1. Rationality of Action and Social Rationalization; Vol. 2. Towards a Critique of Functionalist Reason. 2022; 834 p. (In Russ.)

Shejh S. Fragmentation of the public sphere and its criticism. *Theory and Practice*. 2009; 4: 45–52. (In Russ.)

Bakshy E., Messing S., Adamic L. A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook. *Science*. 2015; 348(6239): 1130–1132.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*. 1990; 25/26: 56–80.

Garnham N. The Media and the Public Sphere. In *Habermas and the Public Sphere*. Ed. by C. Calhoun. Cambridge, MA: MIT Press. 1992: 359–376.

Landes J. B. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. *Ithaca: Cornell University Press*. 1988; 275 p.

Для цитирования: Ахмедова К. Б. Социальные сети как пространство формирования «гибридной публичной сферы» // *Гуманитарий Юга России*. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 24–35. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.2 EDN DXMLZX

История статьи:
Поступила в редакцию — 02.02.2026
Одобрена после
рецензирования — 24.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторе

Ахмедова Кульсум Байтаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета.

SPIN-код: 8992-3493,

AuthorID: 1059745

akhmedovakb@yandex.ru

Information about author

Kulsum B. Akhmedova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, and Sociology at Chechen State Pedagogical University.

akhmedovakb@yandex.ru

ДВЕ ИЛЛЮЗИИ ЛЮБВИ

TWO ILLUSIONS OF LOVE

Е. В. Золотухина-Аболина*

ORCID: 0000-0002-5954-2758

С. С. Партолина***Elena V. Zolotukhina-Abolina*****Svetlana S. Partolina***

* *Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia*

Целью статьи является рассмотрение двух иллюзий, которые нередко возникают в коммуникации, когда речь заходит о любви. Авторы исходят из того, что любовь — важнейшая ценность, и крайне нежелательно путать с любовью совершенно другие виды отношений, которые приносят человеку при недолговременной радости последующее горькое разочарование.

Objective of the study is to examine two illusions that often arise in communication when it comes to love. The authors proceed from the fact that love is the most important value, and it is highly undesirable to confuse with love completely different types of relationships that bring a person with short-term joy and subsequent bitter disappointment.

В методологическом отношении авторы опираются на разработки гуманистической философии и психологии XX века, в частности, Э. Фромма и А. Маслоу. Не столь явным методологическим источником, тем не менее присутствующим в работе, является Г. В. Ф. Гегель с его идеей о «соответствии предмета его идее». В данном случае «идея любви», ее идеал сформулирован Э. Фроммом, этот идеал, с которым сравниваются реальные отношения, представляет собой любовь, понятую не только как чувство, но как деятельное отношение с учетом субъективности и автономии любимого. То, что называется в статье «иллюзорными представлениями о любви», как раз резко контрастирует с любовью как заботой и благом любимого и принятием его как реального самостоятельного субъекта.

Methodological basis of the study the authors rely on the developments of humanistic philosophy and psychology of the twentieth century, in particular, E. Fromm and A. Maslow. A less obvious methodological source, however, present in the work, is G. V. F. Hegel with his idea of “the conformity of an object with its idea”. In this case, the “idea of love”, its ideal formulated by E. Fromm, this ideal, with which real relationships are compared, is love, understood not only as a feeling, but as an active relationship, taking into account the subjectivity and autonomy of the beloved. What is called in the article “illusory representations of love” is in sharp contrast to love as caring for and benefiting a loved one and accepting him as a real independent subject.

Результаты исследования. В статье рассмотрена, во-первых, иллюзия «меня любят», которая, как показывают авторы, ссылаясь на мнения философов XX век (Ж.-П. Сартра, Ж. Лакана), связана со стремлением во что бы то ни стало ликвидировать внутреннюю бытийную и душевную недостаточность, изначально присущую человеку. Авторы статьи не разделяют полностью эту позицию об «исходной ущербности» индивида, но признают, что жадное желание «опереться на другого» ради чувства собственной целостности провоцирует людей на создание иллюзий о том, что «их любят», когда о любви нет и речи. Во-вторых, рассмотрена иллюзия «я люблю», когда с любовью путают собственную неудержимую страсть или любовное выдуманное изображение, далеким от реального человека.

Перспективой исследования выступает обращение ко многим другим иллюзиям любви, некоторые из которых названы в конце статьи.

Ключевые слова: любовь, Другой, романтическая любовь, иллюзии, коммуникация, страсть, влюбленность, заблуждения

Results of the study. The article examines, firstly, the illusion of “I am loved”, which, as the authors show, referring to the opinions of twentieth-century philosophers (J.-P. Sartre, J. Lacan), is associated with the desire to eliminate at all costs the inner existential and spiritual deficiency inherent in man. The authors of the article do not fully share this position about the “initial inferiority” of an individual, but recognize that the greedy desire to “lean on another” for the sake of a sense of their own integrity provokes people to create illusions that “they are loved” when there is no question of love. Secondly, the “I love” illusion is considered, when one confuses one’s own uncontrollable passion or admiring a fictional image far from a real person with love.

Prospect of the study is to address many other illusions of love, some of which are named at the end of the article.

Keywords: love, Other, romantic love, illusions, communication, passion, falling in love, delusions

Введение

Эта статья посвящена вечной теме — теме любви и тем иллюзиям, которые неизбежно ее сопровождают. Любовь — огромная коммуникативная ценность, религии говорят, что она исходит непосредственно от Бога, люди неверующие считают ее венцом всего подлинно человеческого. Любовь всегда связана с надеждами на счастье, на взаимность благих устремлений, на собственную единственность и неповторимость для Другого. И никакие успехи современной науки и техники, никакие искусственные интеллекты и нейросети не меняют этой универсальной человеческой надежды на «блаженство любви». В то же время любовь несет в себе огромный риск иллюзорности, опасность блуждания в собственных фантазиях, поэтому философам так важно обращаться к анализу этих иллюзий, чтобы понять, в чем их зло и есть ли в них благо. Обратимся в предлагаемом тексте к двум распространенным иллюзиям любви, хотя на самом деле их можно найти гораздо больше.

В минувшем XX веке феномен «иллюзий в любви» становится предметом междисциплинарного анализа, что отражается и в зарубежных, и в отечественных работах. Так, исследователи обращаются к вопросам невзаимных и гиперболизированных чувств, к зависимым и созависимым связям, к нарциссическим и альтруистическим проявлениям человека и к влиянию массовой культуры на романтические отношения. В рассмотрение таких проблем внесли вклад многие крупные мыслители, такие как Эрих Фромм, Абрахам Маслоу, Жан-Поль Сартр, Жак Лакан, Хосе Ортега-и-Гассет и другие. Саму любовь при интуитивном единстве понимания они, тем не менее, определяют несколько по-разному, поэтому для нашего рассмотрения мы последуем за известным автором Эрихом Фроммом, утверждающим, что *подлинная любовь* — это не только эмоциональное состояние, но и *деятельная способность*. Любовь не сводится к чувству, она также *искусство*, которое требует зрелости и труда человека. Любовь рассматривается в данном случае как *идея* в гегелевском смысле и как *идеал*, с которым можно сопоставлять все то, что «любовью не является». Любовь у Фромма — это утверждение бытия другого человека, это нежность и привязанность, это готовность трудиться для любимого и его блага. В истинной любви любимого воспринимают как единственного и неповторимого, и если такая любовь существует, то проявляет себя как *устойчивая и долгосрочная*, способная к *преодолению трудностей и препятствий*. В нашей статье мы будем говорить конкретно о *романтической любви между мужчиной и женщиной* и об иллюзиях, возникающих в ней. Кстати, Эрих Фромм, говоря именно об эротической любви, пишет, что она «возможно, самый обманчивый вид любви» (Фромм, 2004. С. 113).

Но что такое иллюзии? Большой толковый словарь русского языка гласит: «ИЛЛЮЗИЯ, —и; ж. [франц. illusion — обманчивое представление, заблуждение]. 1. Искаженное восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное... // Видимость, подобие. Нечто несбыточное, мечта»¹. В нашем контексте это — частично или полностью *искаженное восприятие в любовных отношениях*, это ситуация, когда видят то, чего нет, а порой — не замечают очевидного. Подобные искажения могут проявляться в идеализации партнера, романтизации его образа, игнорировании противоречий, зависимости, обманчивом ощущении чувства любви и во многих других проявлениях. В большинстве своем иллюзорные представления о любви оказывают негативное воздействие на человека и его чувства, поэтому необходимо избавляться от них. Хотя иногда, как ни странно, они способны украсить жизнь, правда, скорее всего — на ограниченный срок. Рассмотрим коротко две типичные иллюзии, характерные для

¹ Большой толковый словарь русского языка — URL:<https://gramota.ru/poisk?query=%D0%98%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D0%B7%D0%B8%D1%8F&mode=slovari> (дата обращения: 20.01.2026).

любовных отношений, где в первом случае «Я» полагаю, что «Другой меня любит», а во втором — что это я люблю Другого.

Иллюзия «меня любят»

Одной из популярных иллюзий любви является убежденность человека в наличии любви со стороны Другого при ее *фактическом отсутствии*, это ситуация, когда *желаемое принимают за действительное*. И такое искажение рассматривалось рядом мыслителей не только в контексте самообмана, но и при рассмотрении темы *глубинной потребности* человека в признании и любви. В чем укоренена безосновательная убежденность, что «меня любят»?

Уже в античности, в платоновском «Пире», в речи Аристофана выражена мысль, что человек сам по себе «не полон», он стремится восполнить утрату своей сущности, найти «вторую половинку» и обрести целостность. И эта тема «восполнения» проходит через века, побуждая человека напряженно искать того, кто даст ему полноту бытия. Применительно к современности здесь стоит упомянуть Ж.-П. Сартра, французского философа-экзистенциалиста, который писал о том, что любовь — это попытка получить полноту бытия, по сути, за счет Другого. Нам может быть дано блаженство собственного совершенства лишь посредством преклонения и восторга Другого, когда не я оказываюсь на фоне мира, а мир имеет смысл *лишь в свете моего Я*. Когда меня любят, все имеет значение лишь в связи со мной. Однако, с точки зрения Сартра, дело упирается в то, что Другой желает того же самого от меня, я должен дать любимому такое же бытийное величие. Но, по Сартру, невозможно одновременно быть «равным миру» в глазах Другого и быть субъективностью, способной сообщить любимому аналогичную полноту.

В «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр пишет, что «Каждый хочет, чтобы другой его любил, не отдавая себе отчета, что любить — значит хотеть быть любимым...» (Сартр, 2000. С. 391), и далее: «Я требую, чтобы другой любил меня, и делаю все возможное для реализации своего проекта; но если другой меня любит, он в принципе обманывает меня своей любовью; я требовал от него, чтобы он основал мое бытие в качестве привилегированного объекта, утверждаясь как чистая субъективность передо мной; и в то время, как он меня любит, он испытывает меня в качестве субъекта и погружается в свою объективность перед моей субъективностью» (Сартр, 2000. С. 391), — таким образом, любовь не может состояться. Каждый хочет получить восполнение извне, а не получив, способен перешагнуть через партнера как через обычный объект. Можно сказать, что Сартр фиксирует жажду любви как восполнения, но, исходя из своей концепции, не дает ей шансов сбыться: он отрицает возможность взаимности. Человеку остается утешаться фантазиями и иллюзиями, которые, впрочем, Ж.-П. Сартр тоже не приветствует.

О любви много говорит в своих работах философ и психолог А. Маслоу. Он отмечает, что «если физиологические потребности и потребности в безопасности удовлетворены в достаточной мере, появляются потребности в любви, привязанности и принадлежности... Потребности в любви предполагают как потребность давать, так и потребность получать любовь» (Маслоу, 2013).

Маслоу, как и Э. Фромм, утверждает возможность щедрой, «бытийной» любви, не требующий, чтобы другой заполнял в любящем его душевные пустоты. Однако это предполагает наличие *субъектной целостности, внутренней силы и высокой степени самодостаточности*, а она есть не у всех. Не будучи таким принципиальным пессимистом, как Ж.-П. Сартр, основатель гуманистической психологии все же реалистически отмечает, что потребность в любви часто остается в современном обществе неудовлетворенной, и это порождает у человека необходимость *закрыть проблему любым способом*. Иллюзорное закрытие проблемы определенное время дает ощущение благополучия.

В современном мире, с его неопределенностью и нестабильностью, людям, имеющим, если воспользоваться терминами Маслоу, «личностную дефицитарность», порой достаточно почувствовать минимальную защиту, внимание и заботу от другого человека, как они начинают думать, что их любят. *Все начинает интерпретироваться как свидетельство любви*. И данная ситуация опять связана с тем, что потребность человека в признании, поддержке и любви сильна и требует немедленного удовлетворения. Как отмечают современные психологи, за любовь может быть принята *дружба¹, страсть, жалость, экспрессивность, влюбленность, а также вежливость, благожелательность, проявление чувства долга и даже собственническое поведение*. То есть, весь комплекс позитивных поведенческих проявлений или просто повышенное внимание, пусть даже скорее интригующе, чем радующее, может быть принято за любовь. Человек так жаждет «достройки до целостности», так хочет чувствовать свою востребованность, что в полном смысле слова делает из мухи слона, из любезного приветствия выводит заключение, что он любим и высоко значим.

За любовь во многих случаях принимают также чужое страстное влечение, навязчивое ухаживание, настойчивое приставание, агрессивное, ревнивое поведение, неотступное преследование. Это отсюда: «бьет — значит любит». Человеческая фантазия способна даже грубость принять за любовь, если эта грубость повторяется, то может быть истолкована как «особый интерес», «скрытая влюбленность», знак особого расположения, признак того, что «я этого человека волную». Но только в малом возрасте «дергание девочек

¹ *Пуришева Э. С.* Любовь или иллюзия? Основные заблуждения в любви — URL: <https://www.b17.ru/article/496842/> (дата обращения: 20.01.2026).

за косички» может быть понято как позитивное проявление. Для взрослых людей приняты иные формы проявления благорасположения. И при первом знакомстве, где чувства еще не вполне ясны, и в браке — агрессивная страстность и жажда полного обладания не являются любовью, потому что не видят в партнере по отношениям личность, которую при истинной любви хочется поддерживать и радовать.

В юном возрасте, возрасте первого самоутверждения, девушкам часто кажется, что все в них влюблены и что каждый влюбленный — носитель «большого чувства». Иногда этот инфантильный подход сопровождает женщину всю жизнь. Он хорошо работает, с одной стороны, у самоуверенных и самовлюбленных людей нарциссического склада, которые ощущают себя центром вселенной и не намерены отказываться от убежденности, что являются центром жизни для многих, а с другой — у оптимистов, которые предпочитают видеть в других их лучшие стороны и намерены видеть любовь и «достраивать себя ею», даже если к ним проявляют простое добродушие. Но, поскольку самообман — это самообман, то чуть раньше или чуть позже флер, затмевающий реальное положение дел, спадает с глаз.

Иллюзией «меня любят», жаждой любви часто пользуются соблазнительники или корыстные люди, преследующие свои цели. Порой один из участников отношений идет на прямой обман и разыгрывание влюбленности для достижения своих корыстных целей (из классических примеров: «жениться на богатой» или «выйти замуж за богатого»). Иногда, намеренно «влюбляя в себя» и оказывая Другому знаки внимания (намеренно создавая иллюзию), преследуют в чистом виде цели самоутверждения, чтобы потом со смехом бросить того, кто попался на уловку — впал в уверенность «меня любят». Но даже ситуация, где нет коварства, а есть безразличие или прагматизм, сменившие то, что «казалось любовью», оказывается разрушительной для того, кто был заморочен уверенностью «меня любят». Погасшая страсть, охлаждение «любящего», его невнимание или разрыв с ним воспринимаются «грезящем о любви» как трагедия именно потому, что была сладкая сказка, не позволившая увидеть реальность. Потеря иллюзии «любви ко мне» приводит к разочарованиям, которые трудно пережить, и в литературе мы видим это не только в драме «бедной Лизы» Карамзина, но и в страданиях мадам Грицацуевой, которая гонится за убежавшим Остапом Бендером.

Конечно, пока иллюзия «меня любят» существует, она выполняет *компенсаторную функцию*, позволяет человеку чувствовать себя «принятым миром», обладающим полнотой бытия. С этой иллюзией можно порой прожить довольно долго, радуясь аргументам собственной фантазии. Но в том-то и дело, что этот вымышленный образ разрушим. Хотя, конечно, бывает, что «любовь ко мне» — вполне реальна, но тогда ее реальность будет проверена временем.

Иллюзия «я люблю»

Иллюзорному и необоснованному «меня любят» противостоит иллюзия «я люблю». Такое утверждение может показаться странным, потому что, если чужое чувство нам недоступно, то уж свое-то я знаю точно! Почему же оно — иллюзия? Но психология и философия опровергают нашу обыденную уверенность в том, что мы хорошо знаем и понимаем себя. Люди далеко не всегда рефлексируют собственные стремления, часто пользуются расхожими штампами в представлении о любви, далеком от подлинно хорошего отношения.

Первый вариант заблуждений на тему «я люблю» — это принятие за любовь теперь уже *собственной, а не чужой страсти*, которая — лишь одна из составных любовного переживания, но далеко не вся любовь. Так, Артур Шопенгауэр, сужая смысл любви, считает, что половая любовь — это в принципе иллюзия. Он отмечает, что все испытываемое человеком к другому — это обман природы, и все люди действительно живут в самообмане. Мы как будто любим Другого, но выбор за нас делает природа, потому что мы просто тянемся к человеку, который нам биологически подходит. Любовь, по Шопенгауэру, — это хитрость мировой воли, чтобы эгоистичные люди продолжали человеческий род. Он пишет: «...природа может достигнуть своей цели только тем, что внушает индивидууму известную *иллюзию* (курсив Шопенгауэра), в силу которой ему кажется его личным благом то, что на самом деле составляет благо только для рода, и таким образом индивидуум служит последнему, воображая, что служит самому себе... *Эта иллюзия — инстинкт* (курсив Шопенгауэра)» (Шопенгауэр, 1992. С. 379–380). Очевидно, что любовь, понятая как родовой инстинкт или как «Эрос» З. Фрейда (Фрейд, 1992. С. 65–134), истолкованная как лишь «иллюзия личного отношения», вообще не предполагает интереса к душе и чувствам того, на кого направлена страсть. И если не соглашаться с Шопенгауэром и Фрейдом, что «любовь — это только инстинкт», а видеть любовь шире — как сложное межличностное отношение, то термин «иллюзия» приобретает иной смысл: иллюзией является как раз то, что властное, могучее, поистине демоническое¹ влечение может быть отождествлено с любовью. Оно во всех отношениях не дотягивает до любви в полном смысле слова.

Многие великие произведения литературы и искусства выдают «демонические страсти» за подлинное любовное чувство, что хорошо показано В. Шекспиром, где ревнивая страсть Отелло, чрезмерно экспрессивно выраженная в подозрительности, приводит Дездемону к могиле. Страсть — чувство безудержное, потому она легко становится разрушительной, о чем в классическом наследии также свидетельствует явленная нам в музыке трагическая

¹ О демонизме страстей пишет Р. Мей в своей книге (Мей, 1997). — URL: https://yanko.lib.ru/books/psycho/may_rollo-love_and_will-8l.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

судьба Кармен. История литературы и драматургии многократно свидетельствует, что страсть — не любовь, она нередко эгоцентрична и безжалостна к тому, кого она именует «любимым»: у Достоевского в «Идиоте» Рогожин пылает страстью к Настасье Филипповне, и это не мешает, а способствует тому, чтобы он зарезал ее. Крик «Так не доставайся же ты никому!» — это об оскорбленной страсти такого персонажа А. Н. Островского, как Карандышев, стреляющий в Ларису Огудалову. Но это — не о любви, которая бережет и хранит любимого, даже в обиде желает ему того блага, какого любимый сам себе желает. А ведь каждый из героев — убийц своих возлюбленных искренне считал, что он «любит». Но то была иллюзия, иллюзия страстных натур и агрессивных собственников.

Страстная привязанность, как правило ослепленная собственным желанием, прежде всего желанием взаимности и обладания душой и телом Другого, вообще не видит любимого таким, каков он есть. Фраза «любовь слепа» подразумевает, что человек, испытывая любовь, закрывает глаза на многие вещи. Так, например, он склонен игнорировать реальные черты и особенности Другого (особенно если они не вписываются в сфантазированный образ). Чувства часто ослепляют того, кто охвачен страстью, они выходят на передний план, делают любящего рабом собственного маниакального желания, одновременно лишая индивида моральности и справедливости. Когда по радио звучит хит со словами «Я не отдам тебя никому, прощу любую твою вину», то это тоже не про любовь, а про в некотором роде «осатаненность», так как здесь Другой, во-первых, воспринимается как предмет, который можно «отдать» или «не отдать», а во-вторых, допускается, что он может быть любым чудовищем, весьма далеким от позитивных человеческих отношений.

Другой вариант иллюзии «я люблю» связан не со страстью, а с *мечтательной фантазией*, с воображением, которое, в особенности на расстоянии, способно создавать приукрашенный образ, в который и влюбляется человек. Яркий анализ иллюзии любви к Другому, прежде всего на фазе влюбленности, был представлен Х. Ортегой-и-Гассетом в его «Этюдах о любви». Он обращается к «теории кристаллизации» Стендаля. Стендаль пишет, что, если сухую черную ветку положить на неделю в соляную копь, то она обрстет сияющими кристаллами соли. Так и во влюбленности наш взгляд наделяет банального человека всеми совершенствами, которые теперь сияют для нас. Однако блистающую ветку можно отряхнуть, и станет ясно, что сама она ничего собой не представляет — наступает избавление от иллюзии, разочарование. Х. Ортега-и-Гассет именует это «придуманная любовь». Она заключается в идеализации Другого и возникает тогда, когда мы еще не узнали человека ближе. «При этом, — пишет Ортега, — любят саму любовь. А тот, кого любят, в сущности, всего лишь предлог» (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 362).

Итак, при влюбленности «издалека» человек нередко склонен наделять Другого положительными характеристиками и игнорировать негативные, что достаточно сильно влияет на его восприятие. Это трансформирует образ «предмета любви», он начинает восприниматься как идеальная фигура, которая соответствует чаяниям любящего, его желаниям и потребностям, но не объективной реальности. Такая иллюзия довольно типична для первого этапа отношений. Создается ситуация, в которой человек влюблен *в вымышленный образ*, а не в Другого, что может привести как к усилению чувства, так и к последующему унынию, кризису отношений и, возможно, внутреннему конфликту. *Сближение ведет к прояснению*: к подлинной любви либо отказу от обманного представления.

Хосе Ортега-и-Гассет критикует «теорию кристаллизации», он не раз подчеркивает, что заблуждениям и фантазиям не место в любви. Он также добавляет, что даже если мы и влюбляемся в некоторые вымышленные достоинства Другого, то они в любом случае должны иметь связь с реальными достоинствами, иначе они бы вовсе не существовали. И Х. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что не надо обманывать себя и любить плоды своего воображения, потому что это и не любовь вовсе.

О влюбленности как состоянии, полном иллюзий, также размышлял и Эрих Фромм. Он высказывал мысль, что при влюбленности мы наделяем другого человека множеством дополнительных и крайне положительных характеристик, таким образом, мы любим человека, украшенного ими, не относясь к нему объективно. Но как мы уже говорили, Эрих Фромм различал чувство влюбленности и уже зрелой любви, которая требует своих компонентов, одним из которых является знание Другого. Он пишет: «Мне нужно знать другого и себя объективно, чтобы понять, каков он на самом деле, или, вернее, избавиться от иллюзий и изменить то искаженное представление, которое я о нем имею. И только создав для себя это объективное представление, я смогу познать самую сокровенную сущность человека в любви» (Фромм, 2004. С. 126).

Известный психолог Карен Хорни также не обходит стороной эту сторону самообмана человека, хотя она подчеркивает в данном случае не столько романтичность нашей фантазии («как божественно прекрасен любимый!»), сколько ее эгоцентрическую прагматическую сторону. Так, она пишет в своей работе «Невротическая личность нашего времени», что «человек может обманывать себя, полагая, будто любит другого, тогда как в действительности ему нужно от этого другого лишь слепое восхищение» (Хорни, 2016. С. 70). То есть мы находим еще одно подтверждение мысли, что под видом любви может скрываться потребность индивида в признании его ценности и значимости, и любовь тогда направлена лишь на удовлетворение собственных потребностей, а не на участие в жизни Другого. Человеку кажется, что он

любит Другого, а он любит лишь любовь Другого «ко мне прекрасному», любит, когда им восторгаются и его опекают, и не более. Это эксплуатация чужого влечения, и, скорее всего, оба участника отношений скоро обнаружат, что обоюдной любви нет: с одной стороны есть стремление во всех отношениях «достроить себя за счет Другого», а с другой — неразделенное чувство, которое никогда не принесет душевного удовлетворения.

Еще один вариант иллюзорного «я люблю» мы можем увидеть в культуре романтических отношений, когда «подлинной любовью» считается любовь на расстоянии. Это уже не «фантастический импульс первой влюбленности», который потом сам собой развеивается, а вполне сознательное установление дистанции между субъектом, полагающим, что любит, и предметом его любовного стремления. Этот феномен, в частности, был описан на семинарах и в текстах основателя структурного психоанализа Жака Лакана и отражен в популярных работах словенской последовательницы Лакана Ренаты Салецл (Салецл, 1999). Согласно Лакану, в человеке всегда содержится «нехватка», и она же присутствует в том, в кого он влюбляется, поэтому люди не могут достроить друг друга до целостности в силу собственной онтологической ущербности. Но, с другой стороны, в том, в кого я влюбляюсь, всегда есть «агальма», некое чарующее, притягивающее начало, которым сам любимый не владеет. Пока люди остаются на дистанции, агальма сияет и будит желание, берedit фантазию, благодаря чему все наполняется смыслом. Но если любимый приблизится, то обнаружится его «нехватка», то, что он не волшебный дар, вечно интересный и загадочный, а самый обычный человек, банальный, плоский, мелкий, не способный «достроить меня до бытийной полноты» и сам требующий моего участия. Поэтому любить лучше без сближения и интимных встреч; по-существу, я соглашаюсь любить исключительно свое воображение, «образ другого», а не живого человека. Если Сартр просто говорит о быстрой разрушимости любви, то Рената Салецл на примерах из литературы и кино показывает, что разрушать не обязательно: можно считать, что «я люблю», когда я только пишу письма или только вспоминаю, то есть намеренно продлеваю свою «фантастическую любовь», опасаясь столкнуться с неприглядной реальностью — с Другим, таким, как он есть на самом деле. Философам-постмодернистам вообще присуща идея, что реальную любовь может успешно заменять любовная речь.

Таковы некоторые из проявлений иллюзорного «я люблю».

Вместо заключения

Мы сделали краткий обзор двух проявлений иллюзий в любви: когда основательно заключают о «любви ко мне» и когда я путаю свои страстные влечения или романтические фантазии с любовью к Другому. На самом деле об иллюзиях в любви можно сказать гораздо больше, потому что литература,

искусство, массовая культура активно работают на производство этих иллюзий, в рыночном обществе иллюзии хорошо продаются и приносят немалую прибыль. Иллюзии, как мы уже отметили, порождаются, с одной стороны, внутренней ущербностью человека, жаждущего во что бы то ни стало почувствовать себя любимым — целостным, неповторимым, прекрасным, а с другой — стремлением угодить лишь собственным желаниям и фантазиям, не утруждая себя соотношением с реальной другой личностью, обладающей собственными характеристиками, желаниями и чаяниями. Всякий раз погрязание в иллюзиях — это наиболее легкий, но не лучший путь коммуникации, попытка уклониться от «труда души» — труда, способного увидеть Другого как самостоятельную фигуру, не ту, что просто балует мое самолюбие или служит удовлетворению моих нужд, но является равным партнером в отношениях. И для реальной, а не придуманной любви очень важны собственное душевное богатство и внутренняя сила, то, что Э. Фромм называл «продуктивностью». А поскольку нередко ее не хватает, то и рождаются самые разные отклонения, где любовь, если пользоваться образом Г. В. Ф. Гегеля, «не соответствует своему понятию». Так в долгих личных и семейных отношениях, вполне благополучных, можно, ориентируясь на идеал «мыльных опер», заморочить себя тем, что «любовь не состоялась». А при скверных, но вынужденных отношениях, «симбиозах» — утверждать, что «все прекрасно». Можно впасть в иллюзию «я никого никогда не полюблю», так как достойных нет, а можно изводить себя негативной выдумкой «никто не может полюбить меня».

Фантазия человека многообразна, и, накладываясь на реальные ситуации жизненных испытаний, она может порождать множество ложных убеждений и представлений. И тем не менее мы не можем согласиться с утверждением Ж.-П. Сартра и Ж. Лакана об исходной «ущербности» человека. В детстве человек — это огромный потенциал возможностей, а взрослея, он для полноты своего бытия нуждается не в «единственном Другом», который достроит его до «целостности мироздания», а в широком круге отношений с разными людьми. Если при этом он встретит того, с кем сложатся отношения истинной любви, то это даст перспективу взаимного счастья и крепкой, надежной семьи.

Мы хотели бы завершить наш небольшой анализ на позитивной ноте. Любовь как реальное, деятельное, доброе взаимоотношение, конечно, существует, как существует и немало людей, внутренне цельных и крепких, щедрых во всех смыслах слова. А анализ иллюзий необходим, чтобы не дать затянуть себя в паутину избыточной фантазии или в болото бесконтрольных страстей. Умеренная рефлексия о собственных чувствах и желаниях ведет к внутренней гармонии и к установлению действительно позитивных человеческих связей.

Список источников

- Maslow A.* Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2013. — 352 с. — ISBN 978-5-459-00494-7.
- Ортега-и-Гассет Х.* Этюды о любви. / Эстетика. Философия культуры. Перевод Е. В. Багно. — М.: Искусство, 1991. — 588 с. — ISBN: 5-210-02441-1.
- Салецл Р.* (Из)вращения любви и ненависти. Пер. В. Мазина. — М.: Художественный журнал, 1999. — 205 с. — ISBN 5-901116-03-8.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр; [пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко]. — М.: Республика, 2000. — 639 с. — ISBN 5-250-02729-6.
- Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. / Перевод А. М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1992. — 289 с. — ISBN 5-8396-0095-4.
- Фромм Э.* Искусство любить — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 219 с. — ISBN 5-352-00758-8.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени: новые пути в психоанализе: [пер. с англ. А. Боковиков]. — М. [и др.]: Питер, 2016. — 301 с. — ISBN 978-5-496-01028-3.
- Шопенгауэр А.* Метафизика половой любви // Шопенгауэр А. Избранные произведения. — М.: Просвещение, 1992. С. 371–412. — ISBN: 5-09-004165-2.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В., Партолина С. С. Две иллюзии любви // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 36–48. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.3 EDN GBIGAQ

References

- Maslow A.* Motivation and personality. 3rd ed. Translated from English. SPb: Peter = St. Petersburg: Peter, 2013; 352 p. ISBN 978-5-459-00494-7. (In Russ.)
- Ortega-i-Gasset H.* Sketches about love. In: Aesthetics. Philosophy of culture. Translated by E. V. Bagno. M.: *Iskusstvo Publ. = Moscow: Art*, 1991; 588 p. ISBN: 5-210-02441-1. (In Russ.)
- Salecl R.* Perversions of Love and Hate. Translated by V. Mazin. M.: *Khudozhestvenny zhurnal = Moscow: Art magazine*, 1999; 205 p. ISBN 5-901116-03-8. (In Russ.)
- Sartre J.-P.* Being and nothing: the experience of phenomenological ontology. Translated from French, preface, note by V. I. Kolyadko. M.: *Respublika = Moscow: Republic*, 2000; 639 p. ISBN 5-250-02729-6. (In Russ.)
- Freud Z.* Psychoanalysis. Religion. Culture. Translated by A. M. Rutkevich. M.: *Renessans = Moscow: Renaissance*, 1992; 289 p. ISBN 5-8396-0095-4. (In Russ.)
- Fromm E.* The art of loving. SPb.: *Azbuca-klassika = St. Petersburg: ABC Classics*, 2004; 219 p. ISBN 5-352-00758-8. (In Russ.)
- Horney K.* Neurotic personality of our time: new ways in psychoanalysis. Translated by A. Bokovikov. M. [i dr.]: *Piter = Moscow [and others]: St. Petersburg*, 2016; 301 p. ISBN 978-5-496-01028-3. (In Russ.)
- Schopenhauer A.* Metaphysics of sexual love. Selected works. M.: *Prosveshchenie = Moscow: Enlightenment*. 1992: 371–412. ISBN: 5-09-004165-2. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию — 02.02.2026
Одобрена после
рецензирования — 24.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторах

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории зарубежной
и отечественной философии,
Институт философии и социально-
политических наук,
SPIN-код: 5235-1588,
AuthorID: 217149
elena_zolotuhina@mail.ru

Партолина Светлана Сергеевна

Магистрант Института философии
и социально-политических наук Южного
федерального университета,
SPIN-код: 7657-3122,
AuthorID: 1332777
svetic.belle@gmail.com

Information about authors

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor, Department of History
of Foreign and Domestic Philosophy,
Institute of Philosophy and Socio-Political
Sciences, Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57224939622
elena_zolotuhina@mail.ru

Svetlana S. Partolina

Master's Student, Institute of Philosophy and
Socio-Political Sciences,
Southern Federal University,
svetic.belle@gmail.com

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ
ВОЙНЫ: МЕХАНИЗМЫ
ВОЗДЕЙСТВИЯ,
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**PHILOSOPHICAL AND
ANTHROPOLOGICAL
FOUNDATIONS OF COGNITIVE
WARFARE: MECHANISMS
OF INFLUENCE, STRATEGIC
GOALS AND SOCIOCULTURAL
CONSEQUENCES**

Т. С. Оленич*

ORCID: 0000-0002-1212-9181

Р. И. Французов**

ORCID: 0000-0002-6827-2366

Tamara S. Olenich*

Ruslan I. Frantsuzov**

* *Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

** *Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

** *Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: системный анализ феномена когнитивных войн с философско-антропологической точки зрения, раскрывая его сущность, механизмы воздействия на сознание, стратегические цели агрессора и последствия для культуры.

Objective of the study. A systematic analysis of the phenomenon of cognitive warfare from a philosophical-anthropological perspective, revealing its essence, mechanisms of influence on consciousness, strategic goals of the aggressor, and the consequences for culture.

Методологическая база исследования основана на междисциплинарном подходе, который сочетает философско-антропологический и культурологический анализ феномена «когнитивной войны» с обращением к теории коммуникации, концепции «окна Овертона», когнитивной психологии и социологии; проанализированы открытые отчеты НАТО по когнитивной войне, отечественные и зарубежные исследования, посвященные «мозговой войне», а также классические труды (А. Грамши, П. Бурдьё, У. Липпман, Э. Бернейс и др.), посвященные манипуляции массовым сознанием.

Methodological basis of the study. The research is grounded in an interdisciplinary approach, combining philosophical-anthropological and cultural analyses of the phenomenon of “cognitive war” with references to communication theory, the “Overton window” concept, cognitive psychology, and sociology. Open NATO reports on cognitive warfare, domestic and international studies dedicated to “brain wars”, as well as classical works (A. Gramsci, P. Bourdieu, W. Lippmann, E. Bernays, and others) focused on mass manipulation are analyzed.

© Оленич Т. С., 2026

© Французов Р. И., 2026

Результаты исследования. Установлено, что когнитивная война представляет собой новую неконвенциональную форму конфликта, нацеленную на подрыв рациональности, идентичности и культурных основ общества; описаны ключевые механизмы когнитивного воздействия (технологические — киберсредства, нейротехнологии, ИИ; медиасреда — социальные сети, дезинформация; психологические приемы — когнитивные искажения, фрейминг, мифы) и стратегические цели агрессора (дестабилизация общества, навязывание выгодного нарратива); показаны социокультурные последствия когнитивных атак — фрагментация коллективного сознания, эрозия ценностей, утрата доверия.

Перспективы исследования. Философско-антропологический подход к анализу феномена когнитивной войны дает основание рассматривать конфликт как давление на субъектность и intersубъективные основания социального мира, выявляя механизмы перестройки смыслообразования, доверия и идентичности в цифровой среде и позволяя определить критерии допустимых границ вмешательства в мышление в условиях развития нейротехнологий и ИИ.

Ключевые слова: когнитивная война, информационная война, манипуляция сознанием, когнитивные искажения, массовое сознание, идентичность, когнитивная безопасность

Results of the study. It has been established that cognitive warfare constitutes a new non-conventional form of conflict aimed at undermining rationality, identity, and cultural foundations of society. Key mechanisms of cognitive influence are described, including technological tools — cyber means, neurotechnologies, artificial intelligence; media environment — social networks, disinformation; psychological techniques — cognitive biases, framing, myths — and strategic goals of the aggressor — destabilization of society, imposition of a favorable narrative. The socio-cultural consequences of cognitive attacks are also presented, such as fragmentation of collective consciousness, erosion of values, and loss of trust.

Prospects of the study. The philosophical-anthropological approach to analyzing the phenomenon of cognitive warfare provides a basis for viewing the conflict as pressure on subjectivity and intersubjective foundations of the social world. It reveals mechanisms of reconstruction of meaning-making, trust, and identity in the digital environment, and allows for establishing criteria for permissible boundaries of interference in thought, especially given the development of neurotechnologies and artificial intelligence.

Keywords: cognitive warfare, information warfare, consciousness manipulation, cognitive biases, mass consciousness, identity, cognitive security

Введение

В современном мире конфликт приобретает когнитивное измерение; наряду с противоборством в традиционных доменах (суша, море, воздух, космос, киберпространство) разворачивается борьба за человеческое сознание как за самостоятельную среду войны. Этот сдвиг в документах НАТО формулируется однозначно: «...когнитивная война — не средство, которым мы воюем; это сама война. Мозг одновременно является и целью, и оружием в борьбе за когнитивное превосходство»¹; в гуманитарной перспективе речь

¹ NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare // Allied Command Transformation. Activities. 11.12.2023. — URL: <https://www.act.nato.int/activities/cognitive-warfare/> (дата обращения: 01.01.2026).

идет о сознании (общественном и индивидуальном) как о пространстве, где производятся режимы интерпретации, доверия и действия. Когнитивная война фокусируется на атаках «...против образа мышления, ментальной логики, спонтанных представлений и концептуализации. Цель состоит в том, чтобы изменить представления о мире...» (Cluzel, 2020. Р. 3); эксплуатируя уязвимости восприятия, она ослабляет процедуры проверки и критического различения источников, закрепляя заданные смыслы как «естественную» картину реальности. Если информационные операции прошлого в основном управляли потоками сообщений, то когнитивная агрессия затрагивает глубинные уровни смыслообразования; меняет мировоззренческие схемы, ценностные ориентации и мотивационные механизмы поведения.

Западные исследователи трактуют когнитивную войну как стратегию скрытого изменения убеждений и норм целевых групп. Б. Клавери и Ф. дю Клузель определяют ее как «...это искусство использования технологий для изменения когнитивных способностей людей, которые зачастую не подозревают о подобных попытках...» (Claverie, Cluzel, 2022. Р. 1); в докладе НАТО феномен описан как «...война идеологий, направленная на подрыв доверия, лежащего в основе любого общества...» (Cluzel, 2020. Р. 7). Исследователи «Belfer Center» в контексте обсуждения российско-балтийских отношений подчеркивают, что данная форма войны является «...стратегией, которая направлена на изменение образа мышления целевой группы и, следовательно, ее действий» (Backes, Swab, 2019. Р. 8); следовательно, предметом воздействия становится не сообщение само по себе, а способ мышления, производящий дальнейшее поведение, или точнее: «...человеческий разум, а не человек как таковой» (Cluzel, 2020. Р. 36).

Таким образом, актуальность исследования обусловлена скрытым и всеобъемлющим характером подобных практик; когнитивная агрессия действует как «острая борьба за умы» (Шипунова, 2016. С. 97), стирающая грань между фронтом и тылом. Манипуляции информационной средой и психологическое давление способны вести к разобщению, радикализации и эрозии доверия к институтам, «...обусловленных созданием и внедрением разногласий в обществе посредством изменения образа мышления и восприятия действительности» (Жданов, Сидоров, 2023. С. 38) — к саморазрушительным действиям, ослабляющим государство изнутри. Цифровая инфраструктура делает влияние непрерывным и масштабируемым (Cluzel, 2020. Р. 4); поэтому требуется философско-антропологическое осмысление механизмов когнитивной войны и ее последствий для человека и культуры.

Природа и механизмы когнитивной войны

Проведенный анализ показывает, что когнитивная война представляет собой гибридный тип конфликта, в котором информационные и кибернетические

методы применяются не для физического уничтожения противника, а для целенаправленного изменения когнитивных процессов сознания — «...изменение смыслов, составляющих основу этнической идентичности противника» (Забарин, Марченко, 2024. С. 201). Ее главная установка — подорвать способность общества адекватно воспринимать реальность и самостоятельно принимать решения; в контексте процесса демократизации это усиливает эффект «...дестабилизации..., а способность влиять на большое число людей станет доступной негосударственным структурам...» (Rickli et al., 2023. P. 12); в натовских документах когнитивное воздействие описывается как атака на истину и сознание, ведущая к милитаризации общественного мнения и позволяющая извне влиять на государственную политику и дестабилизировать институты (Cluzel, 2020. P. 9). Следовательно, когнитивная агрессия направлена против коллективного разума; она разрушает целостную картину мира, подменяет ее выгодной агрессору интерпретацией и закрепляет эту интерпретацию в качестве нормы восприятия, то есть превращает внешний нарратив в привычный способ видеть происходящее, что в конечном счете «... позволяет перейти от военной победы на поле боя к прочному политическому успеху» (Cluzel, 2020. P. 9).

Стратегические задачи агрессора обычно сводятся к двум взаимосвязанным линиям — дестабилизации и навязыванию влияния. Первая линия — внутреннее расшатывание целевого общества; когнитивные атаки нацелены на то, «...чтобы влиять на принятие решений противником, создавать неразбериху и в конечном счете парализовать его действия ради победы»¹. В этих целях атакующая сторона стремится усилить хаос и социальную напряженность, подорвать доверие между гражданами и институтами, спровоцировать конфликты и недовольство.

Здесь работает логика «разделяй и властвуй»: через провокационные сообщения и конспирологические нарративы обостряются этнические, социально-экономические и идеологические противоречия (Пролегомены когнитивной безопасности, 2023. С. 461). В этой связи эмоционально заряженные лозунги выполняют роль маркеров групповой идентичности и одновременно механизмов поляризации. Показательно, что в данном контексте лаконичный слоган «Украина — не Россия», истоки которого соотносятся с одноименной книгой второго президента Украины Л. Д. Кучмы, может рассматриваться как элемент когнитивной операции, ориентированной на разведение двух исторически близких обществ; подобные формулы ускоряют формирование поляризованных «информационных пузырей», в которых исчезает общее поле

¹ *Pappalardo D.* «Win the War Before the War?»: A French Perspective on Cognitive Warfare // War on the Rocks, 31 July 2022. — URL: <https://warontherocks.com/2022/08/win-the-war-before-the-war-a-french-perspective-on-cognitive-warfare/> (дата обращения: 03.01.2026).

интерпретации событий, а коллективное сознание распадается на фрагменты, поскольку итогом целенаправленной информационной агрессии становятся глубокие внутренние расколы и утрата способности к согласованию общих смыслов.

Вторая линия когнитивного воздействия связана с установлением контроля над массовым восприятием, чтобы побудить население добровольно принять решения, выгодные инициатору воздействия. Иными словами, речь идет о перераспределении легитимности. В таком контексте легитимность понимается как «...постоянный процесс борьбы... за передел “пространства смыслов” и установление когнитивного доминирования..., победа в котором означает замену прежней легитимности... новой, так называемой “имплантированной легитимностью»» (Медушевский, 2023. С. 95). Отсюда следует, что ключевым ресурсом становится управление рамками интерпретации, которые организуют описание событий и формируют основания доверия к источникам и объяснениям. При систематическом конструировании образа угрозы ограничительные меры начинают восприниматься как рационально неизбежные, а отказ от части гражданских свобод — как функционально оправданная цена безопасности; в результате трансформируются основания признания норм и смещаются границы политически допустимого, то есть меняется конфигурация «окна Овертона», когда «...использование методов манипулирования общественным мнением может сделать общественность восприимчивой к идеям, которые ранее... были бы нежелательными..., а может даже оскорбительными» (Claverie et al., 2017. P. 74).

Основным механизмом выступают медиаканалы — традиционные и особенно цифровые; именно через них когнитивное воздействие получает массовый масштаб, при этом «цель кампаний по дезинформации состоит в том, чтобы заставить людей не доверять традиционным средствам массовой информации и политическому представительству..., что, в свою очередь, приводит к увеличению потребления контента “альтернативных СМИ”» (Burda, 2023. P. 5). Далее эффект закрепляется повторением, визуальными кодами и алгоритмической селекцией контента, включая персонализированную доставку сообщений на основе данных и алгоритмов, а также сетевые эффекты распространения контента. Сначала аудитории предъявляются простые, эмоционально насыщенные образы и краткие формулы, затем вокруг них выстраиваются более сложные смысловые конструкции, которые постепенно смещают картину мира у значительной части населения; при этом ослабевает критическая оценка источников, а критерий истинности уступает место критериям убедительности и аффективного резонанса. В конечном счете это ведет к трансформации самоидентификации, выступающей базовым условием воспроизводства и устойчивого функционирования любой социальной группы (Claverie, Cluzel, 2021. P. 6).

Стратегические цели когнитивного воздействия

Одной из ключевых целей когнитивной войны становится подрыв культурного и ценностного фундамента общества. В философско-социологическом плане это означает атаку на культурный капитал, который в терминологии П. Бурдьё представляет собой сложный феномен и включает три взаимосвязанные формы: «инкорпорированный» (Бурдьё, 2002. С. 61–63) — воспитательно-образовательный; «объективированный» (Бурдьё, 2002. С. 63–64) — материально-ценностный; «институционализированный» (Бурдьё, 2002. С. 64–65) — социально признанный. В обобщенном виде под культурным капиталом может пониматься совокупность знаний, убеждений, символов и социальных институтов, обеспечивающих коллективную идентичность и воспроизводство социального порядка; тем самым он становится ресурсом «...увечивания существующих культурных форм, ценностей и идей» (Селиверстова, 2012. С. 60). В антропологической перспективе это означает воздействие на условия смыслообразования, на схемы интерпретации жизненного мира и на основания субъектности. Агрессор, в свою очередь, стремится разорвать эти смысловые связи: искажая историческую память, фальсифицируя факты, размывая те основания социального опыта субъекта, которые выступают фундаментом габитуса — «...понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире» (Бурдьё, 2007. С. 75); тем самым воздействие направляется не только на разрушение символической «системы координат», характерной для конкретной общности, но и на подрыв механизма ее воспроизводства. Иными словами, ставится задача деформировать устойчивые практики, через которые закрепляются нормы, ценности и способы интерпретации жизненного мира; под удар попадает сама логика культурной преемственности, обеспечивающая воспроизводство коллективной идентичности. На практическом уровне подобная стратегия реализуется через производство и закрепление конкурирующих версий прошлого, через селективную актуализацию травматических сюжетов и через целенаправленную дискредитацию символически значимых фигур и смысловых «узлов» коллективной памяти (Гончаренко, Асафов, 2025. С. 36–37). Данные приемы подрывают преемственность поколений, разрушают доверие и ослабляют чувство сопричастности к общей культуре (Базавлук, Ковалев, 2025. С. 240). Ценностная диверсия такого рода наносит ущерб глубже материальных разрушений, поскольку ее эффект проявляется в распаде коллективной памяти и идентичности, переноса акцент внимания на спорные и откровенно неприятные события прошлого, восприятие которых «...вызывают такие эмоции, как вражда, гнев и ненависть» (Naganuma,

2021. Р. 13). Без этих опор снижается способность к солидарности и сопротивлению внешнему влиянию.

В этом смысле когнитивная война нацелена на подрыв воли противника и разрушение его способности к сопротивлению; речь идет о том, чтобы запустить процесс «...уничтожения себя изнутри, лишив его возможности сопротивляться, сдерживать или отклонять наши цели» (Bernal et al., 2020. Р. 11). Достижение такого результата предполагает не только идеологическую и символическую работу, но и опору на технологические средства, позволяющие масштабировать воздействие, ускорять его распространение и подстраивать сообщения под конкретные группы и контексты.

Исходя из указанных выше целей, современные NBIC-технологии (нано-, био-, информационно-коммуникационные и когнитивные) существенно расширяют возможности когнитивного воздействия (Etter, 2002. Р. 327–330); формируется опасная связка нейронаук, больших данных и искусственного интеллекта, нацеленных на управление не только информационными потоками, но и механизмами восприятия, внимания и эмоциональной регуляции, то есть на нейрофизиологические основания сознания. Нанотехнологии позволяют создавать чувствительные сенсоры для незаметного сбора данных о реакции людей; биотехнологии теоретически открывают путь к воздействию на биохимию и поведенческие паттерны (например, через модуляцию внушаемости или уровня тревожности) (Васенкин, Васильева, 2018. С. 64–65); алгоритмы больших данных и ИИ дают возможность отслеживать динамику поведения миллионов людей в реальном времени и персонализировать информационные атаки таким образом, что «военнослужащие низшего звена, их семьи и, соответственно, друзья могут быстро оказаться под прицелом цифровых технологий...»¹. Когнитивные интерфейсы (нейроинтерфейсы, устройства дополненной реальности, подсознательные алгоритмы внушения) усиливают эффект, обеспечивая прямую связку между цифровой средой и нервной системой (например, в контрразведке и допросах) (Mantellassi, Madziwa, 2025. Р. 33); распространение deepfake-технологий позволяет создавать правдоподобные ложные видеозаявления от имени известных лиц, многократно повышая убедительность дезинформации и снижая порог критической проверки (Савушкина, 2024. С. 48). Социальные сети и мессенджеры выступают каналами доставки этих воздействий; алгоритмы формируют вокруг человека замкнутую эхо-камеру, где доминирует отобранный контент, а альтернативные позиции вытесняются на периферию, вследствие чего индивид может быть погружен в сконструированную реальность, не осознавая внешнего вмешательства (Леонтьев, 2024. С. 55).

¹ *Michelson B.* Data as Ammunition: Hyper-Personalized Warfare in the Digital Age. — URL: <https://cepa.org/article/data-as-ammunition-hyper-personalized-warfare-in-the-digital-age/> (дата обращения: 05.01.2026).

Таким образом, в методологическом отношении когнитивная война предстает как многоуровневое воздействие на человека и общность; символическая работа, психологические механизмы и технологические инструменты взаимосвязаны и действуют согласованно — от микросреды повседневной коммуникации до институтов и режимов легитимации. Ее цель не сводится к разовым информационным операциям, поскольку речь идет о вмешательстве в условия смыслообразования: перестраиваются схемы интерпретации жизненного мира, меняются основания доверия, сдвигаются критерии истинности и приемлемости объяснений. В философско-антропологической перспективе это означает давление на субъектность и агентность, на телесно-аффективные режимы восприятия и практическое сознание, через которые удерживается связность опыта и формируется способность к выбору. При этом затрагиваются культурные сценарии и символический порядок, а также механизмы инкультурации и коллективной памяти, задающие границы «своего» и «чужого». Технологические средства усиливают эту логику; они обеспечивают масштаб, скорость и контекстуальную подстройку сообщений, формируя устойчивую среду, где внешний нарратив превращается во внутреннюю установку восприятия.

Социокультурные последствия когнитивной войны

Результаты исследования показывают, что когнитивная война — междисциплинарное явление, выходящее за рамки технических приемов; меняется сама логика конфликта и способы осуществления власти через управление смыслом. В классической теории противоборство связывалось с насилием и принуждением; К. Клаузевиц определяет войну как «...расширенное единоборство...» (Клаузевиц, 1994. С. 34) и уточняет: «...война — это акт насилия, имеющий своей целью заставить противника выполнить нашу волю» (Клаузевиц, 1994. С. 35). В когнитивной войне центр тяжести смещается к контролю над восприятием и интерпретацией; воздействие нацеливается на «...врожденную уязвимость человеческого разума» (Cluzel, 2020. P. 9), а информационное пространство становится средой, в которой конструируются режимы доверия и перераспределяются ресурсы влияния. Эта динамика соотносится с тезисом А. Грамши о культурной гегемонии: устойчивое господство закрепляется через нормы и ценности, где «...интеллигенты служат “приказчиками” господствующей социальной группы для осуществления... функций... политического управления...» (Грамши, 1991. С. 332); современные операции подтверждают, что нарративы и технологии способны действовать как инфраструктура власти, нормируя допустимые способы понимания событий.

При этом когнитивная война требует концептуализации, поскольку в исследованиях отсутствует единое, общепринятое определение, а употребление термина фиксирует разные уровни — от психотехнических процедур до

перестройки символического порядка и режимов легитимации. Поэтому важно удерживать рамку, связывающую практики воздействия с теоретическим описанием гибридных угроз; принципиально показательно требование: «... концептуализация когнитивной войны должна быть совместима с расширенной военной концепцией когнитивной войны... и в то же время соответствовать современной литературе о гибридных угрозах и гибридной войне» (Derre et al., 2024. Р. 10). Тем самым предмет анализа не сводится к перечню технологий; он включает трансформацию критериев доверия, признания и правдоподобия в публичной сфере.

Опасность подобного рода воздействий связана с их скрытностью и повседневной встраиваемостью; они размывают основания доверия и нормы совместного существования без внешнего «шока». Условия «постправды» (Шатин, 2020. С. 252) усиливают данный эффект когнитивных атак, причем в интернет-среде динамика становится более выраженной: факты обесцениваются, а эмоционально ориентированные нарративы оказываются убедительнее, поскольку «...интернет-пользователи всех возрастов склонны говорить больше о чувствах, чем о фактах» (Keyes, 2004. Р. 203), влияя на массовые установки сильнее, чем фактическое положение дел (Lynch, 2017. Р. 593). Отсюда следует проблема, связанная с неприкосновенностью мышления и когнитивной свободой (Ienca, 2021. Р. 2); обсуждаются запрет методов тайного психовоздействия и концепция «когнитивного права» как ограничения вмешательства во внутренние дела суверенных обществ (Медушевский, 2024. С. 136–137). Однако противодействие неизбежно порождает дилеммы: ограничение дезинформационных каналов и ответные операции затрагивают свободу слова и мысли; дополнительную остроту проблеме придает стратегическая установка западной военно-теоретической традиции, наиболее отчетливо сформулированная Франсуа дю Клузелем: «...если НАТО не удастся создать устойчивую и активную основу для прогресса когнитивного воздействия, то у нее не останется другого выхода, кроме активного конфликта» (Cluzel, 2020. Р. 11).

Именно в этом поле противоречий и проявляется основной социальный эффект когнитивной войны: повседневные практики интерпретации и доверия становятся объектом давления, а сбои в них быстро приобретают коллективный масштаб. Социальные последствия проявляются в дезориентации и фрагментации общественной ткани; снижается уверенность в различении правды и лжи, растет подозрительность, обесцениваются общие основания доверия. Под давлением оказываются институты государства, науки и медиа; общество дробится на группы, каждая из которых удерживает собственную «реальность» и собственные критерии легитимного объяснения. Подобное разрушение смысловой общности сопоставимо по ущербу с военным поражением: кризис доверия лишает общество способности к диалогу и согласованию целей (Backes,

Swab, 2019. P. 16–17), а конкуренция нарративов и конспирологических сценариев снижает устойчивость к внешнему давлению.

Противодействие когнитивной агрессии требует мер, учитывающих социокультурное измерение конфликта; в этой рамке используется понятие когнитивной безопасности как защиты ментального пространства общества, поскольку «...в информационном пространстве борьба за “истину” — это также борьба за то, что считается законным знанием» (Thompson, 2025. P. 4); следовательно, объектом защиты становятся не только каналы коммуникации, но и режимы доверия, процедуры верификации и культурные основания легитимации знания.

На уровне государства востребованы институциональные механизмы выявления и нейтрализации когнитивных атак; речь идет о мониторинге всплесков дезинформации и скоординированных кампаний в соцсетях, а также о правовых процедурах реагирования (Забарин, Марченко, 2024. С. 204). Сравнительные наблюдения показывают результативность межведомственных групп, объединяющих экспертов по кибербезопасности, психологии, медиа и внешней политике (Backes, Swab, 2019. P. 25).

Поскольку когнитивная война слабо привязана к территориальной юрисдикции и развивается в логике сетевого распространения, противодействие ей предполагает международное взаимодействие; в перспективе обсуждаются соглашения о неприменении скрытых психотехнологий. В этом контексте развивается идея «нейроправ» как юридической защиты человека от несанкционированного чтения или изменения его мыслей; предполагаемая институционализация таких норм направлена на сохранение автономии личности и фиксацию предельных гарантий, согласно которым «...индивидуальная идентичность (наша телесная и психическая целостность) и свобода воли (наша способность выбирать свои действия) должны быть защищены как основные права человека» (Yuste et al., 2017. P. 162).

Таким образом, когнитивные войны бросают вызов не только системам безопасности, но и базовым представлениям о человеке, сознании и культуре; социокультурные последствия здесь выступают центральным эффектом противоборства. Ответ предполагает координацию науки, технологий и гуманитарного знания; необходим общий понятийный аппарат, позволяющий описывать практики когнитивного влияния и одновременно удерживать критерии их допустимости, включая границы вмешательства в мышление.

Заключение

Когнитивная война — многоуровневый феномен, меняющий антропологию конфликта. Вместо прямого насилия совершается работа с условиями смыслообразования, режимами доверия и устойчивыми схемами интерпретации жизненного мира. Она соединяет в себе информационно-психологические

практики и технологические контуры, воздействующие на субъектность, практическое сознание и интерсубъективные формы социальной реальности. Стратегический горизонт такого давления — внутренняя дезинтеграция противника и навязывание повестки через внедрение разрушительных смыслов, вплоть до сценария саморазрушения изнутри.

Отсюда следует, что речь идет не о частных информационных эпизодах, а о целостной архитектуре влияния, где приемы, медиасреда и технологии работают как единый контур. Итогом становится не только изменение мнений, но и сдвиг оснований признания, легитимации и коллективной ориентации.

Во-первых, когнитивная война строится вокруг сознания как цели и ресурса. Интерсубъективные основания доверия выступают ключевой уязвимостью, а символический порядок и критерии правдоподобия становятся предметом борьбы. Контроль смещается от сообщений к процедурам понимания и оценивания. Существенным объектом воздействия выступают устойчивые схемы восприятия, через которые закрепляются нормы, границы допустимого и формы коллективной самоидентификации. Поэтому давление приобретает характер длительной настройки когнитивной среды, где внешние рамки постепенно начинают воспроизводиться как «естественные» основания для оценивания окружающей действительности.

Во-вторых, механизмы воздействия образуют связку уровней. Медиаканалы и цифровая инфраструктура дополняются психотехническими приемами, работающими с вниманием, эмоциями и когнитивными искажениями. Алгоритмическая селекция контента и контекстная подстройка сообщений закрепляют внешнюю рамку как внутреннюю установку восприятия.

В-третьих, стратегические цели агрессора включают дестабилизацию и фрагментацию социальной ткани. Управление рамками интерпретации становится ресурсом перераспределения легитимности и навязывания выгодного нарратива через вытеснение альтернативных трактовок; конфликт переносится в область признания, где конкурируют критерии доверия, правдоподобия и допустимости объяснений. В перспективе это ведет к подрыву культурного капитала, коллективной памяти и практик преемственности; к деформации габитуса как механизма воспроизводства норм и ценностных ориентиров, что снижает способность общности к солидарности и согласованию общих смыслов.

В-четвертых, последствия выражаются в эрозии доверия к институтам, науке и медиа, в распаде общего поля обсуждения и в снижении устойчивости к внешнему давлению. Ответ требует разработки норм когнитивной безопасности как системы защиты ментального пространства общества, а также согласованного комплекса образовательных, правовых и этических мер, направленных на сохранение автономии личности и на закрепление границ допустимого вмешательства в когнитивные процессы.

Список источников

- Базавлук С. В., Ковалев А. А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2025. — Т. 25, № 2. — С. 236–250. — DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250. — EDN MQQFIS.
- Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; — СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-903354-054.
- Бурдые П. Формы капитала. // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–74. — EDN OYUVRD.
- Васенкин А. В., Васильева Н. А. Мировоззренческие проблемы NBIC-технологий // Манускрипт. — 2018. — № 8(94). — С. 64–68. — DOI 10.30853/manuscript.2018-8.14. — EDN XWEPOX.
- Гончаренко А. Р., Асафов А. Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1. — С. 31–45. — DOI 10.24412/2071-6141-2025-1-31-45. — EDN ZTGZJR.
- Грамии А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.] . В 3 ч. Ч. 1. — Москва: Политиздат, 1991. — 560 с. — ISBN 5-250-00897-6.
- Жданов М. А., Сидоров М. П. Роль национального самосознания в достижении превосходства над Западом в условиях когнитивной войны. // Военная мысль. — 2023. — № 6. — С. 37–45. — EDN PUNUQJ.
- Забарин А. В., Марченко Г. В. Когнитивная безопасность: современные угрозы обществу и их нейтрализация // Управленческое консультирование. — 2024. — № 5(185). — С. 197–207. — DOI 10.22394/1726-1139-2024-5-197-207. — EDN UGUTBS.
- Клаузевиц К. О войне. — Москва: Логос; Наука, 1994. — 448 с. — ISBN 5-88439-080-7.
- Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С. Свобода выбора и сетевые «эхо-эффекты» информационного потребления // Социодинамика. —

References

- Bazavluk S. V., Kovalev A. A. Information confrontation in a multipolar world. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = RUDN Journal of International Relations*. 2025; 25(2): 236–250. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250>. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; — SPb.: Aleteyya = Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteya; 2007. 288 p. ISBN 978-5-903354-054. (In Russ.)
- Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2002; 3(5): 60–74. (In Russ.)
- Vasenkin A. V., Vasileva N. A. Worldview problems of NBIC technologies. *Manuskript = Manuscript*. 2018; 8(94): 64–68. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.14>. (In Russ.)
- Goncharenko A. R., Asafov A. N. The concept of cognitive warfare: NATO preparation for future conflicts. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2025; 1: 31–45. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-1-31-45>. (In Russ.)
- Gramsci A. *Prison notebooks*. In 3 parts. Part 1. Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat, 1991; 560 p. ISBN 5-250-00897-6. (In Russ.)
- Zhdanov M. A., Sidorov M. P. The role of national identity in achieving superiority over the West in conditions of cognitive warfare. *Voennaya mysl = Military thought*. 2023; 6:37–45. (In Russ.)
- Zabarin A. V., Marchenko G. V. Cognitive security: modern threats to society and their neutralization. *Upravlencheskoe konsultirovanie = Administrative consulting*. 2024; 5(185):197–207. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-197-207>. (In Russ.)
- Clausewitz C. *On war*. M.: Logos; Nauka = Moscow: Logos; Science; 1994. 448 p. ISBN 5-88439-080-7. (In Russ.)
- Leontiev G. D., Leontieva L. S. Freedom of choice and network “echo effects” of information consumption. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2024; 1:53–63. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.1.68951>. (In Russ.)

2024. — № 1. — С. 53–63. — DOI 10.25136/2409-7144.2024.1.68951. — EDN KWSJOI.

Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 2) // Вопросы теоретической экономики. — 2023. — № 3(20). — С. 92–107. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107. — EDN OLANGR.

Медушевский А. Н. Право в эпоху когнитивных войн: гарантии свободы мысли перед вызовом новых технологий манипулирования сознанием // Сравнительное конституционное обозрение. — 2024. — Т. 33, № 1(158). — С. 110–137. — DOI 10.21128/1812-7126-2024-1-110-137. — EDN KCEYCQ.

Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / Под редакцией И. Ф. Кефели. / Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Нормативно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации. — СПб.: Петрополис, 2023. — 488 с. — ISBN 978-5-9676-1526-9. Савушкина М. А. Дипфейк как цифровое оружие гибридной войны. // Вестник Омского университета. — 2024. — Т. 29, № 4. — С. 45–54. — DOI 10.24147/1812-3996.2024.4.45-54. — EDN XKLSEG.

Селиверстова Н. А. Культурное воспроизводство: вопросы методологии и методики исследования. // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 59–63. — EDN PWNXQP.

Шатин Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2020. — Т. 19, № 6. — С. 250–257. — DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257. — EDN BVNNCQ.

Шипунова О. Д., Мурейко Л. В. Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3(250). — С. 93–101. — DOI 10.5862/JHSS.250.11. — EDN XHRGTR.

Medushevsky A. N. Cognitive warfare: social control, mind management and a tool of global domination (part 2). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of theoretical economics*. 2023; 3(20): 92–107. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107. (In Russ.)

Medushevsky A. N. Law in the era of cognitive warfare: guarantees of freedom of thought in the face of new technologies of mind manipulation. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2024; 33(1):110–137. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2024-1-110-137>. (In Russ.)

Prolegomena of cognitive security. Ed. by I. F. Kefeli. *SPb: Petropolis = Saint Petersburg: Petropolis*, 2023; 488 p. ISBN 978-5-9676-1526-9. (In Russ.)

Savushkina M. A. Deepfake as a digital weapon of hybrid warfare. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2024; 29(4): 45–54. <https://doi.org/10.24147/1812-3996.2024.4.45-54>. (In Russ.)

Seliverstova N. A. Cultural reproduction: issues of methodology and research methods. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012; 3: 59–63. (In Russ.)

Shatin Yu. V. Post-truth as a rhetorical phenomenon in modern media space. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and philology*. 2020; 19(6): 250–257. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257>. (In Russ.)

Shipunova O. D., Mureyko L. V. Cognitive scenarios in the construction of mass consciousness. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPb-PU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg Polytechnic University Journal. Humanities and social sciences*. 2016; 3(250): 93–101. <https://doi.org/10.5862/JHSS.250.11>. (In Russ.)

Backes O., Swab A. Cognitive warfare. *Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School*, 2019; 50 p.

Bernal A., Carter C., Singh I. et al. Cognitive warfare: an attack on truth and thought. *Norfolk*,

- Backes O. Cognitive Warfare / O. Backes, A. Swab. — Cambridge, Mass.: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2019. — 50 p.
- Bernal A. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought / A. Bernal, C. Carter, I. Singh, et al. — Norfolk, VA: NATO Innovation Hub; Laurel, MD: Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, 2020. — 45 p.
- Burda R. Cognitive Warfare as Part of Society: Never-Ending Battle for Minds / R. Burda. — The Hague: Hague Centre for Strategic Studies, 2023. — 13 p.
- Claverie B. “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare / B. Claverie, F. du Cluzel. — 2022. — 9 p.
- Claverie B. The Cognitive Warfare Concept / B. Claverie, F. du Cluzel // NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub, — 2021. — 11 p.
- Cluzel F., du. Cognitive Warfare, a Battle for the Brain / F. du Cluzel // NATO Allied Command Transformation. — 2020. — 12 p.
- Cluzel F., du. Cognitive Warfare / F. du Cluzel. — Norfolk, VA: NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub, 2020. — 12 p.
- Deppe C. Cognitive warfare: A conceptual analysis of the NATO ACT cognitive warfare exploratory concept / C. Deppe, A. Binder, H. Himmighoffen, et al. // *Frontiers in Big Data*. — 2024. — Vol. 7. — 13 p.
- Etter D. M. Cognitive readiness: An important research focus for national security / D. M. Etter // *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (NBIC)*. Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.). — Arlington, VA: National Science Foundation, 2002. — 468 p.
- Gu L. The Fake News Machine: How Propagandists Abuse the Internet and Manipulate the Public / L. Gu, V. Kropotov, F. Yarochkin. — Tokyo: Trend Micro, 2017. — 80 p.
- Ienca M. On Neurorights / M. Ienca // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2021. — Vol. 15. — P. 701258. DOI:10.3389/fnhum.2021.701258.
- VA: NATO Innovation Hub; Laurel, MD: Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, 2020; 45 p.
- Burda R. Cognitive warfare as part of society: never-ending battle for minds. *The Hague: Hague Centre for Strategic Studies*, 2023; 13 p.
- Claverie B., Cluzel F., du. Cognitive warfare: the advent of the depth of “cognitics” in the field of warfare. *NATO Collaboration Support Office*, 2022; 9 p.
- Claverie B., Cluzel F., du. The cognitive warfare concept. *NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub*, 2021; 11 p.
- Cluzel F., du. Cognitive warfare, a battle for the brain. *NATO Allied Command Transformation*, 2020; 12 p.
- Cluzel F., du. Cognitive warfare. *Norfolk, VA: NATO Allied Command Transformation, Innovation Hub*, 2020; 12 p.
- Deppe C., Binder A., Himmighoffen H. et al. Cognitive warfare: a conceptual analysis of the NATO ACT cognitive warfare exploratory concept. *Frontiers in Big Data*, 2024; 7;13 p.
- Etter M. D. Cognitive readiness: an important research focus for national security. In: Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.). *Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (NBIC)*. *Arlington, VA: National Science Foundation*; 2002.
- Gu L., Kropotov V., Yarochkin F. The fake news machine: how propagandists abuse the Internet and manipulate the public. *Tokyo: Trend Micro*, 2017; 80 p.
- Ienca M. On neurorights. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2021; 15: 701258. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.701258>
- Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. *New York: St. Martin's Press*; 2004. VIII, 312 p.
- Lynch M. STS, symmetry and post-truth. *Social Studies of Science*. 2017; 47(4): 593–599.
- Naganuma K. Warfare in the cognitive domain: narrative, emotionality, and collective memory. *NIDS Commentary*. 2021; 163: 23 p.

Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes. — New York: St. Martin's Press, 2004. — VIII, 312 p.

Lynch M. STS, symmetry and post-truth / M. Lynch // Social Studies of Science. — 2017. — Vol. 47. — № 4. — P. 593–599.

Naganuma K. Warfare in the Cognitive Domain: Narrative, Emotionality, and Collective Memory / K. Naganuma // NIDS Commentary. 2021. — № 163. — 23 p.

Rickli J.-M. Peace of Mind: Cognitive Warfare and the Governance of Subversion in the 21st Century / J.-M. Rickli, F. Mantellassi, G. Glasser. — Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2023. — (GCSP Policy Brief; No. 9). — 15 p.

Для цитирования: Оленич Т. С., Французов Р. И. Философско-антропологические основания когнитивной войны: механизмы воздействия, стратегические цели и социокультурные последствия // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 49–63. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.4 EDN GKHWAN

Сведения об авторах

Оленич Тамара Станиславовна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии и православной культуры Донского государственного технического университета,
SPIN-код: 3380-3890
AuthorID: РИНЦ: 833898
tamara1970@inbox.ru

Французов Руслан Игоревич

Кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории зарубежной и отечественной философии Южного федерального университета,
SPIN-код: 2257-3928,
AuthorID РИНЦ: 1237352
rantsuzov.rus@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

Rickli J.-M., Mantellassi F., Glasser G. Peace of mind: cognitive warfare and the governance of subversion in the 21st century. Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2023; 9;15 p.

История статьи:

Поступила в редакцию — 08.01.2026

Одобрена после

рецензирования — 25.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Information about authors

Tamara S. Olenich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University
ResearcherID: Z-1054-2019
tamara1970@inbox.ru

Ruslan I. Frantsuzov

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Department of History of Foreign and Russian Philosophy, Southern Federal University
ResearcherID: NGR-3511-2025
frantsuzov.rus@mail.ru

**ОТ БИНАРНОСТИ К ТРИАДЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ
МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ
«ПРЕПОДАВАТЕЛЬ —
СТУДЕНТ» В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**FROM BINARY TO TRIADIC:
TRANSFORMATION
OF THE TEACHER —
STUDENT RELATIONSHIP
MODEL IN THE TERMS
OF DIGITALIZATION
OF HIGHER EDUCATION**

О. М. Шевченко*

ORCID: 0000-0001-6726-7269

Л. Л. Штофер**

ORCID: 0000-0003-0205-7468

Olga M. Shevchenko*

Lyudmila L. Shtofer**

* *Институт социологии и регионоведения
Южного Федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

** *Ростовский государственный
экономический университет («РИНХ»),
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

** *Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в анализе тенденций развития высшего образования в контексте технологизации общества.

Методологическую базу исследования составляют трансформационный, коммуникативный и рискологический подходы, а также положения концепции цифрового общества.

Результаты исследования. Интеграция современных цифровых технологий в сферу высшего образования представляет закономерный этап ее развития в условиях информационного общества. Как и любое социокультурное явление, цифровые технологии амбивалентны с точки зрения последствий их применения. Они не только открывают новые возможности, оптимизирующие образовательный процесс, но и ставят под вопрос его гуманизирующую составляющую. Закономерным следствием технологизации обучения становится его формализация и обезличенность.

Objective of the study is to analyze trends in the development of higher education in the context of the technologization of society.

Methodological basis of the study is based on transformational, communicative, and riskological approaches, as well as the tenets of the digital society concept.

Research results. The integration of modern digital technologies into higher education is a natural stage of its development in the information society. Like any sociocultural phenomenon, digital technologies are ambivalent in terms of the consequences of their application. They not only open up new opportunities that optimize the educational process but also call into question its humanizing component. A natural consequence of the technologization of education is its formalization and impersonality.

© Шевченко О. М., 2026

© Штофер Л. Л., 2026

Перспективы исследования. Проблема трансформации высшего образования в условиях цифровизации общества представляет научный и практический интерес в связи с необходимостью понимания дальнейших тенденций его развития.

Ключевые слова: классическая модель университета, неклассическая модель университета, постнеклассическая парадигма образования, цифровое общество, цифровизация высшего образования, ChatGPT

Research prospects. The problem of transforming higher education in the context of a digitalized society is of scientific and practical interest due to the need to understand future trends in its development.

Keywords: classical university model, non-classical university model, post-non-classical education paradigm, digital society, digitalization of higher education, ChatGPT

Введение

Сегодня конкурентоспособность национальной образовательной системы в целом, включая высшее образование, во многом определяется уровнем ее цифровизации. В связи с этим среди задач государственной политики значимое место начинает отводиться соответствующей трансформации высших учебных заведений. Идея цифровых технологий как значимой части учебного процесса должна реализовываться через программы федерального уровня, поскольку требует государственного финансирования и административного ресурса для ее идейного продвижения и практической реализации. Отражением начавшихся трансформаций стал проект «Цифровая образовательная среда».

Стремительная цифровизация различных сфер, включая образовательную, актуализировала вопрос относительно использования в учебном процессе технологий искусственного интеллекта. Развернувшаяся дискуссия между лагерями «технооптимистов» и «технопессимистов», включая не только непосредственных создателей данных технологий, но и представителей научного сообщества в целом, демонстрирует отсутствие однозначной позиции по данному поводу. Единственное, что не подвергается сомнению, так это слом прежней и становление новой парадигмы, в рамках которой произойдет не только революционизация системы образования, но и ее неизбежное следствие — серьезные общественные трансформации.

Несмотря на начальный этап внедрения цифровых технологий в образовательную сферу основные тренды уже наметились. Во-первых, впервые в человеческой истории высшее образование утрачивает элитарность, становясь более демократичным; во-вторых, для получения высшего образования больше не является препятствием физическое нездоровье обучающихся, что позволяет развивать инклюзивность; в-третьих, появляется возможность выстраивать более гибкие траектории самого образовательного процесса, давая студентам возможность сочетать различные формы социальной активности

(учебу и работу, учебу и отдых и др.), а следовательно, самостоятельно распоряжаться временным ресурсом; в-четвертых, в сам формат обучения, помимо рутинных лекций/практических занятий, стало возможным ввести различного рода цифровые продукты, демонстрирующие современный уровень технико-технологического развития и делающие образовательный процесс более увлекательным для молодого поколения.

Однако наличествует и контртенденция: внедрение цифровых технологий в образовательный процесс способно вести к деградации когнитивной сферы обучающихся. Различного рода поисковые системы, цифровые помощники и др. рассматриваются обучающимися не в качестве инструмента, ускоряющего доступ к исходной информации, а как замена индивидуальных усилий по ее анализу и осмыслению, закономерным следствием чего становится имитативность образовательного процесса и атрофия критического мышления. Вышесказанное требует осмысления с точки зрения оценки конструктивности/деструктивности потенциала цифровизации системы высшего образования РФ.

Методы и методология

Методологическим основанием исследования выступают трансформационный подход (Белл, 2004), коммуникативный подход (Хабермас, 1995); рискологический подход (Бек, 2000), положения концепции цифрового общества (Тапскотт, 1995; Негропonte, 1994).

Результаты исследования

Образовательная система, как любое социокультурное явление, всегда исторична, релевантна уровню развития общества, отражает состояние его политических и экономических институтов, духовной сферы, а следовательно, отвечает за подготовку специалистов, необходимых тому или иному времени.

В современном научном дискурсе выделяют три модели высшего образования — классическую, неклассическую и постнеклассическую.

Появление первой образовательной модели, понимаемой как классическая, относится к средним векам и связана со становлением университетской системы. Находясь под патронатом церкви и делая ставку на изучение теологии, средневековые университеты тем не менее являлись центрами интеллектуальной мысли эпохи и площадками для богословских дискуссий. Их основная задача — изучение и трансляция античной (языческой) и средневековой (христианской) мудрости, позволяющая воспроизводить немногочисленную группу образованных людей. В ситуации значительного снижения уровня образованности населения, по сравнению с античностью, средневековые университеты становились центрами просвещения эпохи.

Классические университеты сохраняют свое значение и в Новое время, готовя специалистов, обладающих конкретными знаниями, они преследовали и более амбициозную цель — распространять в обществе актуальные для эпохи идеи и духовные ценности. Особого внимания заслуживает то, что мыслители Нового времени и эпохи Просвещения полагали, что назначение образования не сводится исключительно к решению интеллектуальных задач. Оно значительно шире и включает развитие духовной сферы студентов посредством межличностной коммуникации между обучающими и обучающимися. В частности, И. Кант утверждал, что посредством подобной коммуникации происходит не только передача знаний, но и воспитание обучающихся через межпоколенческую преемственность (Кант, 1980). Великий гуманист И. Кант, как и его современники, был убежден в способности культуры (воспитания и образования) позитивно изменять природу человека.

Основы понимания классического университетского образования были сформулированы В. фон Гумбольдтом (Гумбольдт, 1985). Гумбольдт полагал, что, во-первых, ценность образования не может быть сведена к его практической пользе; во-вторых, подчеркивал значимость теоретического осмысления мира, с осторожностью относясь к увлечению эмпирическими науками; в-третьих, отводил особую роль гуманитарным наукам, полагая именно их источником критического мышления и способности понимания культуры.

Особого внимания заслуживает идея Гумбольдта о роли университетов в социализации молодого поколения. Высшее образование не должно ограничиваться трансляцией знаний, его цель — воспитание человека-гражданина. Основой классической модели университета стал приоритет гуманистических ценностей, формирующих личность и определяющих ее культуру (как более общую, мировоззренческую, так и более узкую — профессиональную). В качестве наиболее фундаментальных принципов обычно фигурировали универсальность, особая значимость личности обучающего и активность обучаемого в последующем воспроизведении культуры.

На смену классической модели университета в XX в. приходит неклассическая модель. Ее основополагающие принципы являются отражением значимых общественных изменений, связанных прежде всего с идущими процессами демократизации, ориентации на узких специалистов и ценности практической направленности вузовской подготовки. Поскольку на смену модели элитарного образования приходят его массовые формы, это способствует вынужденной коммерциализации деятельности университетов. Одновременно с повышением значимости человеческой индивидуальности образовательный процесс приобретает более гибкие и вариативные формы, учитывающие культурные запросы уникальной личности. Особого внимания заслуживает изменение модели взаимодействия основных участников образовательного процесса — обучающего и обучающегося. Новый формат коммуникации

исходит из идеи равноправия, а не жесткой иерархичности, результатом чего становится диалог и совместное решение поставленных задач.

Однако никакие изменения не повлияли на идейную основу организации и осуществления образовательного процесса — гуманистические принципы. Их экстраполяция на решение образовательных задач продолжала сводиться к значимости личности преподавателя, его интеллектуальных достижений и духовных исканий.

Начиная со второй половины XX в. в обществе постмодерна происходит становление современной модели высшего образования. В равной мере, как и сама культура постмодерна, постмодернистская образовательная модель все дальше отходит от идеалов Просвещения с его культом научной рациональности и объективности. Свою лепту вносит информатизация общественного бытия, поскольку соответствующие технологии меняют форматы коммуникации, а сама информация приобретает ресурсный потенциал с точки зрения возможности воздействовать на индивидуальное и общественное сознание. Наконец, на фоне глобализационных процессов, унифицирующих и стандартизирующих культуру по западному образцу, возникает контртенденция — локализация, приводящая к дроблению и фрагментации культурного пространства. Все это придает социальной реальности зыбкость и неопределенность, сказываясь в том числе и на образовательной системе.

Происходящие изменения привели к становлению нового типа рациональности, обозначаемого как постнеклассический. Новая рациональность учитывает социальную неопределенность, отказывается от идеи незыблемости истины, а также от поиска ее единственной версии, предлагает не встречавшуюся ранее «пластичность» в решении экзистенциальных вопросов.

В наибольшей степени на изменение социальной реальности влияют цифровые технологии, преобразующие, во-первых, саму информацию, во-вторых, способы коммуникации. Благодаря контролируемости и управляемости информацией (личное информационное пространство) статус человека меняется с пассивного на активный. Сетевая коммуникация (онлайн-сообщества различного формата) делает возможной двустороннее общение потенциально неограниченного количества пользователей в режиме реального времени. Наконец, цифровая инфраструктура, представляющая совокупность ежедневно используемых цифровых устройств, открывает новые возможности, формируя образ жизни и восприятие действительности современного человека. Результатом становится переход к более персонализированному, глобальному и технологичному способу взаимодействия с информационным контентом, а также невероятная интенсификация социальной коммуникации с учетом имеющихся цифровых форматов.

В то время как классическую модель университета определяла жесткая структура, включая иерархичность коммуникации между обучающими

и обучаемыми, сетевая модель построена на гибкости горизонтальных связей. В результате современная система предлагает различные форматы обучения (офлайн и онлайн), возможность адаптивного знания и непрерывного образования, получение образования за пределами страны в рамках международного сотрудничества университетских структур и др.

Цифровое общество существенно меняет ценностные приоритеты всех возрастных групп, но прежде всего молодежи. Так называемые «цифровые аборигены» (поколение Z) прошли цифровую социализацию, в результате чего, во-первых, информация и информационные технологии стали неотъемлемой частью их жизни; во-вторых, любой контент, размещенный в Сети, воспринимается ими как не подлежащая сомнению истина. Наконец, объем времени, связанный с пребыванием поколения Z в Интернете, радикально меняет их подход к образованию, включая организацию и осуществление учебного процесса (Штофер, Шевченко, 2022).

Прежде всего изменяются отношения между основными участниками образовательного процесса — обучающими и обучающимися. В то время как цифровая реальность позволяет осуществлять онлайн-коммуникацию, начинает объективно снижаться значение преподавателя не только как основного источника информации, но и как наставника, в том числе и в духовно-нравственном отношении.

Современный научный дискурс также демонстрирует двойственность в понимании роли преподавателя в условиях цифровизации. Убежденные сциентисты и технооптимисты рисуют картины полного исчезновения физического пространства в образовательной сфере и замену преподавателя цифровыми двойниками, которые будут выполнять роль персональных навигаторов знаний (индивидуальных тьюторов). Разработчики модели Университета 20.35 рисуют футуристическую картину, в которой технологии искусственного интеллекта преодолеют существующий ныне уровень инструментальности и превратятся в некие персонализированные системы, способные помочь конкретному человеку в различных видах деятельности (от учебной до профессиональной) с учетом присущей только ему структуры знаний и навыков¹.

Более сдержанная позиция исходит из постулирования современных цифровых технологий в качестве инструмента, используемого преподавателем для расширения возможностей (пространственных, социально-дифференцирующих, инклюзивных и др.). Вывод исследователей: нейросети — это триггер формирования современных подходов и технологий обучения (Широколобова, 2024).

¹ Университет 20.35 / АСИ. — Екатеринбург: Издательские решения, 2017. Т. 34. — 50 с. — (Серия 05. Russian Fundamental: университет для России). — ISBN: 978-5-4485-8915-7, 978-5-4485-8598-2. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view> (дата обращения: 11.02.2026).

Заслуживают внимания результаты социологических исследований, которые опровергают готовность современного поколения обучающихся отказаться от реального преподавателя в пользу его цифрового двойника. Исследователи отмечают потребность учащихся в морально-психологической поддержке и совместном переживании эмоций, связанных с непосредственным взаимодействием преподавателя и студенческой аудитории в рамках учебного процесса (Каплунович, Каплунович, 2024).

Наконец, гуманистически ориентированные исследователи отмечают, что массированное внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс, помимо вышеназванных преимуществ, содержит значительные риски. Основные проблемы сводятся к утрате духовных смыслов, ранее составлявших основу образовательной деятельности, и замене живого общения между преподавателями и студентами квази-формами (Кравченко, 2020).

Значительным риском является также технологизация образовательного процесса. Автоматизированные системы проверки знаний, упрощая преподавательский труд, способствуют его механистичности, поскольку фиксируют лишь количественные (время пребывания на цифровой платформе, скорость выполнения задания, количество попыток заполнения теста и др.), а не качественные показатели обучения (уровень знаний, глубина понимания учебного материала и др.).

Серьезным вызовом для системы высшего образования становятся технологии искусственного интеллекта (ИИ). Оценивая уровень развития последних и их внедрения в различные сферы общества, ученые указывают на то, что «современное общество находится в точке фундаментальных цивилизационных изменений. Происходит всеобщий переход к “шестому технологическому укладу”. Одним из ключевых элементов этого перехода является трансформация от информационного к ИИ-ориентированному обществу, характеризующаяся беспрецедентной скоростью изменений и растущей неопределенностью»¹.

В настоящее время огромной популярностью у студентов пользуется нейросеть ChatGPT, которая представляет собой передовую модель, способную генерировать текстовые ответы на запросы пользователей. Данная система функционирует как диалоговый агент, демонстрирующий способность к формированию аргументированных и структурированных текстов. Появление такого рода интеллектуальной системы вызвало потрясение в академическом сообществе. Использование возможностей этой нейросети в образовательном

¹ *Смирнов С.* Трансформация образования в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, перспективы и новые компетенции. 2025. — URL: <https://sergiosmirnov.ru/transformacziya-obrazovaniya-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-vyzovy-perspektivy-i-novye-kompetenczii/> (дата обращения: 21.01.2026).

процессе требует критического анализа потенциальных рисков и этических аспектов, поскольку внедрение технологий ИИ радикально трансформирует сложившиеся модели образования.

В настоящее время в научном сообществе сложилось понимание перспектив имплементации ИИ в системе высшего образования, среди которых можно выделить следующие: а) скорость получения и обработки информации; б) персонализация обучения; в) автоматизация преподавательского труда; г) трансформация педагогической и научной коммуникации.

Наряду с оптимистическими прогнозами научное сообщество фиксирует серьезные риски для системы образования, обусловленные интеграцией ИИ в учебный процесс. Здесь можно выделить следующие проблемы:

- Проблема субъектности. Ключевым вызовом является размывание интеллектуальной активности участников образовательного процесса. Использование генеративных моделей ИИ для выполнения письменных работ создает иллюзию знаний, подменяя процесс мышления механической компиляцией. Исследователи предупреждают о риске снижения критического мышления и способности к рефлексии, если студенты будут полностью делегировать ИИ анализ и синтез информации (Уланова, Бирюков, 2025).
- Этическая неопределенность и цифровое неравенство. Прозрачность алгоритмов остается серьезной проблемой, поскольку преподаватели и студенты часто не понимают, на основании каких данных система приняла то или иное решение. Кроме того, существует риск цифрового разрыва, обусловленный возможностями получения доступа к расширенным версиям ИИ-инструментов студентами из семей с высоким доходом, в то время как их менее обеспеченные сверстники лишены этого преимущества. Данная ситуация может усугубить образовательное неравенство в обществе.
- Депрофессионализация самого преподавателя. Чрезмерное делегирование своих функций технологиям ИИ сопровождается утратой собственных педагогических навыков. Кроме того, активное внедрение ИИ в учебный процесс снижает уровень коммуникативных, креативных, аналитико-прогностических и других социально значимых компетенций.

Внедрение ИИ-инструментов в образовательный процесс принципиально меняет модель отношений между преподавателем и студентом. Прежние образовательные парадигмы, несмотря на их различия, строились на бинарной модели, в которой преподаватель и студент выступали основными участниками учебного процесса. Возникновение и развитие ИИ привело к появлению образовательной триады «преподаватель — студент — искусственный интеллект». Данная модель принципиально отличается от предыдущих тем, что

новый интеллектуальный агент выступает не пассивным средством обучения (как, например, учебник или компьютер), а активным когнитивным субъектом, способным к диалогу, генерации текстов и адаптации к индивидуальным особенностям обучающегося.

Очевидно, что трансформация модели отношений между преподавателем и студентом представляет собой сложный, противоречивый и неизбежный процесс, сопряженный со множеством рисков. Преодоление последних возможно только при условии сохранения человекоцентристского подхода к образованию, при котором ИИ рассматривается не как замена педагога, а как инструмент расширения его возможностей. Ключевая задача, которая стоит сегодня перед университетским сообществом — это разработка таких моделей интеграции ИИ в образовательный процесс, которые позволяют использовать его когнитивный потенциал без утраты гуманистической составляющей взаимодействия преподавателя и студента.

Заключение

В настоящее время значение цифровых технологий для развития системы современного высшего образования не оспаривается никем. Однако возникающие возможности, связанные с их развитием, включая технологии искусственного интеллекта, не отменяют существенных рисков. Как правомерно утверждал А. Вознесенский: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Если результат — атрофия у современного человека потребности к саморазвитию и самопознанию, то возникает вопрос, верен ли избранный путь? Предшествующие этапы демонстрировали единство культуры и технологий, обеспечивая развитие человека и общества, а современные технологии уже сегодня ставят под вопрос человеческий статус и идею социального прогресса.

Список источников

- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с. — ISBN 5-89826-059-5.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 2004. — 783 с. — ISBN 5-87444-203-0.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — 451 с.
- Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — 709 с.

References

- Beck W. Risk Society: Toward a Different Modernity. *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Tradition*, 2000; 383 p. ISBN 5-89826-059-5. (In Russ.)
- Bell D. The Coming Postindustrial Society: An Essay on Social Forecasting. *Moskva: Akademiya = Moscow: Academia*, 2004; 783 p. ISBN 5-87444-203-0. (In Russ.)
- Humboldt W. von. Language and Philosophy of Culture. *Moskva: Progress = Moscow: Progress*, 1985; 451 p. (In Russ.)

Каплунович С. М., Каплунович И. Я. Педагог vs искусственный интеллект: современные реалии и перспективы // Гуманитарные науки. — 2024. — № 2 (66). — С. 15–20. — EDN: VHXTED.

Классический университет в неклассическое время. — Томск: Изд-во ФГБОУ ВПО Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2007. — 200 с. — ISBN: 978-5-7511-1849-5, EDN: STUMNR.

Кравченко С. А. Цифровизация образования: риски дегуманизации // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. — М.: ФНИСЦ РАН, 2020. — С. 3179–3184. — DOI: 10.19181/kongress.2020.379, EDN: SUMXSK.

Уланова А. Е., Бирюков Н. И. Искусственный интеллект в цифровой культуре высокорейтинговых университетов // Знание. Понимание. Умение. — 2025. — № 1. — С. 28–37. DOI: 10.17805/zpu.2025.1.3.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М.: Academia, 1995. — 252 с. — ISBN 5-86187-044-6.

Широколобова А. Г. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации работы преподавателя высшей школы // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 9. — Вып. 2. — С. 138–145. — ISSN 2686-8725 (online), ISSN 2500-0039 (print).

Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Сер.: Социально-экономические науки. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 281–290. — DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290, EDN: NXHUIC.

Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. — New York: Alfred A. Knopf, 1995. — 243 p.

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott. — New York: McGraw-Hill, 1996. — 342 p.

Kant I. Treatises and Letters. M.: Nauka = Moscow: Nauka, 1980; 709 p. (In Russ.)

Kaplunovich S. M., Kaplunovich I. Ya. Teacher vs. Artificial Intelligence: Current Realities and Prospects. *Gumanitarnyye nauki = Humanities*. 2024; 2(66): 15–20. (In Russ.)

The Classical University in Non-Classical Times. *Tomsk: Izd-vo FGBOU VPO Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet = Tomsk: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education National Research Tomsk State University*, 2007; 200 p. ISBN: 978-5-7511-1849-5. (In Russ.)

Kravchenko S. A. Digitalization of Education: The Risks of Dehumanization. In *Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions*. M.: *FNISTS RAN = Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*, 2020: 3179–3184. DOI: 10.19181/kongress.2020.379. (In Russ.)

Ulanova A. E., Biryukov N. I. Artificial Intelligence in the Digital Culture of Highly Ranked Universities. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*. 2025; 1: 28–37. DOI: 10.17805/zpu.2025.1.3. (In Russ.)

Habermas J. Democracy. Reason. Morality. M.: *Academia = Moscow: Academia*, 1995; 252 p. ISBN 5-86187-044-6. (In Russ.)

Shirokolobova A. G. Artificial Intelligence as a Tool for Optimizing the Work of Higher Education Teachers. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. 2024; 9; 2: 138–145. ISSN 2686-8725 (online), ISSN 2500-0039 (print). (In Russ.)

Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and Risks of Digitalization as a Trend in Social Development: Culture and Education. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Social and Economic Sciences*. 2022; 15; 2: 281–290. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290. (In Russ.)

Negroponte N. Being Digital. *New York: Alfred A. Knopf*, 1995; 243 p.

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. *New York: McGraw-Hill*. 1996; 342 p.

Для цитирования: Шевченко О. М., Штофер Л. Л. От бинарности к триаде: трансформация модели отношений «преподаватель-студент» в условиях цифровизации высшего образования // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 64–74. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.5 EDN GNGCSV

Сведения об авторах

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
SPIN-код: 3349-6270
AuthorID РИНЦ: 479776
olgashv2007@yandex.ru

Штофер Людмила Львовна

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
SPIN-код: 2266-5569
AuthorID РИНЦ: 928937
Filosofiya327@yandex.ru

История статьи:

Поступила в редакцию — 19.02.2026
Одобрена после рецензирования — 23.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Information about authors

Olga M. Shevchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Scopus AuthorID: 15819718000
olgashv2007@yandex.ru

Lyudmila L. Shtofer

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics
Filosofiya327@yandex.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ РОССИЯН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

*М. С. Астоянц**

ORCID: 0000-0002-0373-7484

** Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. Выявление специфики реализации инновационного потенциала старшего поколения в практиках социального участия, выступающих креативным ответом на вызовы социальной турбулентности (на материалах сравнительного анализа Юга России и Урала).

Методологическая база исследования. Теоретическая рамка исследования базируется на таксономии социального участия (М. Левассер), дихотомии «креативность — имитация» (Ю. Г. Волков) и теории креативности действия (Х. Йоас). Эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса пожилых людей в возрасте от 60 и старше (2023 г., N = 520), проведенного в Ростовской и Свердловской областях.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) в Южном федеральном университете. Рук. проекта Т. С. Киенко.*

© Астоянц М. С., 2026

THE INNOVATIVE POTENTIAL OF SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER RUSSIANS IN TERMS OF SOCIAL TURBULENCE (REGIONAL ASPECT)*

*Margarita S. Astoyants**

** Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia*

Objective of the study is to identify the specifics of appreciating the innovative potential of the older generation in social participation practices serving as a creative response to the challenges of social turbulence (based on a comparative analysis of Southern Russia and the Urals).

Methodological basis of the study. The theoretical framework of the study is based on the taxonomy of social participation (M. Lévassieur), the creativity-imitation dichotomy (Yu. G. Volkov), and the theory of creative action (H. Joas). The empirical base consisted of the results of a questionnaire survey of older adults aged 60 and over (2023, N = 520) conducted in the Rostov and Sverdlovsk regions.

** The study is supported by the Russian Science Foundation. Research project No. 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) at Southern Federal University. Project Director T. S. Kienko.*

Результаты исследования. Установлено, что в условиях социальной турбулентности происходит расширение диапазона практик социального участия пожилых людей: от локальной семейной заботы до уровня общественной солидарности. Выявлена региональная дифференциация: в Ростовской области уровень готовности к расширенному социальному участию составляет 94%, в Свердловской — 79%. Доказано, что «низовые» (самоорганизованные) практики выступают формой конверсии накопленного человеческого капитала (замещение дефицита финансов личным трудом и временем) и являются альтернативой социальным имитациям.

Перспективы исследования. Дальнейшее изучение механизмов диффузии и межпоколенческой трансляции опыта социального участия.

Ключевые слова: старшее поколение, социальное участие, инновационный потенциал, социальная турбулентность, социальная креативность, имитационные практики, региональная специфика

Results of the study. In terms of social turbulence, the range of social participation practices of the elderly is expanding: from local family care to the level of social solidarity. Regional differentiation was revealed: in the Rostov region, the level of readiness for expanded social participation is 94%, while in the Sverdlovsk region it is 79%. It has been proven that “grass-roots” (self-organized) practices serve as a form of conversion of accumulated human capital (compensating for financial shortages with personal labor and time) and are an alternative to social imitation.

Prospects of the study. Further study of the mechanisms of diffusion and intergenerational transmission of social participation experiences.

Keywords: older generation, social participation, innovative potential, social turbulence, social creativity, imitation practices, regional specifics

Введение

В условиях социальной турбулентности, характеризующей современный этап развития российского общества (Коленникова, 2023. С. 155), особую значимость приобретает поиск внутренних ресурсов социальной солидарности. В этом контексте особого внимания заслуживает старшее поколение, роль которого традиционно сводилась к объекту социальной опеки.

Сегодня наблюдается явная тенденция к усилению социальной субъектности данной группы. «Третий возраст» перестает восприниматься как период пассивного дожития и становится пространством для реализации активных жизненных стратегий. Речь идет о широком распространении «низовых» практик социального участия, в рамках которых пожилые люди выступают не реципиентами помощи, а активными агентами, конструирующими социальную реальность. Эта активность наиболее рельефно проявилась как ответ на современные вызовы, однако ее природа носит универсальный характер, базируясь на фундаментальной потребности в деятельном участии.

В современном социологическом дискурсе проблема активности пожилых находит свое отражение в концепции активного долголетия (Walker, 2002). Однако реализации субъектности часто препятствуют укоренившиеся стереотипы. Как отмечает К. А. Галкин, в обществе сохраняется тенденция к медикализации старения, когда пожилой возраст рассматривается исключительно сквозь призму биологического увядания и утраты ресурсов (Галкин, 2023. С. 15). Исследователь подчеркивает, что такой подход «замедляет восприятие старения как продуктивного времени и времени возможностей» (Галкин, 2023. С. 15), закрепляя за пожилыми людьми пассивную роль.

Преодоление этого ограничивающего подхода требует смены исследовательской оптики. В современном научном дискурсе появляются исследования, в которых старость и старение рассматриваются как пространство для социальных инноваций, что позволяет выявить новые ресурсы для повышения качества жизни и солидарности общества (Klimczuk, Tomczyk, 2020). Развивая данный вектор, мы предлагаем использовать концепт «инновационного потенциала». Под ним мы понимаем совокупность статусных характеристик, личностных качеств, знаний, умений и ценностных установок, кумулятивно накопленных на протяжении жизненного пути и определяющих способность выступать субъектами социально-инновационной деятельности. В данном случае инновационность понимается не как технологический прорыв, а как способность к социальному творчеству: выходу за рамки привычных стратегий и самостоятельному конструированию практик социального участия, отвечающих на вызовы времени.

Целью данной статьи является выявление специфики реализации инновационного потенциала старшего поколения в практиках социального участия, выступающих креативным ответом на вызовы социальной турбулентности.

Теоретические основания и методы исследования

Методологический конструкт исследования базируется на синтезе социологических подходов к анализу социального участия.

Трактовку этого ключевого понятия мы основываем на междисциплинарном определении, предложенном группой М. Левассер: это вовлеченность человека в активности, обеспечивающие взаимодействие с другими людьми и обществом (Levasseur et al., 2022). Для операционализации мы используем таксономию М. Левассер, выделяющую 6 уровней вовлеченности: от действий, ориентированных на себя (уровень 1) и ближайшее окружение (уровень 3), до участия в жизни сообщества и общества в целом (уровни 4–6) (Levasseur et al., 2010. P. 320). Это позволяет определить актуальный радиус социальной активности пожилых людей в условиях турбулентности: ограничивается ли он семейной сферой (уровень 3) или распространяется на сферу гражданской помощи (уровень 4 и выше). При этом для обозначения

специфики выявленных форм мы используем термин «низовые» практики, понимая под ними те виды социального участия, которые возникают на основе самоорганизации, минуя формальные институциональные фильтры.

Для интерпретации ресурсной базы этой активности мы используем категорию «инновационный потенциал старшего поколения» как совокупности компетенций, жизненного опыта и ценностных установок, накопленных в течение жизни, позволяющих пожилым людям не ограничиваться пассивной адаптацией, а выступать субъектами социального творчества.

Для анализа природы этих действий применяется теоретическая оптика Ю. Г. Волкова — дихотомия «креативность — имитация». В данной концепции имитация связана с производством социальных симулякров, тогда как подлинная креативность понимается не узкопрофессионально (в отличие от подхода Р. Флориды), а как созидательная деятельность, имеющая осязаемый итог. Как отмечает Ю. Г. Волков, «креативность, социальное творчество... начинается и разворачивается там, где человек чувствует удовлетворенность результатами собственной деятельности» (Волков, 2012. С. 47). Мы исходим из того, что «низовые» практики (изготовление вещей, помощь) являются формой такой социальной креативности, так как они нацелены на реальный результат и противостоят формализму.

Наконец, для объяснения механизма возникновения активности мы обращаемся к теории «креативности действия» Х. Йоаса. Согласно его подходу, креативность — это не свойство гениев, а характеристика человеческого действия в ситуации, когда привычные рутинные практики перестают работать. «Мир оказывается источником потрясения нерелексируемых ожиданий... Эта реконструкция есть креативная работа действующего субъекта» (Йоас, 2005. С. 143). Вызовы социальной турбулентности рассматриваются нами как такое «потрясение», запускающее механизм креативной реконструкции жизненных стратегий старшего поколения.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса, проведенного в 2023 году в двух регионах с различной социокультурной спецификой: Ростовской области (Юг России) и Свердловской области (Урал).

Общий объем выборки составил 520 респондентов. Объект исследования — население в возрасте 60 лет и старше. Выборка квотная, репрезентирующая половозрастную структуру пожилого населения регионов и тип поселения (областной центр, малые города, сельская местность). Обработка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS. Сравнительный анализ частотных распределений и таблиц сопряженности позволил выявить региональную специфику вовлеченности, а качественный анализ открытых вопросов — определить содержательное наполнение «низовых» практик социального участия.

Результаты

Подробный анализ социально-демографических характеристик респондентов и структуры их ответов представлен в нашей монографии (Социальное участие..., 2024. С. 115–122). Для верификации гипотезы о созидательном (не-имитационном) характере социального участия старшего поколения в условиях турбулентности мы проанализировали общий уровень и региональную специфику установок на социальную солидарность (на основе закрытых вопросов о важности поддержки общества), а также содержательное наполнение этих практик. Для этого был использован блок открытых вопросов, выстроенных по логике «воронки»: от диагностики общественного запроса к оценке ресурсного потенциала возрастной группы и, наконец, к личным стратегиям участия.

Анализ установок на социальное участие выявил показательную дихотомию между сферой частной заботы и общественной солидарности (см. табл. 1).

Таблица 1. Региональные различия доли положительных ответов на вопросы: «Важно ли, на Ваш взгляд, в связи с современной ситуацией в стране принимать участие в оказании поддержки и помощи...» (в %)¹

Регион исследования	...близким людям	...посторонним людям, группам, организациям, государству
Ростовская область	98,8	94,2
Свердловская область	97,3	78,8
По выборке в целом	98,1	86,5

В отношении поддержки «ближнего круга» (семья, родственники) наблюдается полный межрегиональный консенсус: абсолютное большинство респондентов (98,1%) считают такую помощь безусловной нормой вне зависимости от места проживания. Этот результат подтверждает устойчивость традиционных семейно-родственных связей как базового уровня солидарности.

При выходе на уровень широкой общественной поддержки (помощь государству, незнакомым людям) проявляется значимая дифференциация. Если в целом по выборке абсолютное большинство опрошенных (86,5%) разделяют мнение о важности оказания поддержки государству и обществу в текущей ситуации, то сравнительный анализ данных по регионам позволяет говорить о феномене контекстуальной детерминации социальной активности.

В Ростовской области (Юг России) уровень декларируемой готовности к поддержке достигает максимальных значений — 94,2% (сумма положительных ответов). Близость к зоне геополитического напряжения

¹ Источник: авторская разработка.

и непосредственное наблюдение гуманитарных проблем минимизируют «зону неопределенности».

В Свердловской области (Урал) этот показатель ниже — 78,8%, при этом доля респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить» или уклонившихся от ответа, здесь вдвое выше, чем на Юге.

Такой разрыв на фоне единства в вопросах семейной помощи доказывает, что фактор географической близости к эпицентру турбулентности выступает катализатором расширения радиуса социального участия, стимулируя переход от локальной заботы к общественной солидарности.

Детализация характера этой поддержки через анализ открытых вопросов, выстроенных по логике «воронки» (от оценки общественного запроса к личным стратегиям), позволила проследить переход от оценки потребности к личному действию (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов о востребованных и возможных видах поддержки в связи с современной ситуацией в стране (в %)¹

Категории поддержки	Запрос общества (Что сейчас нужно?)	Потенциал группы (Что могут пожилые?)	Личная стратегия (Что готов делать / делаю я?)
Материально-финансовая помощь (деньги, продукты, вещи)	46,2	12,4	28,5
Деятельное участие (волонтерство, физический труд)	18,5	24,8	25,2
Морально-смысловая поддержка (наставничество, опыт, молитва, общение)	12,1	58,6	34,6
Затрудняюсь ответить / Иное	23,2	4,2	11,7
Итого:	100,0	100,0	100,0

В оценке социального запроса (вопрос о наиболее востребованной помощи) респонденты демонстрируют высокий реализм. Доминирующей категорией ответов (около 46,2%) является материально-финансовая поддержка. Пожилые люди четко осознают, что в кризисных условиях ключевым дефицитом являются ресурсы жизнеобеспечения. Как отмечают участники опроса: «прежде всего необходима материальная помощь, потому что многие живут трудно», «нужны финансы, продукты, лекарства». Вторая по значимости группа ответов (18,5%) связана с организованным волонтерством

¹ Источник: авторская разработка.

и поддержкой в зоне конфликта («гуманитарная помощь бойцам», «сбор средств на экипировку»). Потребность в морально-психологической поддержке отметили 12,1% опрошенных, а еще около 8% указали на необходимость развития социальной и медицинской инфраструктуры («качественная медицина», «социальное обслуживание»).

При этом в структуре запроса прослеживается региональная специфика: если на Урале преобладает абстрактный запрос на финансовую помощь, то в Ростовской области, находящейся в непосредственной близости к зоне напряжения, ответы носят более предметный характер. Жители Юга чаще указывают на конкретные натуральные формы дефицита: «продукты питания», «теплые вещи», «помощь в расселении беженцев», что свидетельствует о более глубокой погруженности в контекст гуманитарных проблем.

При оценке потенциала собственной возрастной группы (вопрос о том, кому и какие виды поддержки и помощи могут оказать пожилые люди в связи с современной ситуацией в стране) структура ответов кардинально меняется и демонстрирует высокую степень межрегионального единства. Вне зависимости от места проживания респонденты совершают смысловой сдвиг, компенсируя нехватку финансов (лишь 12,4% указали деньги как ресурс группы) другими капиталами. Лидирующую позицию (58,6%) занимает категория «морально-смысловая поддержка и передача опыта». Старшее поколение конструирует для себя новую роль — хранителей ценностного каркаса общества: «транслировать знания о важных исторических событиях», «заниматься патриотическим воспитанием», выступать в роли наставников. Второй по значимости категорией (24,8%) становится трудовое участие, включающее изготовление вещей и посильную волонтерскую помощь.

Респонденты с высшим образованием чаще акцентируют внимание на наставнической и экспертной функции (профессиональные консультации, разъяснительная работа, воспитание молодежи), тогда как опрошенные со средним профессиональным образованием ориентированы на практическое созидание (изготовление вещей, помощь в быту). И в том, и в другом случае речь идет о реализации накопленного жизненного опыта в новых социальных условиях.

На уровне личных стратегий происходит показательная трансформация: доминирующей стратегией становится деятельное участие, реализуемое в трех основных формах. Во-первых, 28,5% респондентов, несмотря на объективные ограничения дохода, выражают готовность к посильной материальной поддержке, спектр которой варьируется от «перечисления небольших сумм с пенсии» до натуральной помощи «продуктами и вещами». Во-вторых, 25,2% выбирают конкретное физическое участие (практики рукоделия, участие в сборе гуманитарной помощи). В-третьих, 34,6% респондентов

фокусируются на эмоциональной и духовной поддержке (молитва, моральная помощь близким), что, в отличие от абстрактного «воспитания молодежи», характерного для оценки роли поколения в целом, маркирует переход к конкретизации и адресному участию.

Ключевым результатом данного этапа анализа стало выявление высокой доли реализованных практик. Качественный анализ глагольных форм в ответах показал, что 40,5% респондентов из числа тех, кто выразил готовность к практическому участию, описывают его как свершившийся факт или текущий процесс. Респонденты используют формулировки: «вязала носки солдатам», «плела сетки», «отправляла вещи», «я старший по подъезду, помогаю». Столь высокий показатель перехода от интенции к действию свидетельствует о том, что для значительной части старшего поколения социальное участие уже инкорпорировано в повседневность и не носит декларативного характера. Анализ личных стратегий подтверждает также тренд, выявленный на предыдущих этапах: в Ростовской области практики носят более выраженный «овеществленный» характер. Ответы респондентов здесь чаще содержат указания на конкретные действия с материальными объектами (изготовление, сбор, передача), что объясняется непосредственной включенностью в гуманитарную повестку приграничного региона.

Особый интерес представляет позиция респондентов, осознающих ограниченность здоровья и своих физических сил. Их ответ — «если удастся прожить без медицинской и социальной помощи, то это уже большая помощь государству» — демонстрирует стремление к сохранению автономии как формы ответственного гражданства.

Таким образом, сопоставление трех уровней («запрос — потенциал — личное действие») выявляет механизм социальной конверсии: не имея возможности ответить на финансовый запрос общества в полном объеме, пожилые люди креативно замещают дефицит ресурсов собственным трудом, временем и компетенциями, трансформируя готовность к участию в конкретные овеществленные практики.

Дискуссия

Полученные эмпирические результаты позволяют интерпретировать специфику реализации инновационного потенциала старшего поколения в условиях турбулентности. Ключевой результат нашего исследования — высокий уровень реальной, деятельной вовлеченности респондентов (более 40% в группе, заявившей о готовности оказывать помощь обществу, уже участвуют в тех или иных практиках). Эти данные эмпирически обосновывают актуальность смены исследовательской оптики, зафиксированную в обзоре К. А. Галкина (Галкин, 2025). Автор отмечает переход от патерналистских

моделей к восприятию старшего поколения как значимого ресурса. Наше исследование подтверждает, что эта ресурсность является не теоретическим конструктом, а социальным фактом.

Развивая данный тезис, мы предлагаем концептуализировать субъектность старшего поколения через категорию «инновационного потенциала». Анализ показал, что его реализация осуществляется не в логике пассивного приспособления, а через социальное творчество (конверсию ресурсов) в ответ на острый общественный запрос. Наш вывод о неимитационном характере активности коррелирует с позицией Ю. Стыпинской и коллег, определяющих старшее поколение как «нераскрытый драйвер социальных инноваций» (Stypinska et al., 2020). Однако если зарубежные исследователи анализируют этот потенциал преимущественно в сфере «серебряного предпринимательства», то наши данные свидетельствуют о его реализации в практиках гражданской взаимопомощи и социальной конверсии.

Выявленный нами феномен «овеществления» помощи (доминирование практик изготовления вещей и сбора продуктов в личных стратегиях) позволяет верифицировать применимость теоретической оптики Ю. Г. Волкова к анализу активности старшего поколения. Если имитация связана с производством симулякров, то действия наших респондентов производят реальный продукт, что позволяет квалифицировать их как подлинную социальную креативность. При этом наше исследование дополняет данный подход, связывая его с концепцией Ханса Йоаса (Joas, 2005). Если Ю. Г. Волков описывает качество действия (созидание против имитации), то Х. Йоас объясняет механизм его возникновения: в ситуации кризиса («потрясения привычек») люди осуществляют творческую реконструкцию своих практик, находя новые возможности для действия, исходя из доступных средств.

При этом мотивация участия носит глубоко экзистенциальный характер. Наш вывод о том, что значительная доля респондентов выбирает формы моральной поддержки и наставничества, резонирует с идеями С. И. Самыгина о поиске «нового смысла старости» в постсовременном обществе (Samygin, 2022). Мы эмпирически подтверждаем выводы В. Н. Ярской-Смирновой и С. Г. Григорьевой о том, что в культуре старения усиливается «дискурс социального служения» (Yarskaya-Smirnova, Grigoryeva, 2023). Для наших респондентов помощь является способом преодолеть кризис идентичности и сохранить чувство собственной значимости.

Кроме того, специфика выбора практик коррелирует с результатами нашего исследования факторов мотивации социального участия пожилых россиян (Астоянц, Киенко, 2024). Ранее нами было установлено, что у респондентов с высшим образованием доминирует просоциальная мотивация (стремление приносить пользу обществу), тогда как для группы с общим образованием

более значима реципрокность (принцип взаимности). Текущие данные подтверждают эту закономерность: высокообразованные участники выбирают роль «наставников» (просоциальный вклад), а респонденты с более низким уровнем образования ориентированы на конкретную прикладную помощь (реализация принципа взаимной заботы).

Наконец, зафиксированная нами популярность практик «ближнего круга» соотносится с международными данными о том, что социальное участие именно на уровне местного сообщества является наиболее доступной и естественной формой для пожилых людей (Siette et al., 2021), а также с результатами отечественных исследований региональной специфики участия (Певная и др., 2024). Наши данные подтверждают, что привычные практики добрососедства остаются фундаментом активности. При этом в условиях турбулентности (особенно в приграничных регионах) они приобретают новое качество: дворовые сообщества и соседские связи становятся эффективным инструментом для сбора ресурсов и поддержки нуждающихся. Это позволяет пожилым людям вносить значимый вклад в решение общих задач, оставаясь в комфортной для себя локальной среде.

Заключение

Проведенное исследование позволило верифицировать высокий инновационный потенциал старшего поколения россиян и выявить специфику его реализации в условиях социальной турбулентности. Установлено, что практики социального участия пожилых людей характеризуются широким диапазоном вовлеченности, выходящим за рамки локальной заботы о близких и охватывающим уровень общественной солидарности. Сравнительный анализ подтвердил, что контекстуальные факторы (географическая близость к зоне социального напряжения) выступают катализатором этой активности, стимулируя более высокую готовность к участию.

Ключевой вывод состоит в том, что выявленные практики носят неимитационный, созидательный характер. Не обладая значительным финансовым капиталом, старшее поколение реализует стратегию социальной конверсии, замещая дефицит ресурсов собственным трудом, временем и компетенциями (наставничество, рукоделие, волонтерство). Тем самым оно формирует устойчивое пространство самоорганизации, подтверждая свою субъектность и способность к созидательному ответу на вызовы времени. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение механизмов устойчивости и межпоколенческой трансляции опыта социального участия.

Список источников

Астоянц М. С., Киенко Т. С. Социально-демографические факторы мотивации социального участия пожилых россиян / М. С. Астоянц, Т. С. Киенко // Журнал исследований социальной политики. — 2024. — Т. 22, № 4. — С. 641–658. — DOI 10.17323/727-0634-2024-22-4-641-658. — EDN EJHIWU.

Волков Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 1. — С. 43–58. — EDN SBLTNR.

Галкин К. А. Особенности медиализирующего поведения в отношении пожилых людей при взаимодействиях с врачами и социальными работниками / К. А. Галкин // Гуманитарий Юга России. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 14–27. — DOI 10.18522/2227-8656.2023.2.1. — EDN BQSZEC.

Галкин К. А. Современные исследовательские тренды изучения старения в социологии / К. А. Галкин // Гуманитарий Юга России. — 2025. — Т. 14, № 3. — С. 159–168. — DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.13. — EDN QQBLXN.

Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. — 320 с.

Коленикова Н. Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности / Н. Д. Коленикова // Социологические исследования. — 2023. — № 1. — С. 154–156. — DOI 10.31857/S013216250022957-5. — EDN CLFAVI.

Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. С. Киенко // Регионология. — 2024. — Т. 32, № 3 (128). — С. 584–601. — DOI 10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601. — EDN OQKUJB.

Самыгин С. И. Смысл старости в контексте постсовременного общества / С. И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 16–29. — DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.1. — EDN JZLNBW.

References

Astoyants M. S., Kienko T. S. Socio-demographic factors of social participation motivation of older Russians. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2024; 22 (4): 641–658. (In Russ.)

Volkov Yu. G. Creative class versus imitational practices. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2012; 4: 43–58. (In Russ.)

Galkin K. A. Features of medicalizing behavior towards the elderly in interactions with doctors and social workers. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 12 (2): 15–24. (In Russ.)

Galkin K. A. Modern research trends in the study of aging in sociology. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025; 14 (3): 160–173. (In Russ.)

Joas H. The Creativity of Action. *SPb: Aletheia Publ. = St. Petersburg: Aletheia Publ*, 2005. (In Russ.)

Kolennikova N. D. Russian Society in the Period of Global Turbulence: Key Challenges and Opportunities. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Research*. 2023; 1: 155–157. (In Russ.)

Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Kienko T. S. Levels of social participation of “silver” age citizens and factors of its activation in the Russian region. *Regionology = Regionologiya*. 2024; 32 (3): 588–606. (In Russ.)

Samygin S. I. The meaning of old age in the context of postmodern society. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022; 11 (3): 317–327. (In Russ.)

Kienko T. S. (Ed.). Social participation of older people in Russian regions: Collective monograph. *Rostov-na-Donu: Printing shop Publ. = Rostov-on-Don: Pechatnaya lavka Publ*, 2024. (In Russ.)

Yarskaya-Smirnova V. N., Grigoryeva S. G. Culture of aging in modern temporality: the discourse of social service. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2023; 23 (5): 36–44. (In Russ.)

Социальное участие людей старших возрастов в российских регионах: коллективная монография / под ред. Т. С. Киенко. Ростов н/Д: Печатная лавка, 2024. 312 с. ISBN (Print) 978-5-906429-52-0. — EDN MNVPDE.

Ярская-Смирнова В. Н., Григорьева С. Г. Культура старения в современной темпоральности: дискурс социального служения / В. Н. Ярская-Смирнова, С. А. Григорьева // Вестник Поволжского института управления. — 2023. — Т. 23, № 5. — С. 36–44. — DOI 10.22394/1682-2358-2023-5-36-44. — EDN DMODJZ.

Klimczuk A., Tomczyk Ł. Editorial: Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), *Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population*. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020. — P. 5–8.

Levasseur M. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition / M. Levasseur, M. Lussier-Therrien, M. L. Biron, et al. // *Age and Ageing*. 2022. — Vol. 51. — № 2. — P. Article afab215.

Levasseur M. Inventory of social participation of older adults: a scoping review of the literature / M. Levasseur, L. Richard, L. Gauvin, E. Raymond // *International Journal of Rehabilitation Research*. 2010. — Vol. 33 (4). — P. 318–340.

Siette J. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services / J. Siette, H. Berry, M. Jorgensen // *Journal of Applied Gerontology*. — 2021. — Vol. 40. — № 9. — P. 997–1007.

Stypińska J. Senior Entrepreneurship: The Unrevealed Driver for Social Innovation / J. Stypińska, A. Franke, J. Myrczi // In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), *Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population*. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020. — P. 158–173.

Walker A. A strategy for active ageing / A. Walker // *International Social Security Review*. — 2002. — Vol. 55 (1). — P. 121–139.

Klimczuk A., Tomczyk Ł. Editorial: Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), *Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population* Lausanne: Frontiers Media SA, 2020.

Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M. L. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition. *Age and Ageing*. 2022; 51 (2): afab215. DOI: 10.1093/ageing/afab215

Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory of social participation of older adults: a scoping review of the literature. *International Journal of Rehabilitation Research*. 2010; 33 (4): 318–340.

Siette J., Berry H., Jorgensen M. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services. *Journal of Applied Gerontology*. 2021; 40; 9: 997–1007.

Stypińska J., Franke A., Myrczik J. Senior Entrepreneurship: The Unrevealed Driver for Social Innovation. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), *Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population*. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020: 158–173.

Walker A. A strategy for active ageing. *International Social Security Review*. 2002; 55 (1): 121–139.

Для цитирования: Астоянц М. С. Инновационный потенциал социального участия россиян старшего возраста в условиях социальной турбулентности (региональный аспект) // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 75–87.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.6

EDN HNRYLI

Сведения об авторе

Астоянц Маргарита Сергеевна

Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

SPIN-код: 2800-4505,

AuthorID: 492636

mastoyanc@sfedu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию — 22.12.2025

Одобрена после

рецензирования — 20.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Information about author

Margarita S. Astoyants

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Industrial and
Applied Sociology, Institute of Sociology and
Regional Studies, Southern Federal University

Scopus AuthorID: 57189328022

mastoyanc@sfedu.ru

**МЕХАНИЗМЫ
СОЦИАЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКО-
ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**MECHANISMS
OF SOCIAL REGULATION
OF THE FORMATION
OF CIVIC-PATRIOTIC
IDENTITY AMONG RUSSIAN
YOUTH IN TERMS OF NEW
TERRITORIALITY:
METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS
OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH**

*А. А. Дамбегов**

*Aslan A. Dambegov**

* *Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: определить и обосновать методологические основания социологического исследования механизмов социального регулирования формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи в новых социально-территориальных условиях.

Objective of the study is to identify and substantiate the methodological foundations of a sociological study of the mechanisms of social regulation in the formation of civic-patriotic identity among Russian youth in the new socio-territorial context.

Теоретическая база исследования представлена концептуальными положениями социально-конструктивистского подхода к изучению идентичности, теории государственно-гражданской идентичности, а также теоретических подходов и принципов,

Methodological basis of the study is represented by the conceptual tenets of the socio-constructivist approach to the study of identity, the theory of state-civic identity, as well as theoretical approaches and principles in the field of sociological studies of patriotism, citizenship,

сложившихся в пространстве социологического изучения патриотизма, гражданственности, гражданского патриотизма, социальных механизмов и процессов социальной регуляции.

Результаты исследования. Патриотизм, провозглашенный национальной идеей, на которой конструируется общероссийская идентичность, становится также частью идентификационного концепта «государственно-патриотическая идентичность», активно используемого в политике и практике гражданского и патриотического воспитания молодого поколения россиян. Данный процесс нуждается в регуляции со стороны общества и государства, что определяет значимость социологического изучения механизмов социальной регуляции формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи. В предложенной методологической схеме данного исследования выделяются институциональные, социокультурные и социально-организационные механизмы регуляции формирования гражданско-патриотической идентичности у молодежи. При этом под гражданско-патриотической идентичностью понимается отождествление индивидом себя в качестве гражданина конкретного государства, с его народом, культурой, языком и историей на основе определенных чувств, эмоций, ценностей и установок, как правило, в категориях любви, гордости, долга, готовности действовать на благо своего народа и государства в конкретных социально-исторических условиях. Основным индикатором социологического измерения гражданско-патриотической идентичности молодежи как конструируемой под влиянием институциональных, социокультурных и социально-организационных механизмов выступает баланс соотношения патриотического и гражданского в данном идентификационном конструкте, а индикаторами второго уровня выступают структурные компоненты гражданско-патриотической идентичности: когнитивный, ценностный и поведенческий.

civic patriotism, and the social mechanisms and processes of social regulation.

Results of the study. Patriotism, proclaimed as the national idea upon which all-Russian identity is constructed, is also becoming part of the identification concept of “state-patriotic identity,” actively used in the policy and practice of civic and patriotic education of the younger generation of Russians. This process requires regulation by society and the state, which determines the importance of a sociological study of the mechanisms of social regulation in the formation of civic-patriotic identity among Russian youth. The proposed methodological framework for this study identifies institutional, sociocultural, and socio-organizational mechanisms regulating the formation of civic-patriotic identity among young people. Civic-patriotic identity is understood as an individual’s identification with a particular state, its people, culture, language, and history, based on certain feelings, emotions, values, and attitudes, typically in the categories of love, pride, duty, and a willingness to act for the good of their people and state in specific socio-historical conditions. The primary indicator of the sociological dimension of civic-patriotic identity among young people, as constructed under the influence of institutional, sociocultural, and socio-organizational mechanisms, is the balance between the patriotic and the civic in this identification construct. Second-level indicators are the structural components of civic-patriotic identity: cognitive, value-based, and behavioral.

Перспективы исследования видятся в реализации на эмпирическом уровне заложенных в предложенной методологической схеме концептуальных установок в границах проблемы конструирования молодежной идентичности по типу «гражданин-патриот» с учетом современных реалий и актуального решения задач национального масштаба.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, молодежь, патриотическая идентичность, гражданская идентичность, гражданско-патриотическая идентичность, институциональные механизмы, социокультурные механизмы, социально-организационные механизмы

Prospects of the study. The potential of the research lies in the empirical implementation of the conceptual principles of the proposed methodological framework in the context of constructing youth identity as a “citizen-patriot,” taking into account contemporary realities and the need to address national challenges.

Keywords: patriotism, civic consciousness, youth, patriotic identity, civic identity, civic-patriotic identity, institutional mechanisms, socio-cultural mechanisms, social and organizational mechanisms

Введение

Гражданско-патриотическая идентичность молодежи — явление не статичное, меняющееся и находящееся под влиянием комплекса факторов и акторов, в совокупности конструирующих ее и придающих ей определенный характер. Процесс конструирования идентичностей может быть стихийным в результате отсутствия четкого механизма социальной регуляции данного процесса, и в этом случае велики риски социальной дезинтеграции и эскалации социальных конфликтов. Исследователи отмечают, что именно в современной реальности, в условиях новой социальности, развивающейся под влиянием глобальной информатизации, активизируются процессы конструирования, изменения и реактуализации идентичностей, поскольку прежние социальные механизмы идентификации не соответствуют потребностям общества. Новый мир, «открытый мир» развивается по иным законам, законам глобализации, вовлекающим в свою орбиту разные культурные миры и сообщества, а сохранение культурного многообразия и своеобразия в границах государственно-территориальных образований требует противостояния социальной стандартизации, что возможно путем развития идентичностей (Коряковцева, Доссэ, 2016. С. 29).

Сегодня российское государство переживает сложные времена и осознает масштабы угроз национальной безопасности. Не в первый раз российскому народу находиться в условиях «новой территориальности», вызванных изменением социально-территориального порядка и устройства. Распад СССР, воссоединение России с Крымом, а с 30 сентября 2022 года образование

новых субъектов РФ в результате присоединения новых регионов (ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей) — все эти социально-исторические события сопровождаются осмыслением происшедшего и актуализацией важнейших вопросов, прежде всего связанных с формированием целостной картины общества и государства в проекции его истории, духовного кода, национальной идеи, объединяющей социум в конкретную историческую эпоху, т.е. всего того, что вкладывает академик М. К. Горшков в понятие национальной идентичности (Горшков, 2016).

Итак, включение в состав страны новых территорий с населением, хоть и социокультурно близким российскому народу, определяет необходимость национального единения в условиях вызовов и угроз внешнего характера и ставит на повестку дня крайне актуально проблему гражданского единения. Его базисом выступают гражданские и патриотические ценности, центрообразующие гражданско-патриотическую идентичность, которую можно формировать и развивать различными средствами, прежде всего, как считают исследователи, с помощью механизмов образования и воспитания (Бугайчук, 2021. С. 13). Первостепенное значение имеет то, что само общество с помощью механизмов социальной регуляции должно управлять процессом гражданско-патриотического развития молодежи и формирования у него устойчивой идентичности гражданина-патриота. Эта задача выступает первостепенной для российского общества и государства, но ее эффективное решение предполагает наличие научных оснований, глубокого научного анализа механизмов социальной регуляции гражданско-патриотической идентичности молодежи в условиях современных российских реалий, оценки их функционирования, выявление проблемных зон и барьеров для последующих рекомендаций управленческим структурам, ответственным за данный процесс. Такой спектр научных задач предполагает создание методологического базиса социологического изучения механизмов социальной регуляции гражданско-патриотической идентичности российской молодежи в условиях современных реалий.

Выбор и обоснование методологических оснований социологического изучения гражданско-патриотической идентичности российской молодежи

Реализация новой Стратегии национальной политики РФ основывается на идее национальной интеграции, реализация которой, в свою очередь, предполагает формирование устойчивой общероссийской (гражданской) идентичности. Последняя также должна базироваться на национальной идее, которую составляют интегрирующие, консолидирующие социум ценности. Национальной идеей России был провозглашен патриотизм, что вполне логично, так как патриотизм является естественной и базовой социокультурной

и идентификационной ценностью российского народа, его объединительным началом. «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» — слова российского Президента¹, ознаменовавшие начало новой патриотической эры в стране, поскольку с этого момента патриотизм стал основой не только молодежной политики, духовно-нравственного воспитания молодых поколений, но и национальной политики государства в целом. Заложенный в патриотизме потенциал любви (к Родине, родной земле, семье) в границах национальной идеи способен выйти за пределы Малой Родины и распространиться на государство (Большую Родину), восстановив связь гражданской идентичности с территориальным фактором, так необходимым в эпоху глобализации и международной напряженности, в эпоху борьбы идентичностей.

Полагаем, именно по этой причине патриотизм, официально став национальной идеей, становится также частью идентификационного концепта «гражданско-патриотическая идентичность», активно используемого в риторике и политике гражданского и патриотического воспитания молодого поколения. Тем не менее, в исследованиях последних лет, содержащих понятие «гражданско-патриотическая идентичность», наблюдается уход от попыток выстраивания концептуально-методологических рамок данного понятия и усиленное внимание к идейно-пропагандистским, воспитательным аспектам данной проблематики, а также эмпирическим замерам, ориентированным, как правило, на мониторинг патриотической составляющей этого явления. Вопрос же о том, насколько совместимы, совместимы ли и в какой конфигурации, ценностно-смысловом балансе несущие конструкции гражданско-патриотической идентичности, т.е. патриотизм и гражданственность, остается предметом научной дискуссии, своими корнями уходящей в научный дискурс о гражданском патриотизме в российском обществе.

Определение методологических рамок исследования поставленной в данной работе проблемы предполагает необходимость определиться с базовыми теоретическими подходами к изучению составляющих его предметное поле категорий. Поскольку выше речь шла о патриотизме, начнем с данного понятия. В социологии сложилось множество теоретических подходов к изучению патриотизма. Доминирующим, судя по анализу исследовательской литературы, является аксиологический. Работающие в его методологических границах ученые рассматривают патриотизм как традиционную, веками складывавшуюся и важнейшую ценность российского общества (Асимметрия жизни ... , 2017. С. 133–145). Ценность патриотизма основана на естественном чувстве любви к Родине, к истории своего народа, к нему самому, к его культуре, а потому вполне естественно, что множество определений

¹ Путин: национальная идея в России — это патриотизм. 03.02.2016. — URL: <https://ria.ru/20160203/1369184806.html> (дата обращения: 15.01.2026).

патриотизма в социологической традиции содержат эмоциональный компонент, основаны на социальном чувстве, проявляющемся «в переживании солидарности с близкими, сопричастности к их судьбе, в любви к Родине» (Ивченкова, Буханский, 2024. С. 84).

Менее популярным, но тем не менее находящим свое применение в социологических исследованиях (Колесникова, Лубский, 2018), является конструктивистский подход к изучению патриотизма. В его рамках патриотизм предстает как результат социального (прежде всего идеологического) конструирования, целью которого выступает формирование глубокого чувства сопричастности к делам и проблемам своего государства, народа. В этом случае патриотизм зачастую выступает в форме национальной идеи, призванной объединить народ. В таком своем предназначении он также рассматривается как государственный ресурс, конструируемый властями для реализации социально-политических задач и намеченного политического курса.

В социологии широкое распространение получил идентификационный подход к патриотизму. В его границах патриотизм рассматривается в контексте сопричастности граждан к истории государства, его народу, культуре и выступает своеобразным индикатором личности с точки зрения структуры ее идентификационных ориентаций. Патриотизм в этой структуре рассматривается в качестве индикатора высокого уровня, поднимающего человека над локальной, прежде всего этнической, идентичностью в результате выбора в пользу идентичности, характеризующей принадлежность к своей стране (Самсонова, 2015. С. 233). В этом своем идентификационном свойстве патриотизм обладает огромным потенциалом консолидации и интеграции граждан страны, что и определяет его место в качестве структурного компонента гражданской идентичности.

Сложно отделить ценностную природу патриотизма от его идентификационного предназначения и ресурсного потенциала, который и используется в социальной регуляции процессов, связанных с интеграцией граждан посредством конструирования образа патриотизма и патриота. И в этой связи в социологии стала доминировать интегративная парадигма, которая позволяет синтезировать семантическое многообразие патриотизма, прежде всего в таких его значениях, как: базовая духовная ценность; матрица социальной идентификации и компонент гражданственности (гражданской идентичности); результат конструктивистских воздействий и ресурс (инструмент) социально-политического управления (Гражданский патриотизм ... , 2019. С. 24). С этих методологических (интегративных) позиций патриотизм как социологическая категория может рассматриваться в виде единства патриотических ценностей, знаний и установок социальных субъектов, ориентированных на активное участие в различных видах общественной и трудовой деятельности и обеспечение национальной интеграции и безопасности.

Не совсем просто складывается в отечественном дискурсе и традиция изучения гражданственности. По аналогии с патриотизмом в ней видят разную природу, и в российской интеллектуальной традиции утвердилась нравственная, согласно которой гражданин — это тот, для кого служение отечеству является нравственным долгом. Вся художественная литература проникнута этим чувством гражданского долга, сродни патриотическому чувству. И, вероятно, по этой причине многие современные ученые не считают необходимым рассматривать гражданственность как самостоятельное понятие, отличное от патриотизма, а не только тесно связанное с ним или вообще выступающее синонимичным (Яковлев, 2024. С. 183). Однако в научной литературе, помимо этического (нравственного) подхода к гражданственности, которую связывают с личным качеством (чувством долга), сложились и иные подходы, в которых это понятие связывают с активным участием в общественной жизни, с ответственным отношением к настоящему и будущему своей страны; с социальной деятельностью, направленной на защиту прав и свобод, выполнением основных гражданских обязанностей и т.д. Гражданственность — своего рода способ бытия личности в обществе (Лубский, 2017. С. 53), и этот способ в каждом обществе имеет отличия.

В диссертационном исследовании В. В. Маленкова с позиций структурно-деятельностного подхода гражданственность рассматривается как комплексное социальное явление, которое репрезентируется на трех уровнях: культурном, социосистемном и личностном. В предложенной им концепции выделяются социетальная гражданственность (структурный аспект) и субъектная гражданственность (субъектно-деятельностный аспект) (Маленков, 2006. С. 17). Подлинная гражданственность, с позиции автора излагаемой концепции, возможна только в случае ее реализации в деятельности, т.е. субъектная гражданственность — лишь предпосылка к становлению деятельностной гражданственности как подлинной, связанной с созидательной активностью личности в гражданской сфере на основе сформированных у нее компонентов субъективной гражданственности (когнитивного, ценностного, идентификационного). Данная концепция представляет интерес тем, что позволяет увидеть заложенный в природе гражданственности идентификационный элемент, а также ценностный, как в случае и с патриотизмом, что также позволяет рассматривать гражданственность в интегративном ключе, не ограничивая социологическую стратегию исследования акцентом на каком-либо одном аспекте данного явления. Гражданственность в такой логике может рассматриваться с позиций совокупности таких структурных элементов, как: представления о гражданственности (когнитивный аспект), гражданские ценности (аксиологический аспект) и установки (конативный аспект), обуславливающих конкретные гражданские практики (Гражданский патриотизм ... , 2019. С. 29), а, следовательно, она есть единство гражданских ценностей,

знаний и установок социальных субъектов, ориентированных на активное участие в гражданской сфере и решение социально значимых проблем.

В. В. Маленков, обратившийся к проблеме формирования идентичности в молодежной среде на основе концептов «патриотизм» и «гражданственность», отмечает, «что в разных культурных контекстах акцент может смещаться либо в одну сторону — гражданства, либо в другую — патриотизма. При этом данные понятия являются во многих случаях взаимозаменяемыми, особенно учитывая, что в современных обществах они в значительной степени являются результатом социального конструирования» (Маленков, 2022. С. 122). Соглашаясь с данной позицией, мы в своем исследовании будем исходить из конструктивистской методологической установки, согласно которой гражданско-патриотическая идентичность конструируется, как и другие виды идентичности (этническая, национальная, государственная). Элементы и идеи социального конструктивизма в сочетании с иными подходами используются в трудах известных специалистов в области изучения общероссийской (гражданской) идентичности (Российская идентичность ... , 2022; Дробижева, Рыжова, 2021; Конструирование общероссийской идентичности ... , 2016). В. А. Тишков утверждает, что «национальная идентичность формируется через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство» (Тишков, 2008. С. 128).

Конструирование идентичности — сложный процесс, имеющий свою специфику в каждом обществе в соответствии с его социокультурными, этнокультурными, историческими, социально-политическими и иными особенностями. Несмотря на обширный и длительный дискурс относительно вопросов содержательного наполнения интегрирующей россиян идентичности и ее понятийной репрезентации, эти вопросы по-прежнему, как полагает Л. М. Дробижева, продолжают оставаться в известной мере открытыми, однако благодаря трудам и усилиям в области решения задачи по созданию общероссийской гражданской общности в отечественной социологии и практике стал утверждаться . Согласно позиции Л. М. Дробижевой, он включает отождествление индивида с гражданами страны, представления об этом сообществе, а также ответственность за судьбу страны на основе переживаемых людьми чувств и эмоций, связанных с гордостью, обидами, разочарованием, энтузиазмом или пессимизмом в конкретных исторических условиях¹. Совместное переживание чувств, связанных с отношением к Родине, к событиям в стране в ее историческом прошлом и настоящем, гордость или

¹ Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. — URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajjd.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

разочарование, ощущение связанности общей судьбой, готовность нести ответственность за эту общую судьбу — это и есть выражение патриотических чувств и установок, составляющих основу гражданской идентичности, образа «Мы» и солидарности.

На этом основании мы исходим из установки, согласно которой гражданско-патриотическая идентичность есть сущностное основание государственно-гражданской идентичности. Если обратиться к приведенному выше определению государственно-гражданской идентичности, то можно увидеть, что в понятие гражданской идентичности логично и естественным образом оказались включены элементы патриотизма, что и дает нам право рассматривать гражданско-патриотическую идентичность базисом государственно-гражданской, которая, в свою очередь, есть основание и условие национальной интеграции.

В русле рассмотренных теоретических подходов к изучению вопросов идентичности, патриотизма и гражданственности, а также концептуальных рамок данного исследования, мы можем предложить наше понимание ключевых терминов данной работы.

Под патриотической идентичностью мы понимаем отождествление индивидом себя в качестве патриота на основе определенных ценностей, знаний и установок, выражающих отношение к стране, ее народу, культуре и истории, как правило, в категориях любви, гордости, долга, ответственности и готовности действовать на благо своего народа и государства в конкретных социально-исторических условиях. Под гражданской идентичностью понимается отождествление индивидом себя в качестве гражданина конкретного государства на основе единства гражданских ценностей, знаний и установок социальных субъектов, ориентированных на активное участие в гражданской сфере и решение значимых для общества проблем в конкретных социально-исторических условиях. В соответствии с указанными выше теоретическими положениями и понятийными конструктами, гражданско-патриотическая идентичность интерпретируется как отождествление индивидом себя в качестве гражданина конкретного государства, с его народом, культурой, языком и историей на основе определенных ценностей, знаний и установок, ориентированных на активное участие в гражданской сфере и готовность действовать на благо своего народа и государства в конкретных социально-исторических условиях.

В логике сформулированной исследовательской проблемы и предложенных методологических позиций основным индикатором социологического измерения гражданско-патриотической идентичности молодежи выступает баланс соотношения патриотического и гражданского в конструкте «гражданско-патриотическая идентичность», т.е. место патриотизма в структуре гражданской идентичности молодежи и наоборот — гражданственности

в структуре патриотической идентичности молодежи. Индикаторами второго уровня выступают структурные компоненты гражданско-патриотической идентичности: когнитивный, ценностный и поведенческий. Эта триада довольно активно используется исследователями в рамках социологического изучения и измерения патриотизма, гражданственности и идентичностей такого свойства в молодежной среде (Патриотизм, гражданственность ... , 2018). Когнитивный компонент отражает осознание и признание своей принадлежности к общероссийской общности (нации) на основе знаний о патриотизме и гражданственности. Ценностный компонент определяет значимость этой принадлежности, отношение к ней, которое может выражаться по шкале «негативное, позитивное, нейтральное». Поведенческий компонент отражает результат реализации на практике усвоенных на уровне знаний и осознанных на уровне ценностей патриотических и гражданских установок, который может выражаться в уровне и характере гражданской и патриотической активности, участия в гражданской сфере общества и решении социально значимых проблем.

Методологические основания изучения механизмов социального регулирования формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи

Исследователи отмечают, что социальные механизмы необходимы для решения социально значимых задач и проблем посредством реализации поэтапных действий для достижения социального результата, что определяет их в качестве важного фактора совершенствования управленческих процессов. Управленческий эффект проявляется в том, что в результате внедрения социальных механизмов осуществляются меры воздействия не только на реальные, но и потенциальные возможности общества в проекции тех или иных социальных явлений, процессов, социальных институтов для реализации, заданных государством и обществом целей посредством «организации эффективного взаимодействия социальных институтов, структур и норм» (Максимова, Масликов, 2016. С. 247). В этой связи примем за основу определение, в общем виде понимающем под социальным механизмом устойчивую систему взаимодействий социальных акторов различных уровней и типов с целью удовлетворения определенной общественной потребности, и при этом важен тот факт, что социальные механизмы способны регулировать общественные процессы ввиду значимости, силы и устойчивости социальных связей (Заславская, 2002. С. 8). В этом, по мнению Т. И. Заславской, чье определение социального механизма приведено выше, состоит особенность данной категории. Не менее важным фактом, с ее точки зрения, является наличие в социальных механизмах элементов,

связанных как с настоящим, так и с прошлым, что определяет их достаточно высокую инерционность, т.е. «их обновление всегда носит частичный характер» (Заславская, 2002. С. 8).

Таким образом, социальные механизмы являются способом социальной регуляции, составляющей важную часть управления и осуществляемой как посредством целевого воздействия на объект, создания организационного порядка в виде системы норм, правил поведения, так и самоорганизации, т.е. социальное регулирование может носить спонтанный, стихийный характер (самоорганизация) и организованный, управляемый, и последнее его качество дает основание утверждать, что регулирование и есть управление (Бандурин, 2004. С. 19).

В социологии молодежи для изучения разнообразного спектра вопросов и проблем, составляющих пространство жизнедеятельности этой социальной группы, активно используется теория социальной регуляции. Под социальной регуляцией в данном контексте понимается процесс упорядочения жизнедеятельности молодых людей как выстраивание ее в соответствии с определенными образцами, принятыми в обществе или группе (Зубок, Чупров, 2021. С. 10–23). Эти образцы представлены правилами и нормами поведения, представлениями о должном, сложившимися на данный момент в социуме. Однако в современном обществе актуализируются явления, описываемые социологами посредством механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Предложенная ими когнитивная схема социологического изучения социального механизма саморегуляции жизнедеятельности молодого поколения включает в качестве важнейших такие ключевые элементы, как институциональный, социокультурный и социально-организационный (Саморегуляция в молодежной среде ... , 2022. С. 5).

Механизм социальной регуляции как комплексный, включающий в качестве своего составного элемента саморегуляцию, также характеризуется данными элементами, и для целей и задач нашего исследования такая когнитивная модель изучения социальных механизмов регуляции жизнедеятельности молодежи представляется наиболее подходящей, отвечающей обозначенным выше концептуальным и методологическим ориентирам исследования гражданско-патриотической идентичности молодежи, структурно включающей три компонента — когнитивный, ценностный и поведенческий. Соответственно, изучение комплексного механизма социального регулирования гражданско-патриотической идентичности российской молодежи предполагает исследование составляющих его институциональных, социокультурных и социально-организационных механизмов.

Институциональные механизмы призваны ранжировать и упорядочивать отношения между субъектами социальной регуляции гражданско-патриотической идентичности молодежи посредством поддержания или внедрения

новых норм и правил и делегирования социальным институтам функций по их выполнению. В многоуровневой системе институционального механизма ключевая роль отводится государству как представляющему интересы общества и осуществляющему институциональную регуляцию идентификационных процессов, т.е. объектом институционального механизма выступают социальные институты, включающие в себя набор норм, правил и ограничений, регулирующих отношения в той или иной социальной сфере. Именно они (нормы, правила, ограничения) и выступают инструментами институционального механизма, призванного их формировать, осуществлять контроль за их реализацией и интериоризацией, корректировать по мере динамики социальных процессов (Зубарев и др., 2021).

В рамках изучаемого нами процесса основными институциональными объектами выступают институт государственной власти как ответственный за выработку норм, предпочтений и ограничений в формировании гражданско-патриотической идентичности молодежи и институт образования как ответственный за их реализацию, за интериоризацию молодежь в виде знаний, норм поведения и умений, составляющих внутреннюю картину мира, и представлений о патриотизме и гражданственности, выступающих компонентами единого идентификационного процесса. Наличие четко регламентированных норм и ограничений, носящих формальный характер и регламентирующих участие субъектов в гражданско-патриотическом становлении молодежи, ограничивает действие спонтанных явлений на уровне институциональных механизмов регуляции данного процесса, в чем и заключается специфика функционирования данного механизма, определяющая и основной критерий его эффективности — согласованность действий институциональных акторов в отношении формирования и реализации норм и ограничений в отношении регуляции гражданско-патриотической идентичности молодежи.

Социокультурные механизмы призваны упорядочивать отношения между субъектами социальной регуляции гражданско-патриотической идентичности молодежи посредством трансляции молодежи образцов гражданственности и патриотизма, сформированных на основе создаваемых институциональными механизмами норм, правил и ограничений. Основная функция социокультурных механизмов регуляции гражданско-патриотической идентичности — гражданская и патриотическая социализация молодежи посредством освоения гражданских и патриотических ценностей и норм, социального опыта общества, а также формирование образцов гражданско-патриотического поведения. Эти образцы есть основание для реального включения в гражданско-патриотические практики. Ключевая роль в социокультурных механизмах, как и в институциональных, отводится государству как основному актору, осуществляющему институциональную

регуляцию идентификационных процессов в обществе и ответственному за процесс и результат национальной интеграции. Но социальными институтами, непосредственно и традиционно реализующими социализационные функции, выступают семья и образование. Особенностью социокультурных механизмов выступает наличие в нем четко регламентированных норм и ограничений, сформированных на уровне институциональных механизмов социальной регуляции гражданско-патриотической идентичности (формальный уровень), и тех, которые сложились на уровне традиционной культуры и транслируются через каналы семейной коммуникации (неформальный уровень). Критерием эффективности социокультурных механизмов выступает уровень сформированности ценностей гражданственности и патриотизма как идентификационных маркеров, а также уровень доверия основным агентам гражданско-патриотической социализации молодежи.

Социально-организационные механизмы связаны непосредственно с деятельностью стороной гражданских и патриотических практик (вовлечение молодежи в гражданские и патриотические объединения, клубы, мероприятия, акции, организация мероприятий, клубов, инициатив гражданско-патриотического типа и т.д.). Основные акторы здесь — органы власти (федеральной и региональной), образование, НКО, религиозные объединения и учреждения, сама молодежь. Социально-организационные механизмы есть своего рода результирующая функционирования институциональных и социокультурных механизмов, отражения сформированности и усвоения норм, правил, образцов в сфере гражданско-патриотического поведения. Их можно определить как механизм реализации управленческих мероприятий, направленных на формирование условий гражданско-патриотической самореализации молодежи на основе принятых в обществе норм, правил, ценностей и образцов гражданственности и патриотизма. Функционирование данного механизма также сопряжено с ситуацией влияния стихийных сил (самоорганизационных), которые активизируются по мере несоответствия условий для реализации сложившихся у молодежи потребностей в области гражданско-патриотической деятельности, но в то же время могут ограничиваться этими же условиями. В данной связи выделяются формальные и неформальные практики (патриотические, гражданские). Их соотношение в условиях конкретной социально-исторической реальности дает основание для выводов относительно эффективности механизмов социальной регуляции процессов гражданско-патриотического становления молодежи и закрепления ее идентификационных предпочтений. Критерием социальной эффективности данных механизмов можно считать степень включенности молодежи в гражданские и патриотические практики, а также характер этих практик (формальный/неформальный).

Основные выводы

Формирование государственно-патриотической идентичности молодежи — стратегически значимая для современного российского государства задача, определяющая и исследовательский интерес к ней как актуальной для управленческой теории и практики. Данный процесс нуждается в регуляции со стороны и общества, и государства, что определяет значимость социологического изучения механизмов социальной регуляции формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи, особенно в условиях новой территориальности.

Механизмы социального регулирования гражданско-патриотической идентичности молодежи представляют собой комплексное явление, включающее три типа механизмов — институциональные, социокультурные и социально-организационные. Выделение этих типов соотносится со сложившейся в социологии молодежи и социологии управления традицией изучения социально-регуляционных процессов, предполагающих необходимость их рассмотрения в единстве процессов формирования нормативной, ценностной и поведенческой компонент тех или иных явлений и процессов.

Предложенная в данной работе методологическая модель ориентирована на социологическое изучение процесса конструирования молодежной идентичности по типу «гражданин-патриот» с учетом сложившихся в истории России и ее современных реалий установок в отношении патриотизма и гражданственности, а также требующих своего эффективного и актуального решения задач национального масштаба.

Список источников

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций. — М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр, 2017. — 207 с. — ISBN 978-5-89697-288-4. — EDN ZEFIOD.

Бандурин А. П. Социальная регуляция как объект социально-философского исследования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2004. — № 3 (127). — С. 19–22. — EDN HRTIAD.

Бугайчук Т. В. Социально-политические механизмы становления гражданской идентичности молодого поколения россиян // Социально-политические исследования. —

References

The asymmetry of life in modern Russian society: the ratio of traditions and innovations. *M.: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr = Moscow: Federal Research Sociological Center.* 2017; 207 p. ISBN 978-5-89697-288-4. (In Russ.)

Bandurin A. P. Social regulation as an object of socio-philosophical research. North Caucasian region. *Sotsial'nyye nauki = Social sciences.* 2004; 3 (127): 19–22. (In Russ.)

Bugaychuk T. V. Socio-political mechanisms for the development of civic identity among the younger generation of Russians. *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya = Socio-political studies.* 2021; 2(11): 5–17. DOI 10.20323/2658-428X-2021-2-11-5-17.

2021. — № 2(11). — С. 5–17. — DOI 10.20323/2658-428X-2021-2-11-5-17. — EDN IRFVSS.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 томах. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — М.: Новый хронограф, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94881-343-1. — EDN WETSND.

Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинеева [и др.]. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. — 392 с. — ISBN 978-5-907231-55-9. — EDN KKTIPC.

Дробищева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. — 2021. — № 1–2(77–78). — С. 39–52. — EDN HAGVQK.

Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 3–16.

Зубарев А. Е., Гасанов Э. А., Тюрина Ю. А. Институциональные и социальные механизмы как систематизирующие факторы обеспечения устойчивого инновационного развития экономики в условиях цифровой революции // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2021. — № 2(61). — С. 95–102. — EDN KLSLPD.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция жизнедеятельности молодежи: связь целенаправленных и саморегуляционных процессов // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневецкий и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. — Белгород: Эпипентр, 2021. — 498 с. С. 10–23. — ISBN 978-5-6045221-7-2.

Ивченкова М. С., Буханский И. И. Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 81–97. — DOI 10.19181/vis.2024.15.2.6. — EDN YZKSUJ.

Колесникова Е. Ю., Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических

Gorshkov M. K. Russian society as it is: (an experience of sociological diagnostics). In 2 volumes. — 2nd edition, revised and supplemented. M.: Novy Khronograf = Moscow: New Chronograph, 2016; 496 p. ISBN 978-5-94881-343-1. (In Russ.)

Civic Patriotism and Solidarity Practices in Local Communities in the South of Russia / Yu. G. Volkov, A. V. Lubsky, N. K. Bineeva [et al.]. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Rostov-on-Don: Science and Education Fund, 2019; 392 p. ISBN 978-5-907231-55-9. (In Russ.)

Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian Identity in the Sociological Dimension. Vestnik Rossiyskoy Natsii = Bulletin of the Russian Nation. 2021; 1–2(77–78): 39–52. (In Russ.)

Zaslavskaya T. I. On the social mechanism of post-communist transformations in Russia. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies. 2002; 8: 3–16. (In Russ.)

Zubarev A. E., Gasanov E. A., Tyurina Yu. A. Institutional and social mechanisms as systematizing factors for ensuring sustainable innovative development of the economy in the context of the digital revolution. Vestnik Tikhookeanskogo natsional'nogo universiteta = Bulletin of the Pacific National University. 2021; 2(61): 95–102. (In Russ.)

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Social regulation of youth life: the relationship between goal-oriented and self-regulatory processes. In Self-regulation of youth life: methodology and social practices: monograph. Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky et al.; scientific editor Yu. A. Zubok. Belgorod: Epitsentr = Belgorod: Epitsentr, 2021; 498:10–23. ISBN 978-5-6045221-7-2. (In Russ.)

Ivchenkova M. S., Bukhansky I. I. Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology. Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology. 2024; 15; 2: 81–97. DOI 10.19181/vis.2024.15.2.6. (In Russ.)

Kolesnikova E. Yu., Lubsky A. V. Patriotism and civic consciousness among young people in the South of Russia: paradigms of sociological research. Gumanitarniy Yuga Rossii =

исследований // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7, № 5. — С. 174–183. — EDN YMLZYU.

Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. — 244 с. — ISBN 978-5-9909302-9-2. — EDN XSBDZJ.

Коряковцева О. А., Доссе Т. Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи // Ярославский педагогический вестник. — 2016. — № 6. — С. 29–35. — EDN XGRNZF.

Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 23, № 1. — С. 42–59. — EDN XXJBVN.

Максимова О. Ю., Масликов В. А. Структурно-функциональный анализ категории «Социальный механизм» в современной практике управления // Вестник университета. — 2016. — № 3. — С. 246–251. — EDN WCIFFR.

Маленков В. В. Динамика гражданственности в России в постсоветский период: структурно-деятельностный подход : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Тюмень, 2006. — 26 с. — EDN ZNQVIB.

Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 67. — С. 120–131. — DOI 10.17223/1998863X/67/11. — EDN QHIFIJ.

Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинева [и др.]. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. — 412 с. — ISBN 978-5-907125-35-3. — EDN YXBEHR.

Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика. Федеральный научно-

Humanitarian of the South of Russia. 2018; 7; 5: 174–183. (In Russ.)

Construction of pan-Russian identity in the context of interethnic and interreligious interaction: Monograph / Ed. Yu. G. Volkov. *Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Rostov-on-Don: Science and Education Fund*, 2016; 244 p. ISBN 978-5-9909302-9-2. (In Russ.)

Koryakovtseva O. A., Dosse T. G. Phenomenological Approach to the Formation of Civic Identity of Russian Youth. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2016; 6: 29–35. (In Russ.)

Lubsky A. V. Civic Patriotism: On the Compatibility of Patriotism and Civic Consciousness in Russian Society. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2017; 23; 1: 42–59. (In Russ.)

Maksimova O. Yu., Maslikov V. A. Structural and functional analysis of the category “Social mechanism” in modern management practice. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2016; 3: 246–251. (In Russ.)

Malenkov V. V. Dynamics of citizenship in Russia in the post-Soviet period: a structural-activity approach: specialty 22.00.04 “Social structure, social institutions and processes”: abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Tyumen, 2006; 26 p. (In Russ.)

Malenkov V. V. Patriotism, Civic Consciousness in Politics and Youth Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2022; 67: 120–131. DOI 10.17223/1998863X/67/11. (In Russ.)

Patriotism, Civic Consciousness and Solidarity in Regional Communities in the South of Russia. Yu. G. Volkov, A. V. Lubsky, N. K. Bineeva [et al.]. *Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Rostov-on-Don: Science and Education Fund*, 2018; 412 p. ISBN 978-5-907125-35-3. EDN YXBEHR. (In Russ.)

Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. *Moskva: Federal'nyy nauchno-*

исследовательский социологический центр РАН. — М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. — 434 с. — ISBN 978-5-89697-404-8. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022. — EDN WGDKEYE.

Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. — Белгород: Эписентр, 2022. — 360 с. — ISBN 978-5-89697-382-9. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. — EDN TENQIH.

Самсонова Т. Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. — 2015. — Т. 7. — С. 231–239. — EDN TOLZPP.

Тишков В. Нация и национальная идентичность в России / В. А. Тишков // Вестник Российской нации. — 2008. — № 1(1). — С. 120–128. — EDN KNVNCZ.

Яковлев В. С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях / В. С. Яковлев // Гуманитарий Юга России. — 2023. — Т. 12, № 6. — С. 95–105. — DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.7. — EDN EAZEZR.

Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsestr Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2022; 434 p. ISBN 978-5-89697-404-8. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022. (In Russ.)

Self-Regulation Among Youth: Typology and Modeling. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Belgorod: Epitsentr = Belgorod: Epitsentr, 2022; 360 p. ISBN 978-5-89697-382-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. (In Russ.)

Samsonova T. N. "The Formation of a Patriotic Citizen". Voprosy sotsial'noy teorii = Issues of Social Theory. 2015; 7: 231–239. (In Russ.)

Tishkov V. "Nation and National Identity in Russia". Vestnik Rossiyskoy Natsii = Bulletin of the Russian Nation. 2008; 1(1):120–128. (In Russ.)

Yakovlev V. S. Civic Values and attitudes of Russian Youth in new socio-territorial conditions. Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia. 2023; 12; 6: 95–105. DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.7.

Для цитирования: Дамбегов А. А. Механизмы социального регулирования формирования гражданско-патриотической идентичности у российской молодежи в условиях новой территориальности: методологические основания социологического исследования // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2(78). — С. 88–104. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.7 EDN HZENZZ

Сведения об авторе

Дамбегов Аслан Астемирович
младший научный сотрудник Центра научных компетенций Донского государственного технического университета
dambegovaa@minobrnavki.gov.ru

История статьи:
Поступила в редакцию — 30.01.2026
Одобрена после рецензирования — 11.03.2026
Принята к публикации — 13.03.2026

Information about author

Aslan A. Dambegov
Junior Research Fellow, Center for Scientific Competencies,
Don State Technical University
dambegovaa@minobrnavki.gov.ru

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Я. В. Зубова*

ORCID: 0000-0002-6128-9392

И. В. Липчанская**

ORCID: 0000-0002-7489-2545

* Филиал Ухтинского государственного
технического университета,
Усинск, Республика Коми, Россия
** Ростовский государственный
экономический университет («РИНХ»),
Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования заключается в рассмотрении преимуществ и рисков социализации молодежи в условиях появления виртуальных форматов коммуникации.

Методологическую базу исследования составляют рискологический подход, положения теории сетевого общества, теории социальной идентичности, теории социального капитала.

Результаты исследования. В статье рассматривается специфика и влияние виртуальной коммуникации на процесс социализации современной молодежи. Установлено, что влияние виртуальной коммуникации на социализацию молодежи носит амбивалентный характер: с одной стороны, значительно расширяются возможности межличностной коммуникации, саморепрезентации, самореализации и развития креативности; с другой стороны, возникают новые информационные, коммуникационные и социальные риски.

© Зубова Я. В., 2026

© Липчанская И. В., 2026

SOCIALIZATION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF VIRTUAL COMMUNICATION: ADVANTAGES AND RISKS

Yana V. Zubova*

Irina V. Lipchanskaya*

* Ukhta State Technical University
Usinsk, Komi Republic, Russia
** Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia

Purpose of the study is to examine the benefits and risks of youth socialization in the context of the emergence of virtual communication formats.

Methodological framework of the study is based on a riskological approach, principles of network society theory, social identity theory, and social capital theory.

Results of the study. The article examines the specifics and impact of virtual communication on the socialization process of modern youth. It has been established that the influence of virtual communication on youth socialization is ambivalent: on the one hand, opportunities for interpersonal communication, self-representation, self-realization, and creativity development are significantly expanded; on the other hand, new information, communication, and social risks arise.

Перспективы исследования. Проблема киберсоциализации молодежи представляет научный и практический интерес в связи с необходимостью понимания конструктивного и деструктивного влияния социальных сетей на формирование личности.

Ключевые слова: социализация, киберсоциализация, виртуальная коммуникация, виртуальное мышление, виртуальный язык, троллинг, кибербуллинг

Prospects of the study. The problem of cybersocialization of youth is of scientific and practical interest due to the need to understand the constructive and destructive impact of social networks on personality development.

Keywords: socialization, cybersocialization, virtual communication, virtual thinking, virtual language, trolling, cyberbullying

Введение

Сегодня процесс социализации современной молодежи протекает в условиях цифрового общества, обладающего своей информационной инфраструктурой. Интернет для молодого поколения является не просто источником информации, он становится пространством их повседневной жизни. Социальные сети и цифровые платформы выступают активными агентами становления личности, формирования ее мировоззренческих установок и поведенческих моделей. В результате традиционные институты социализации индивида (семья, образование, церковь, СМИ) дополняются виртуальной средой, которая начинает играть значимую роль в процессе воспитания личности.

Для представителей молодого поколения сеть Интернет становится многофункциональным пространством, которое не просто обеспечивает доступ к информации, но и является местом межличностной коммуникации, которая определяет содержание и вектор процесса социализации личности. При этом погружение в онлайн-среду не всегда сопровождается пониманием ее неоднозначного влияния на интеллектуальную и духовную сферу человека, осознанием рисков и долгосрочных последствий для жизненного пути молодежи.

В этой связи важно понимать, как молодежь оценивает воздействие Интернета на свои моральные принципы, на представления о добре и зле, на культурные интересы и духовные убеждения. В реальной жизни это ставит перед государством задачу выработки продуманной молодежной политики, а также поддержки традиционных институтов социализации в их возможностях сформировать конструктивные ценностные установки, которые позволят молодежи выбрать правильную жизненную стратегию.

Методология и методы

Методологическую основу исследования составляют положения теории сетевого общества (Кастельс, 2004), теории социальной идентичности (Тэджфел, Тернер, 1985), теории социального капитала (Бурдьё, 2002).

Концептуальным для исследования проблемы социализации молодежи в виртуальной среде является рискологический подход (Бек, 1992).

Специфика виртуальной коммуникации

За последние два десятилетия наблюдается беспрецедентная трансформация фундаментальных сфер человеческого бытия, определяющих процесс социализации личности. Ключевым катализатором этих изменений выступает процесс виртуализации, понимаемый как перемещение жизни человека из реального мира в цифровую, симуляционную среду, генерируемую посредством инновационных технологий, что повлекло за собой снижение роли прежних институтов социализации человека.

Виртуализация различных аспектов жизни людей представляет не просто отражение процесса технологизации общества, она влечет фундаментальные изменения в экзистенциальных основаниях человеческого бытия. Сегодня мы живем в условиях гибридной реальности, где физический и цифровой миры тесно переплетаются. Данная ситуация оказывает неоднозначное влияние на процесс социализации личности, становления ее ценностных ориентиров, моделей поведения, выбора жизненного пути.

В цифровом обществе важным инструментом социализации молодежи выступает виртуальная коммуникация. Именно ее качество, информационное наполнение, становится определяющим фактором воспитания и формирования личности.

Анализ специфики виртуальной коммуникации представлен в работах Л. В. Баевой, М. Д. Бачило, В. И. Курбатова, Н. П. Петровой и др. (Бачило, 2024; Петрова, 2019; Баева, 2014; Курбатов, 2013). Исследователи, оценивая масштабы влияния новых форматов коммуникации на жизнь современного человека, отмечают, что виртуальная коммуникация является не только средством межличностного общения, «но и самостоятельным феноменом, обретающим собственную ценность и воздействие на человека, переживающего фазу виртуализации собственной личности» (Баева, 2014. С. 9).

В условиях появления новых форматов коммуникации традиционная система общения претерпевает серьезные изменения. Последние обусловлены тем обстоятельством, что если ранее «другой» был реальным человеком, с которым устанавливался личный контакт и непосредственная форма взаимодействия, то в условиях развития виртуальных форм коммуникации ее участники выступают в виде аватаров, ников, профилей в социальных сетях, их взаимодействие опосредовано техническими устройствами, что накладывает отпечаток на характер их взаимоотношений.

Ученые правомерно отмечают, что особенности виртуальной коммуникации обусловлены спецификой цифровой среды и технологическими

возможностями, предоставляемыми глобальной сетью (Курбатов, 2013). В этом плане виртуальная коммуникация характеризуется рядом особенностей, отличающих ее от традиционных форм межличностного взаимодействия:

- Анонимность и деперсонализация участников. Нередко коммуникация в сети Интернет осуществляется при условии частичной или полной анонимности субъектов общения. Это может приводить к деперсонализации собеседников, снижению уровня социальной ответственности и, как следствие, нарушению моральных норм и активизации деструктивных моделей поведения.
- Публичность и открытость личной информации. В виртуальном пространстве сообщения, фото и видео, размещаемые на различных онлайн-ресурсах, обладают высокой степенью публичности, доступности для широкой аудитории. Данная ситуация сопряжена с рисками личной безопасности участников виртуальной коммуникации. Анализируя ситуацию с приватностью в социальных сетях, ученые отмечают, что «дискурсы, которые ранее относились к сфере приватного, такие как интимная жизнь, быт, различные травмирующие ситуации, физические и психологические проблемы, сегодня добровольно выносятся на публичное обсуждение. Тем самым мы платим личной информацией за общественное внимание и признание» (Чеснокова, 2021. С. 26).
- Пространственно-временная неограниченность. Виртуальная коммуникация представляет собой перманентный процесс, не лимитируемый временем и географическим положением участников. Это обеспечивает беспрецедентную скорость передачи данных и возможность непрерывного общения в сети Интернет.
- Доступность информационных ресурсов. Виртуальная коммуникация опирается на обширные источники информации, к которым ее участники могут оперативно обращаться и использовать в процессе обмена взглядами и идеями. Онлайн-общение не может осуществляться без информации, поскольку, как подчеркивают специалисты, «коммуникация как процесс передачи информации формирует мир знаний, определяющий общее мышление и поведение человеческого социума» (Новикова, 2020. С. 497).

Такого рода трансформации в сфере коммуникации оказывают влияние на процесс социализации молодежи, поскольку влекут за собой серьезные изменения в сфере языка и мышления. Это дает основания говорить о том, что появление нового вида коммуникации приводит к появлению нового типа человека — виртуального. Этот новый человек обладает уникальным способом мышления — виртуальным мышлением, соответственно, владеет новым виртуальным языком.

Для виртуального мышления характерны иные законы, иные скорости, иные возможности. Личность, формирующаяся в виртуальной среде, учится мыслить многомерно, мгновенно переключаться с одной задачи на другую, обрабатывать огромные объемы информации и принимать решения в условиях неопределенности.

Очевидно, что для виртуального общения нужен новый язык, который позволяет быстро и эффективно обмениваться информацией. Виртуальный язык — это не просто набор современных слов или символов, это новая лексика, которая включает в себя специализированные термины, новые смыслы, сокращения и аббревиатуры, символы и графические элементы и пр. Виртуальный язык постоянно развивается, впитывая в себя новые направления и идеи, циркулирующие в Интернете.

Анализируя тенденции изменения языка виртуальной коммуникации, ученые обращают внимание на то, что «изменение сознания личности в киберпространстве, формирование нового, сетевого образа жизни и мышления существенно влияют на языковую ситуацию. Можно говорить о формировании нового стиля в языке — стиля интернет-общения, который не только является специфической его особенностью, но и серьезно влияет на речевое поведение всего общества в целом» (Первушина, Савушкин, Хуторной, 2017. С. 64).

В этой связи можно сказать, что появление новых вербальных форм и символов, формирующихся в ходе онлайн-общения, отражает значительные изменения в сознании молодежи цифрового общества.

Преимущества виртуальной коммуникации в социализации молодежи

В условиях трансформации способов коммуникации социализация молодежи приобретает новые векторы. Социальные сети и цифровые платформы открывают беспрецедентные возможности для развития коммуникативных навыков, формирования цифровых компетенций, самореализации и интериоризации ценностей, что определяет процесс формирования социальной идентичности личности.

Очевидно, что цифровые технологии значительно расширяют горизонты межличностной коммуникации, позволяя молодежи поддерживать социальные связи, устанавливать новые контакты, взаимодействовать с представителями различных культур и пр. Это способствует развитию коммуникативной компетенции, особенностью которой, по мнению специалистов, является «смещение от принятия институционального образца к его конструированию; подвижность норм и практик интерактивного взаимодействия, рефлексивная саморегуляция индивидуальных интеракций и субъектная валидизация достоверности информации» (Зубок, Чанкова, 2019. С. 144).

Таким образом, в виртуальной среде наблюдается процесс смещения от пассивного принятия информации к активному ее конструированию. Это развивает субъектность и креативность личности, ее готовность к виртуальному интерактиву в любое время. Поскольку виртуальная среда отличается высокой степенью изменчивости и динамичности, то это требует от человека повышенной гибкости и адаптивности, способности оперативно осваивать новые формы и правила коммуникации в цифровой среде.

В процессе виртуальной коммуникации вырабатываются цифровые компетенции, необходимые человеку, живущему в условиях высокотехнологичного мира. Цифровая компетентность представляет собой способность к эффективному и уверенному применению цифровых технологий как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Надо отметить, что обладание данной способностью имеет мультипликативный эффект, влияя на сферу социального взаимодействия, на профессиональное становление личности, на ее образовательные возможности, на гражданскую активность и культурное развитие (Штофер, Шевченко, 2022).

Цифровые медиа предоставляют молодежи огромные возможности для самопрезентации, которая осуществляется посредством размещения визуальной информации о себе, о своей жизни, о своих интересах. Такого рода самовыражение позволяет молодым людям раскрыть свои таланты, которые, вероятно, не находят реализации в их реальной жизни. Ресурсы цифровых технологий развивают у человека такое качество, как креативность, которое формирует у молодежи способность мыслить нестандартно, искать новые способы решения проблем, осуществлять свои творческие замыслы. Данные качества важны в условиях появления новой виртуальной среды и снижения значимости традиционных институтов социализации, которые не всегда могут предложить варианты удовлетворения интересов молодежи в быстро меняющейся социальной реальности. Кроме того, цифровая инфраструктура предоставляет уникальные возможности для конструирования и репрезентации собственной идентичности в онлайн-среде. Создание персональных профилей, выбор визуального контента, публикация текстовых сообщений — все это формирует «цифровой образ» личности.

Исследователи, рассматривая специфику конструирования цифровой идентичности молодежи, указывают на то, что «...подростки постоянно ориентируются на “воображаемую аудиторию”, тщательно корректируют свой образ под влиянием алгоритмической среды и публичной обратной связи, что делает процесс формирования идентичности более рефлексивным, публичным, фрагментарным и уязвимым для внешней оценки» (Кочетова, Климакова, 2025. С. 94).

Цифровая среда позволяет осуществлять эксперименты с различными образами и ролевыми моделями, находить группы по интересам и ощущать

свою принадлежность к самостоятельно выбранным онлайн-сообществам. В то же время постоянное сравнение себя с идеализированными изображениями других пользователей может провоцировать развитие неуверенности в себе, вызывать тревогу и даже депрессию. При этом надо отметить, что виртуальная сетевая коммуникация предоставляет пользователям практически неограниченные возможности для самовыражения и экспериментов с собственной идентичностью.

Положительной стороной этого процесса является ориентация молодежи на независимость и ценность свободы. Последние способствуют процессу индивидуализации самовыражения, создавая уникальные условия для развития личности. Таким образом, Интернет-пространство создает среду, где индивиды могут свободно конструировать свою идентичность, развивать творческие способности, находить единомышленников. Виртуальная коммуникация открывает новые перспективы для личностного развития, но одновременно несет и определенные риски.

Риски виртуальной коммуникации для социализации молодежи

Социализация представляет собой многогранный процесс, направленный на усвоение индивидом ценностей, норм, ролей и моделей поведения, одобряемых обществом. Посредством социализации идет формирование личности, обеспечивается ее интеграция в социальную систему и успешное функционирование в ней. Кроме того, в условиях нормально протекающей социализации формируется зрелая личность, способная к продуктивной деятельности, к конструктивным межличностным отношениям и самореализации.

Однако наряду с позитивными траекториями развития существует вероятность возникновения социализационных рисков, обусловленных появлением виртуальных форматов коммуникаций. Социализационные риски представляют собой совокупность факторов и условий, которые могут препятствовать успешному протеканию процесса социализации, приводя к его деформации и, соответственно, негативным последствиям для личности. Деструктивная социализация искажает усвоение индивидом социальных норм, ценностей и моделей поведения.

Молодежь, активно пользующаяся социальными сетями, сталкивается с рядом опасностей, которые можно классифицировать по следующим группам: а) информационные риски; б) коммуникационные риски; в) социальные риски. Конечно, этими группами не ограничивается весь диапазон рисков, но они отражают ключевые угрозы, с которыми молодежь сталкивается в виртуальном мире.

Информационные риски связаны с материалами, содержащими пропаганду насилия и агрессии, порнографию, нецензурную лексику, разжигание расовой, межэтнической и межконфессиональной розни, призывы к суициду

и пр. Кроме того, в Интернет-пространстве активно распространяется реклама азартных игр и наркотических веществ, что представляет собой серьезные угрозы физическому и духовному здоровью молодежи. Социальные сети, благодаря своей широкой аудитории и возможностям распространения информации, становятся идеальной площадкой для распространения деструктивного контента. Молодые люди, проводящие много времени в онлайн-среде, особенно уязвимы перед подобными угрозами.

Коммуникационные риски проявляются в различных формах негативно-го воздействия на личность, включая оскорбления, троллинг, кибербуллинг и прочие формы онлайн-насилия. Психологи отмечают, что «кибербуллинг и троллинг являются наиболее опасными информационно-коммуникативными угрозами, которые могут привести к развитию депрессивных расстройств и суициду» (Шумилова, 2016. С. 162). Более того, деструктивное онлайн-поведение не только негативно сказывается на психическом здоровье человека, но и оказывает негативное влияние на социальную среду в целом. Оно подрывает доверие между пользователями, способствует изоляции и повышает общий уровень агрессивности в обществе.

Социальные риски заключаются в нарушении социокультурной преемственности в процессе личностного развития, что сопровождается искаженным усвоением социальных норм, трудностями адаптации к общественной жизни, деформацией идентичности, проблемами с установлением и поддержанием межличностных отношений, сложностями в профессиональной деятельности, склонностью к социальной изоляции и различным девиациям.

Заключение

Расширяющееся влияние виртуальной коммуникации на формирование личности дает основания рассматривать социальные сети как неформального агента социализации молодежи, способного успешно конкурировать с традиционными социализирующими институтами. Эффективность так называемой киберсоциализации обусловлена полифункциональностью Интернет-пространства, интегрирующего информационную, коммуникационную, идентификационную и рекреационную функции. Это обеспечивает высокий уровень востребованности социальных сетей для молодежи, поскольку они выступают площадкой, способной удовлетворять широкий диапазон запросов и потребностей.

Надо отметить, что если для традиционных институтов социализации свойственно целенаправленное директивное воздействие на процесс формирования личности, то киберсоциализация носит преимущественно стихийный характер. В этой связи процесс личностного становления, протекающий в виртуальной реальности, сопряжен с серьезными рисками.

Список источников

Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14. — Вып. 4. — С. 5–10. С. 9. — EDN: TGLTVN.

Бачило М. Д. Виртуальная коммуникация и подходы к ее изучению // Сибирский философский журнал. — 2024. — № 22 (2). — С. 66–78. — DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-2-66-78.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74. — EDN: OYUVRD.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. — 2019. — Т. 5. — № 4. — С. 139–150. — DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12, EDN: NSADIV.

Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство. — 2025. — № 6 (3). — С. 85–98. — DOI: 10.17759/ssc.2025060306, ISSN 2713-0584.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, Изд-во Гуманитарного университета, 2004. — 327 с. — ISBN 5-94799-373-2.

Курбатов В. И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление // Гуманитарий Юга России. — 2013. — № 4. — С. 56–68. — EDN: SBUMZN.

Новикова С. И. Особенности современных коммуникационно-информационных систем, оценка полезности и эффективности информации как ресурса // Вопросы инновационной экономики. — 2020. — Т. 10. — № 1. — С. 497–509. — DOI: 10.18334/vinec.10.1.100435, EDN: QDCQTT.

References

Baeva L. V. Virtual communication: classification and specificity. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2014; 14(4): 5–10. (In Russ.)

Bachilo M. D. Virtual communication and approaches to its study. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal = Siberian Journal of Philosophy.* 2024; 22(2): 66–78. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2024-22-2-66-78>. (In Russ.)

Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology.* 2002; 3(5): 60–74. (In Russ.)

Zubok Yu. A., Chankova E. V. Communicative competence of personality in virtual reality space. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management.* 2019; 5(4): 139–150. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>. (In Russ.)

Kochetova Yu. A., Klimakova M. V. Adolescent in digital environment: identity and self-image. *Sotsialnye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood.* 2025; 6(3): 85–98. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060306>. (In Russ.)

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. *Yekaterinburg: U-Faktoriya, Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta = Yekaterinburg: University of Economics, Publishing House of the University of Humanities,* 2004; 327 p. (In Russ.)

Kurbatov V. I. Virtual communication, virtual language and virtual thinking. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia.* 2013; 4: 56–68. (In Russ.)

Novikova S. I. Features of modern communication and information systems, evaluation of usefulness and efficiency of information as a resource. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics.* 2020; 10(1): 497–509. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100435>. (In Russ.)

Первушина В. Н., Савушкин Л. М., Хуторной С. Н. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. — 2017. — № 1 (23). — С. 59–71. — EDN: YNBORP.

Петрова Н. П. Психологические риски виртуальных коммуникаций // Социальная психология и общество. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 42–57. — EDN: UIOUUV.

Чеснокова Л. В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2021. — № 2 (20). — С. 22–38. С. 26. — DOI 10.17726/philit.2021.2.2.

Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 281–290. — DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290, EDN: NXHUIC.

Шумилова А. А. Информационно-коммуникативные риски виртуального пространства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1-8. — С. 160–165. — EDN: XAZUMT.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. — London: Sage, 1992. — 260 p. — ISBN 0-8039-834S-x, ISBN 0-8039-8346-8 (pbk).

Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of intergroup relations. 2nd ed. — Chicago: Nelson-Hall, 1985. — P. 7–24.

Для цитирования: Зубова Я. В., Липчанская И. В. Социализация молодежи в условиях виртуальной коммуникации: преимущества и риски // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 105–115. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.8 EDN IFJJVE

Pervushina V. N., Savushkin L. M., Khutornoy S. N. Features of communication in cyberspace. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya = Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*. 2017; 1 (23): 59–71. (In Russ.)

Petrova N. P. Psychological risks of virtual communications. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2019; 10(4): 42–57. (In Russ.)

Chesnokova L. V. Blurring the boundary between public and private in social networks and the privacy paradox. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva = Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*. 2021; 2(20): 22–38. <https://doi.org/10.17726/philit.2021.2.2>. (In Russ.)

Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Sotsialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of South-Russian State Technical University. Series Socio-economic Sciences*. 2022; 15(2): 281–290. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-281-290>. (In Russ.)

Shumilova A. A. Information and communication risks of virtual space. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2016; 1-8: 160–165. (In Russ.)

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. *London: Sage, 1992; 260 p.*
Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. *Chicago: Nelson-Hall, 1985: 7–24.*

История статьи:

Поступила в редакцию — 17.02.2026

Одобрена после
рецензирования — 25.03.2026

Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторах

Зубова Яна Валерьевна

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных, естественных и общепрофессиональных дисциплин Филиала Ухтинского государственного технического университета,
SPIN-код: 6383-1310,
AuthorID РИНЦ: 529531
janazubova@yandex.ru

Липчанская Ирина Владимировна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
SPIN-код: 8819-3081,
AuthorID РИНЦ: 736024
lipiv@list.ru

Information about authors

Yana V. Zubova

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Humanities, Natural Sciences and General Professional Disciplines, Branch of Ukhta State Technical University
janazubova@yandex.ru

Irina V. Lipchanskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics
lipiv@list.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

УДК 001 + 004.8 + 008 + 1
DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.9
EDN JDQKMD

Научная статья

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК «ГЕН» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

CULTURAL CODE AS A “GENE” OF THE HUMAN FACTOR: A CYBERNETIC APPROACH TO THE CREATION OF SOCIAL AND CULTURAL SPACE

*М. Р. Деметрадзе**, **

ORCID: 0000-0002-7676-8054

*А. Г. Каграманян***, ***

ORCID: 0009-0004-2308-7943

*Marine R. Demetradze**, **

*Artur G. Kagramanyan***, ***

* Московский областной филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ,

** Университет мировых цивилизаций
им. В. В. Жириновского,

*** ООО «Новые облачные технологии»
Москва, Россия

* Moscow Regional Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,

** Zhirinovskiy University of World
Civilizations,

*** New Cloud Technologies LLC
(limited liability company)
Moscow, Russia

Цель исследования. В данной статье представлен кибернетический подход к концепции культурного кода как «гена» человеческого фактора, раскрывающий его морфологию и функции в формировании социокультурного пространства. Основной тезис заключается в том, что человек и его «избранность» следует воспринимать не как исключительность, а как ответственность за преобразование реальности посредством системы культурных кодов, обозначаемых как коды антропосоциокультурогенеза. Вводится концепция спирали ДНК культуры — механизма, который выявляет и конструирует культурогенез. Важными функциями этой спирали являются кодирование и декодирование информации, а также

Objective of the study. This article presents a cybernetic approach to the concept of the cultural code as a “gene” of the human factor, revealing its morphology and functions in the formation of the socio-cultural space. The main thesis is that a person and his “chosenness” should be perceived not as exclusivity, but as responsibility for transforming reality through a system of cultural codes designated as codes of anthroposocioculturogenesis. The concept of the DNA helix of culture is introduced, which is a mechanism that identifies and constructs cultural genesis. Important functions of this spiral are the encoding and decoding of information, as well as the activation of human creative abilities

© Деметрадзе М. Р., 2026

© Каграманян А. Г., 2026

активизация креативных способностей человека через культурные «гены». Предложенная модель рассматривает культурные коды как функциональные регуляторы, формирующие как индивидуальный потенциал, так и структуру социокультурных систем.

Методологическая база исследования основана на междисциплинарном подходе, включающем системный анализ, культурную кибернетику и антропологические исследования. В работе применяются методы системного, семиотико-семантического анализа и моделирования.

Результаты исследования. На сегодняшний день разработана системная модель культурного кода как регулятора индивидуальных и социальных процессов. В рамках моделирования выявлены механизмы активизации креативных способностей человека через «спирали» ДНК культуры. Показано, что культурные коды, выступая в роли регуляторов, способствуют формированию гибких механизмов адаптации человека в социокультурном пространстве, что особенно важно в условиях быстрого социального и технологического развития. В результате подтверждена гипотеза о том, что культурный код — не метафора, а реальная семиотическая структура, способная запускать и конструировать процессы культурогенеза на уровне личности и общества.

Перспективы исследования. Работа может способствовать расширению междисциплинарной базы за счет интеграции данных из нейробиологии, эпигенетики, антропологии, политологии, культурной кибернетики и культурологии. Это позволит более полно понять механизмы взаимодействия биологических и культурных факторов, а также разработать новые модели управления и развития социокультурных систем на основе концепции культурного кода как «гена» человеческого фактора. Для дальнейшего раскрытия данной темы и концепции требуются новые междисциплинарные исследования,

through cultural “genes”. The proposed model considers cultural codes as functional regulators that form both individual potential and the structure of socio-cultural systems.

Methodological basis of the study is based on an interdisciplinary approach, including systems analysis, cultural cybernetics and anthropological research. Methods of system, semiotic and semantic analysis and modeling are used in the work.

Results of the study. To date, a systematic model of the cultural code has been developed as a regulator of individual and social processes. Within the framework of modeling, the mechanisms of activating human creative abilities through the “spirals” of cultural DNA have been identified. It is shown that cultural codes, acting as regulators, contribute to the formation of flexible mechanisms of human adaptation in the socio-cultural space, which is especially important in conditions of rapid social and technological development. As a result, the hypothesis is confirmed that the cultural code is not a metaphor, but a real semiotic structure capable of launching and constructing the processes of cultural genesis at the level of personality and society.

Prospects of the study. This work can contribute to the expansion of the interdisciplinary base by integrating data from neuroscience, epigenetics, anthropology, political science, cultural cybernetics and cultural studies. This will make it possible to better understand the mechanisms of interaction between biological and cultural factors, as well as to develop new models of management and development of socio-cultural systems based on the concept of the cultural code as a “gene” of the human factor. Further disclosure of this topic and concept requires new interdisciplinary research combining the achievements of social and natural sciences,

объединяющие достижения социальных и естественных наук, что позволит более полно понять механизмы формирования человеческого потенциала и его роль в социокультурном развитии.

Ключевые слова: культурный код, гены культуры, антропосоциокультурогенез, спираль ДНК культуры, кодирование и декодирование, креативные способности, семиотическая информация, человеческий фактор, политические процессы, морфология, кибернетика, социокультурное пространство

which will allow for a more complete understanding of the mechanisms of human potential formation and its role in socio-cultural development.

Keywords: cultural code, cultural genes, anthroposocioculturogenesis, cultural DNA spiral, coding and decoding, creative abilities, semiotic information, human factor, political processes, morphology, cybernetics, sociocultural space

Введение

Понятие «избранности» человека не сводится к его исключительности или превосходству, а понимается как ответственность за судьбу Вселенной, как осознание своей роли в формировании социокультурного пространства, в чем и заключается суть великого эксперимента Вселенной и избранности человека. Фундаментальный принцип эксперимента Вселенной и избранности человека — это не случайный факт, так как ядро Вселенной как бы через него старается познать смысл и цель собственного плана. При этом особый статус человеческого фактора заключается не в превосходстве индивида над другими объектами природы, а в его способности преобразовать физическое пространство, придать ему социокультурный смысл и предназначение (Винер, 1961). Поэтому человек становится проводником энергии и реализатором замысла Вселенной, совместимости ее цели и собственной деятельности, подчиняющейся законам естественной кибернетики.

Программирование естественной кибернетикой — это не просто проявление управленческого ядра Вселенной, но и выбор человека как преобразователя физического пространства в социокультурное (Пригожин, Стенгерс, 1986). Этот уникальный эксперимент реализуется кодами антропосоциокультурогенеза, обуславливающими полную зависимость индивида от внешних факторов. Агрегация внешней информации участками Брока и Вернике, их идентификация, интерпретация и переосмысление в девятом поле Бродмана, а также рефлексия принятия решений и актуализация интеллектуальных способностей человека через структурные компоненты ДНК культуры (знаковая система, инстаурация, герменевтика, верификация) являются индикаторами мотиваций и стимулов деятельности мыслящего существа — человека (Эшби, 1959). Исходя из этого можно утверждать, что первенство человеческого

фактора в социокультурном пространстве устанавливает и конструирует культуругенез (Хакен, 1980). Поэтому данный феномен следует рассмотреть не только на основе созданных человеком артефактов, но и сквозь призму креативности, инновационности, умений и способности человека, которые активированы кодами ДНК культуры и проявляются в пространственной среде.

Вместе с тем синергетически интегрирующим компонентом латентных способностей человека и созданных им артефактов является культура, выполняющая функцию связующего звена между природой и человеком (Хокинг, 2017). Она внедряет закономерность естественной кибернетики «от человека к природе» и «от природы к человеку», без которой фундаментальное предназначение человеческого фактора и самой кибернетики не формируется. Это означает, что культуругенез является составной частью культуры, имеющей многоаспектное значение. С одной стороны, он раскрывает культурные коды человека, а с другой — объекты материальной культуры (Максвелл, 1989).

Но как происходит запуск и конструирование культуругенеза человеком в социокультурном пространстве? Данный вопрос связан с функциями кодирования и декодирования информации посредством спирали ДНК культуры. Кодирование означает закрепление и внедрение полученных сведений, а декодирование — ее транскрипцию, переосмысление содержательного смысла и значения объектов природы (Тейяр де Шарден, 1965). То есть спираль ДНК культуры приводит в действие все структурные компоненты культуругенеза и детерминирует их коммуникативную функциональность, проявляющиеся склонности человека к информационным референциям, концентрации внимания и сосредоточенности на получении новых сведений из окружающей среды. Поэтому информационную предрасположенность человека следует считать мобилизационными стимуляторами его латентной энергии, их трансляции и имплементации во внешнем пространстве.

Сформулированный постулат требует выделить конкретные функции спирали ДНК культуры:

- индикативная;
- агрегационная;
- мотивационная;
- креативная;
- информационно-коммуникативная;
- кодирования и декодирования.

Многофункциональность этих компонентов коррелирует со структурными сегментами ДНК культуры — знаковой системой, герменевтикой, инстаурацией, верификацией. Они обуславливают их соответствие законам саморегулирования, закономерностям естественной кибернетики «от человека к природе». Поэтому спираль ДНК культуры, свойственная только человеку,

является определяющей человеческого фактора, без которого антропосоциокультурные коды имели бы биологические, а не культурно-антропологические свойства. ДНК культуры — это индикатор внедрения культурогенеза как индикатора кодирования «миссии человека» в социокультурном пространстве.

Культурогенез

Внедрение человеком культурных кодов, т. е. культурогенеза в природе, имеет неслучайный характер, поскольку социокультурное пространство не формируется естественным путем, а требует преобразования физической среды, создания условий жизнедеятельности людей и объектов культуры. Разумеется, человек является частью природы, и взаимосвязь между ними определяется законами естественной кибернетики (Мертон, 2006). При этом природа, как и человек, обладает собственной энергией, проявляющейся в явных и латентных признаках, требующих расшифровки. Эта сложная задача не может быть решена без применения закономерностей кибернетики, поскольку декодирование возможно лишь через преобразовательную деятельность человека, включающую инкорпорирование и имплементацию культурогенеза. Это означает, что культура как агент кибернетики и транслятор ее законов расширяет свои границы и определяет векторы взаимодействия человека и природы. Поэтому расшифровка кодов природы выходит за рамки искусственного программирования, ориентированного на детерминированные правила и получение предсказуемых результатов. Следовательно, адаптация человека и его активная деятельность в природе являются необходимыми условиями для реализации законов кибернетики, так как процессы самоуправления и саморегулирования зависят от устранения неопределенности.

Следовательно, декодирование скрытых символов природы осуществляется человеком, что требует активации структурных компонентов ДНК культуры (Франкл, 1990). Данные компоненты формируют морфологию культурогенеза и включают:

- знаковую систему;
- герменевтику;
- верификацию;
- инстаурацию (процесс установления культурных практик).

Далее возникают установки конфигурации особых элементов культуры: социализации, аккультурации, инкультурации, гибридизации, ассимиляции, синкретизма, в результате которых формируется культурогенез второго порядка. Эти формы культурного развития складываются и поддерживаются культурогенезом первого порядка, т. е. структурными компонентами ДНК культуры: индикативной, агрегационной, носителями которых является только человек. Складывается кросс-конфигурационное двумерное пространство интеграции культур человеческого фактора и искусственной среды. При этом

вектор развития определяет коды культурного развития индивидов, с одной стороны, и степень культурной трансформации окружающей среды — с другой. Корреляция этих процессов обусловлена необходимостью энергетического обмена и создания условий жизнедеятельности для всех земных объектов.

Следовательно, конструирование человеком культуригенеза в физической среде приводит к тому, что окружающий мир становится отображением его ментальности. Однако парадокс ситуации заключается в том, что культуригенез способствует взаимодействию природы и человека, но полностью раскрыть возможности как человека, так и природы не удастся. Эта неполнота, незавершенность культуригенеза является не слабостью, а напротив — его движущей силой.

Установление принципов самоуправления и саморегуляции законов кибернетики требует полной активации синергетических и семиотико-семантических кодов культуры (Полани, 1985), приводящих в действие всю систему культуригенеза. Важным моментом является кросс-конфигуративное соединение этих двух форм культуригенеза, особую роль в котором играет спираль.

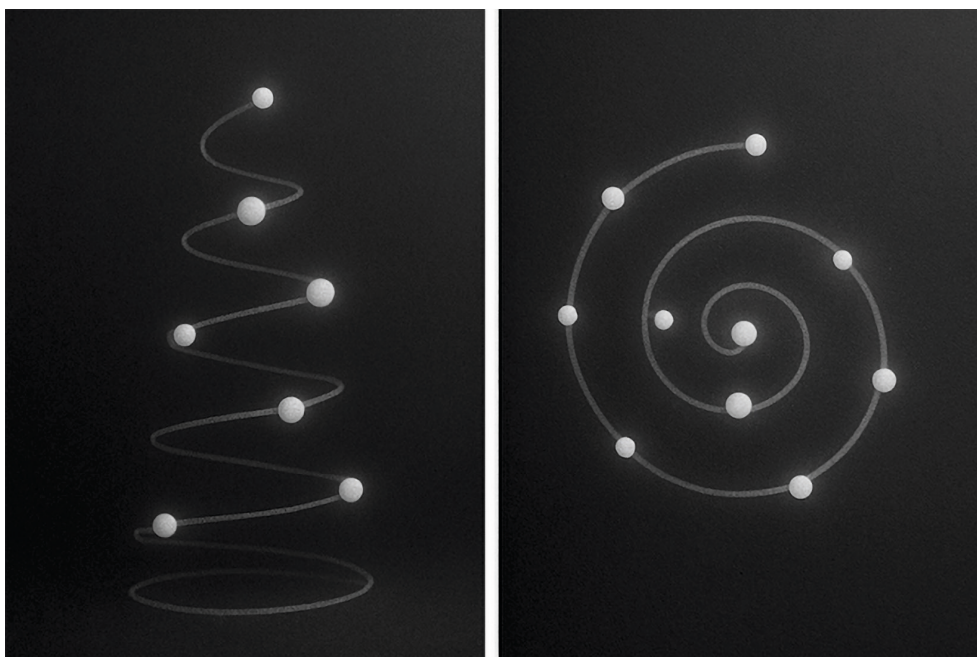

Рис. 1. Модель фрактальной спирали культурного развития¹

¹ *Источник:* составлено Каграманяном А. Г.

Интерактивная версия: URL: https://arrovana.github.io/spiral_mobile_model/
(дата обращения: 18.12.2025).

Она связана с активацией спирали культуры, переходными фазами аттрактора, бифуркацией и эквифинальностью, интенсификация которых зависит от социальных запросов человека. Поэтому культурогенез первого и второго порядка включает такие процессы, как модификация, трансформация, инновация, адаптация, аккумулярация и инкультурация (Есо, 1976).

Функциональные особенности кодирования и декодирования спирали ДНК культуры

Факты полного совпадения и состыковки кросс-конфигурации первичного и вторичного культурогенеза, их адаптация в физическом пространстве, безусловно, не случайны. Поэтому особенности коммуникативных каналов культуры требуют создания и расшифровки схемы кодирования и декодирования спирали ДНК культуры, связывающей первичный и вторичный культурогенез, закладывающий основы социокультурного пространства.

Как отмечалось выше, культура выполняет функцию коммуникативных каналов кибернетики «от человека к природе» и «от природы к человеку» (Девис, 1989). Поэтому феномен культуры как агент кибернетики имеет фундаментальное значение для классификации культурогенеза первого и второго порядка, их взаимозависимости и интеграции.

При этом важно учитывать, что локализация ДНК культуры в антропобиологическом (телесном) пространстве человека не означает замкнутости первичного культурогенеза от окружающей среды. Аккумулятивная функция мозга, принимающая внешние сигналы и обеспечивающая коммуникацию человека со средой, вместе со спиралью ДНК культуры формируют кросс-конфигурационное поле пересечения, соединения и взаимодействия внешних и внутренних импульсов. Данное поле необходимо для операционализации и реализации креативных способностей человека в конкретной среде. При этом создание культурных объектов означает не механическую передачу импульсов или знаков, а требует развития человека и инкорпорации процессов социализации и инкультурации, без которых невозможна активация вторичного культурогенеза (Кассирер, 1998).

Разумеется, координаты деятельности человека охватывают все доступные для него объекты, но при этом кибернетические законы природы должны обеспечивать целенаправленность сложных динамических процессов. Следовательно, естественное упорядочение системы возможно только на основе тех ресурсов, которые создаются естественным путем, без видимого внешнего вмешательства.

Следовательно, морфология кодирования и декодирования культурных кодов человека, образующая культурогенез первого порядка, требует расшифровки морфологии и функций «культурных генов». Необходимо прояснить отличительные черты наследственных генов от «культурных генов» и ответить

на вопрос: дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) — это биологическое вещество, выполняющее физиологические функции, или социокультурный конструкт? Какой информацией кодируется человек в первом и во втором случае?

Морфология культурных генов человека — ДНК культуры

Морфология культурных генов опирается на два структурных элемента:

- функциональность спирали ДНК культуры (обозначает набор функций, определяющих, как действует «ген» культуры);
- структуру ДНК культуры (обозначает элементы, формирующие организацию и внутреннее устройство «генов» культуры).

Кодирование индивида культурными кодами имеет фундаментальное значение, поскольку его структурные компоненты обуславливают феномен человеческого фактора, программируя умственные ресурсы и их совместимость с физическим развитием. Таким образом, формируются два параллельных процесса кодирования: антропобиологической и культурно-антропологической запрограммированности, в соответствии с законами кибернетики, принципами самоорганизации и саморазвития (Бодрийяр, 1995). Это вполне естественно, так как культурный код — это своего рода «ген» человеческого фактора, отличающийся от генетического кода животных и растений. Причем этот код стоит выше генетического, отражающего темперамент и индивидуальные физические особенности, унаследованные от предков.

Культурный код — это «ген», формирующий схему человеческого фактора, которая включает: развитие собственными силами; концентрацию человека на совершенствовании себя и реализации своих целей; умственное и физическое развитие человека путем самостоятельных занятий; расширение границ собственных знаний, формирование социокультурных аспектов и смысла жизнедеятельности и т. д.

Следовательно, подтверждение гипотезы культурных кодов как «генов» культуры требует раскрытия морфологии двух функциональных параметров дезоксирибонуклеиновой кислоты: программирования человека наследственными кодами и активации генетического кода синергетическими и семантико-семиотическими индикаторами культуры, которые связаны с коммуникативными свойствами человека.

Эти две функциональные характеристики ДНК — сложный и многогранный процесс, включающий взаимодействие генетической информации с семиотикой. Первая объяснима в контексте химических реакций белков и молекулярной биологии, тогда как вторая приводится в действие под воздействием внешних факторов. Она связана с нейромедиаторами головного мозга, полями Бродмана, областями Брока и Вернике, аналитическими функциями осмысления, принятия решений и пр.

Данные креативные способности не могут быть переданы исключительно биологическим или наследственным путем — они актуализируются особым культурным кодом, имманентно присущим человеческой природе. Этот код функционирует по принципу «вызов–ответ», где вызов представляет собой прием внешней информации (кодирование), а ответ — ее декодирование, расшифровку и анализ. И поскольку аналитические способности есть только у человека, то такой код следует считать культурным «геном», определяющим синергетические и семантико-семиотические индикаторы культуры. Кроме того, генетический код передает наследственную информацию, тогда как культурный «ген» определяет не простое биологическое воспроизводство индивида, а конструктивность поступков и результатов производительной человеческой деятельности.

Оба «гена» являются информационным феноменом, наследственным и социализирующим, заложенным во всех людях. Противоречие состоит в том, что креативность человека обуславливают указанные синергетические и семантико-семиотические индикаторы «гена» культуры, актуализация которых зависит от умения и старания человека, его инкультурации и социализации в определенной среде (Выготский, 1934). В этих процессах может произойти декомпозиция наследственных кодов как в позитивную, так и в деструктивную сторону, трансформация генетической программы в определенной траектории индивидуального развития.

Культурный код как «ген» человеческого фактора

Дифференциация кодирования в ДНК человека на антропобиологическое (генетическое) и культурно-антропологическое требует градации каждого из них. Начнем с первого — краткой презентации молекулярной структуры ДНК как носителя наследственной информации. Задача заключается в том, чтобы уточнить, насколько ДНК, исследуемая в отрыве от культурных факторов, способна объяснить потенциал человека как социокультурного феномена.

ДНК — это длинная молекула, состоящая из двух цепей, звеньями которой являются нуклеотиды, молекулы углевода (дезоксирибозы), фосфора и азотистого основания. Четыре основные составляющие нуклеотидов (аденин, тимин, цитозин и гуанин, обозначенные в медицине латинскими буквами А, Т, С и G) взаимодействуют по принципу комплементарности, образуя пары в двойной спирали ДНК. Аденин (А) в паре с тимином (Т) выполняет роль связующих элементов, усиливая стабильность структуры нуклеотидов и защищая генетический код. Гуанин (G) соединяется только с цитозином (С), образуя три водородные связи (Watson, Crick, 1953). Такое парное взаимодействие обеспечивает стабильность двойной спирали ДНК и точность передачи генетической информации.

Научно подтверждено, что транскрипцию, т. е. функцию переписывания наследственной информации, выполняет РНК — рибонуклеиновая кислота, создавая клетки белков, функционирующих во всех тканях и органах. Опираясь на сведения молекулярной биологии, можно отметить, что каждый живой организм содержит два типа нуклеиновых кислот: ДНК и РНК, а закодированная в ДНК генетическая информация в процессе ее реализации переписывается на РНК во время транскрипции. Сможет ли РНК-полимераза распознать и переписать с ДНК копию РНК, зависит от белков-активаторов, так называемых транскрипционных факторов, которых насчитывается около 2 тыс. из существующих в человеческом организме примерно 20 тыс. белков.

Процессы реализации генетической информации имеют четкую структуру и придерживаются фиксированной схемы.

1. Транскрипция — процесс копирования информации с ДНК на матричную РНК (мРНК). Этот процесс осуществляется ферментом РНК-полимеразой при участии транскрипционных факторов.

2. Регуляция экспрессии генов может осуществляться через белки-репрессоры, модификацию гистонов, изменение плотности упаковки ДНК (гетерохроматинизация).

Говоря о информационной роли ДНК, важно отметить аденозинтрифосфат (АТФ) и аденозиндифосфат (АДФ) — нуклеотидные соединения, транспортирующие энергию и необходимые для протекания многих биохимических реакций. АТФ служит главным источником энергии для клетки, а АДФ, являясь предшественником АТФ, может быть реконвертирован в АТФ при потребности в энергии.

Все эти составляющие важны не только в биологическом контексте, но и культурно-антропологическом, поскольку могут активировать как наследственные, так и креативные гены-импульсы, благодаря которым человек становится носителем культурного кода.

Необходимо также выделить функциональные особенности четырех основных нуклеотидов спирали, которые несут наследственную информацию в соответствии со схемой комплементарности, заключающейся во взаимосвязи аденина с тиминном и гуанина с цитозинном. Эти пары могут менять свои позиции в пределах одной цепочки: например, аденин может образовывать пару с тиминном, а в следующем витке последовательности — тимин с аденином. Однако выход за пределы парной системы и соединение с нуклеотидами другой пары не происходит. При этом меняться местами могут не нуклеотиды, а их пары (например, чередование А-Т и Т-А в разных цепях), но исключительно в рамках этих правил. Парные взаимодействия нуклеотидов: аденин (А) образует пару только с тиминном (Т) (две водородные связи), гуанин (G) — только с цитозинном (С) (три водородные связи).

Фактически эти попеременные, чередующиеся, переключающиеся вариативные комбинации сочетания нуклеотидов создают спираль, формирующую витки трансляции информации. Между этими витками располагаются гены ДНК. В медицине это объясняется тем, что активность генов зависит от способности РНК-полимеразы распознать ген и произвести копирование РНК с ДНК. Если данный процесс не осуществляется, ген остается неактивным.

Пассивность некоторых генов объясняют факторами, которые способны их «отключить»: белки-репрессоры, модификация гистонов ДНК, сжатие ДНК в плотные клубки, т. е. гены, оказавшиеся в клубке, становятся недоступными для прочтения. Транскрипция и активность генов: РНК-полимераза действительно копирует информацию с ДНК в РНК, но не все участки ДНК транскрибируются. Гены могут «выключаться» из-за белков-репрессоров (блокируют промотор), модификации гистонов (например, метилирование — сжатие хроматина), плотной упаковки ДНК (гетерохроматин, где гены неактивны).

Однако возможно, что в этом сжатии и образовании клубков белков происходят особые, пока еще не раскрытые наукой процессы, связанные с активацией креативности человеческих способностей как кодов культуры. Эта активация зависит, с одной стороны, от внешних социализирующих факторов, а с другой — от стимулов человека и его целенаправленности. Ведь в природе просто так ничего не происходит, и человеческая деятельность не может иметь инстинктивный характер, а исходит из синергетического и семиотического содержательного критерия.

Еще один важный элемент ДНК — транспозоны — представляют собой уникальный феномен, который можно рассматривать как биологические алгоритмы генома, выполняющие роль регуляторов в системе наследственной информации. Эти мобильные элементы ДНК, функционирующие по принципу «вырезать и вставить», проявляют свойства, аналогичные программным модулям в кибернетических системах: способность к саморепликации, модификации генетического кода и влиянию на его функциональность. Их структура как информационного модуля включает транспозазу — ключевой «исполняемый файл» системы. Этот фермент, кодируемый геномом транспозона, управляет операциями извлечения и интеграции ДНК, действуя как процессор (*Molecular Biology of the Cell*, 2014). На концах транспозона расположены инвертированные повторы (IRs), выполняющие роль «интерфейса распознавания» — короткие последовательности, служащие сигналами для транспозазы, аналогичными метаданным в алгоритмах. Полезная нагрузка транспозона представляет собой переменный код, который может включать как функциональные гены (например, резистентность к антибиотикам), так и некодирующие «шумовые» последовательности, влияющие на регуляторные сети (Judison, 1996).

Кибернетические аспекты функционирования транспозонов проявляются в их способности обеспечивать обратную связь. Они активируются

под воздействием внешних и внутренних факторов, что позволяет геному адаптироваться к стрессовым условиям — механизм, сравнимый с адаптивным управлением в кибернетических системах. При внедрении в новые участки генома транспозоны иницируют системные перестройки, включая перепрограммирование работы соседних генов (активация/подавление), создание избыточности данных (дубликации) и формирование эволюционных инноваций через рекомбинацию (Lambert, 2018). Таким образом, они выступают как агенты изменчивости, способные «переписывать» генетическую информацию.

Вопросы о влиянии транспозонов на «творческие способности» или «антропологические характеристики» требуют переосмысления в рамках кибернетики. Вероятно, речь идет о косвенном воздействии на гены, связанные с нейропластичностью (например, транспозоны LINE-1 у человека), или мутагенных эффектах, которые, подобно шуму в канале связи, могут как нарушать, так и обогащать генетическую информацию (Miller, 2018).

Приведенный краткий обзор структуры ДНК и известных открытий был представлен в целях выявления недостаточности объяснения наследственных факторов и медико-биологических подходов для раскрытия человеческого фактора, а именно: во-первых, креативных способностей человека; во-вторых, рассмотрения функции ДНК в основном как носителя наследственной информации.

Возникает вопрос: если ДНК и РНК передают наследственную информацию, остаются ли они бездействующими при выполнении мозгом человека аккумулятивно-коммуникативных функций? Энергетическая роль АТФ и АДФ — это биологическая активность, или они способствуют аккумуляции креативных способностей человека и активируют те поля Бродмана, которые свойственны только человеку? Происходит ли транскрипция приобретенных навыков и способностей человека, или его креативность определяют исключительно наследственные признаки, передающиеся потомству? Что известно о пассивных генах, какова роль DUF-1220 и многое другое?

До нахождения ответов на эти вопросы приходится ограничиваться существующими подходами, и в этом случае человек вряд ли мог бы отличаться от других млекопитающих, он оставался бы первобытным, несмотря на разные этапы эволюции, так как в наследство ему достались антропобиологические особенности Homo sapiens. Ответы на эти вопросы требуют кибернетического подхода к человеческому фактору, выявления особого «культурного гена», полученного от природы. Этот универсальный код, как и «ген» культуры, требует как биологического, так и культурно-антропологического обоснования, поскольку креативность — это область, которая выходит за рамки одной науки. Код развития способностей, таланта, умений и навыков — вот что важно установить, а не только код физического развития человека как такового.

Отметим, что биологические подходы к ДНК ограничивают феномен человеческого фактора и не позволяют выйти за рамки антропосоциогенеза. Активация ДНК семиотической информацией, а не только наследственной, остается открытой проблемой для всех наук, как естественных, так и культурно-антропологических.

Выводы

Предложенная концепция культурного кода как «гена» открывает новые горизонты для понимания человеческого фактора. Исследование этой идеи выявляет как истоки формирования потенциала креативности и самореализации индивида, так и механизмы структурирования социокультурных процессов. В рамках кибернетического подхода и морфологии культурных генов ДНК культуры выступает в роли индикатора статуса человеческого фактора и соотношения биологического и культурного генезиса. Она представляет собой динамическую систему взаимодействия наследственной и семиотической информации под воздействием внешних сигналов, активируемых внутренними креативными механизмами саморегуляции.

Нейробиологические исследования и коэволюционный подход, безусловно, важны, однако их эффективность и значение раскрываются в контексте понимания влияния внешних факторов на развитие культурных и биологических особенностей человека, а не в рамках детерминизма, заложенного природой. Для дальнейшего раскрытия данной темы и концепции требуются новые междисциплинарные исследования, объединяющие достижения социальных и естественных наук, что позволит более полно понять механизмы формирования человеческого потенциала и его роль в социокультурном развитии.

Список источников

- Бодрийяр Ж.* Система вещей / пер. с фр., и сопр. ст. С. Зенкина. — М.: Рудомино, 1995. — 168 с. — ISBN 5-7380-0038-2.
- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. — М.: Сов. радио, 1968. — 328 с.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 324 с.
- Девис П.* Суперсила: поиски единой теории природы — М.: Мир, 1989. — 272 с. — ISBN 5-03-000546-3.

References

- Baudrillard J.* The System of Things. Trans. from French and accompanying article by S. Zenkin. *Moskva: Rudomino = Moscow: Rudomino*, 1995. 168 p. ISBN 5-7380-0038-2. (In Russ.)
- Wiener N.* Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. *Moskva: Sovetskoye radio = Moscow: Sov. Radio*, 1968; 328 p. (In Russ.)
- Ygotsky L. S.* Thinking and Speech. *Moskva; Leningrad: Sotsekgiz = Moscow; Leningrad: Sotsekgiz*, 1934; 324 p. (In Russ.)

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарики, 1998. — 779 с. — ISBN 5-7975-0039-6.

Максвелл Дж. К. Трактат об электричестве и магнетизме: в 2 т. — М.: Наука, 1989. — 434 с. — ISBN 5-02-000042-6.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ; Хранитель, 2006. — 874 с. — ISBN 5-17-029089-6.

Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. — М.: Прогресс, 1985. — 344 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / предисл. Р. Гароди; пер. с фр. Н. А. Садовского. — М.: Прогресс, 1965. — 296 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла: [Сборник] — М.: Прогресс, 1990. — 368 с. — ISBN 5-01-001606-0.

Хакен Г. Синергетика. — М.: Мир, 1980. — 404 с.

Хокинг С. Краткая история времени. — М.: АСТ, 2017. — 232 с. — ISBN 978-5-17-102284-6.

Эшби У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959. — 432 с.

Eco U. A Theory of Semiotics / U. Eco. — Bloomington: Indiana UP, 1976. — 512 с.

Judson H. F. The Eighth Day of Creation: Makers of the Revolution in Biology / H. F. Judson. — NY: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 1996. — 720 p.

Lambert S. A. The Human Transcription Factors / S. A. Lambert, A. Jolma, L. F. Campitelli et al. // Cell. 2018. — Vol. 172. — P. 650–665. — DOI: 10.1016/j.cell.2018.01.029.

Miller T. Sequencing and Structural Analysis of Transposons / T. Miller // Bioinformatics Advances. 2018. — Vol. 14. — P. 200–215.

Molecular Biology of the Cell. 6th ed. / ed. by B. Alberts, A. Johnson, J. Lewis et al. New York and Abingdon, UK: Garland Science, 2014. — 464 p.

Davis P. Superpower: The Search for a Unified Theory of Nature. Moskva: Mir = Moscow: World, 1989; 272 p. ISBN 5-03-000546-3. (In Russ.)

Cassirer E. Selected Works. An Essay on Man. M.: Gardarika = Moscow: Gardarika, 1998; 779 p. ISBN 5-7975-0039-6. (In Russ.)

Maxwell J. K. A Treatise on Electricity and Magnetism: in 2 volumes. Moskva: Nauka = Moscow: Science, 1989; 434 p. ISBN 5-02-000042-6. (In Russ.)

Merton R. Social Theory and Social Structure. Moskva: AST; Khranitel = Moscow: AST; Guardian, 2006. 874 p. ISBN 5-17-029089-6. (In Russ.)

Polanyi M. Personal Knowledge: Toward a Postcritical Philosophy. M.: Progress = Moscow: Progress, 1985; 344 p. (In Russ.)

Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. M.: Progress = Moscow: Progress, 1986; 432 p. (In Russ.)

Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man / foreword by R. Garaudy; translated from French by N. A. Sadovsky. M.: Progress = Moscow: Progress, 1965; 296 p. (In Russ.)

Frankl V. Man's Search for Meaning: [Collection]. M.: Progress = Moscow: Progress, 1990; 368 p. ISBN 5-01-001606-0. (In Russ.)

Haken G. Synergetics. M.: World = Moscow: Mir, 1980; 404 p. (In Russ.)

Hawking S. A Brief History of Time. M.: AST = Moscow: AST, 2017; 232 p. ISBN 978-5-17-102284-6. (In Russ.)

Ashby W. R. Introduction to Cybernetics / translated from English. Moskva: Izdatel'stvo "Zarubezhnaya literatura" = Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959; 432 p. (In Russ.)

Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana UP, 1976; 512 p.

Judson H. F. The Eighth Day of Creation: Makers of the Revolution in Biology. NY: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 1996; 720 p.

Lambert S. A., Jolma A., Campitelli L. F., et al. The Human Transcription Factors. Cell. 2018; 172: 650–665. DOI: 10.1016/j.cell.2018.01.029.

Watson J. D. Molecular Structure of Nucleic Acids / J. D. Watson, F. H. Crick // Nature. — 1953. — Vol. 171. — P. 737–738. — DOI: 10.1038/171737a0/.

Miller T. Sequencing and Structural Analysis of Transposons. *Bioinformatics Advances*. 2018; 14: 200–215.

Molecular Biology of the Cell. 6th ed. /ed. by B. Alberts, A. Johnson, J. Lewis et al. *New York and Abingdon, UK: Garland Science*, 2014; 1464 p. Watson J. D., Crick F. H. Molecular Structure of Nucleic Acids. *Nature*. 1953; 171: 737–738. DOI: 10.1038/171737a0.

Для цитирования: Деметрадзе М. Р., Каграманян А. Г. Культурный код как «ген» человеческого фактора: кибернетический подход к формированию социокультурного пространства // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 116–130. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.9 EDN JDQKMD

История статьи:

Поступила в редакцию — 26.12.2025

Одобрена после рецензирования — 24.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Сведения об авторах

Деметрадзе Марине Резоевна

Доктор политических наук, профессор Московского областного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор Университета мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского
SPIN-код: 5175-1432
AuthorID РИНЦ: 309591
Demetradze1959@mail.ru

Information about authors

Marine R. Demetradze

Doctor of Political Science, Professor, Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Chief Scientific Officer, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage; Professor, Zhirinovsky University of World Civilizations
Demetradze1959@mail.ru

Каграманян Артур Григорович

Аспирант АНО ВО «Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского»; старший менеджер по работе с технологическими партнерами ООО «Новые облачные технологии»
SPIN-код: 3978-9763,
AuthorID: 1334295
arrovanas@yandex.ru

Artur G. Kagramanyan

Postgraduate Student, Zhirinovsky University of World Civilizations; Senior Manager for Work with Technology Partners, New Cloud Technologies LLC
arrovanas@yandex.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
АВАНГАРДЕ
И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ
(АРХЕОАВАНГАРД
И СИНЕРГИЗМ)**

**THE IMAGE OF A PERSON
IN THE ARTISTIC AVANT-
GARDE AND NON-CLASSICAL
ANTHROPOLOGY
(ARCHEOAVANGARD
AND SYNERGISM)**

Т. С. Кравцова*

ORCID: 0009-0006-8765-3232

Tatyana S. Kravtsova*

* Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
им. М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия

* Platov South Russian State Polytechnic
University
Novocherkassk, Russia

Цель исследования заключается в выявлении образа человека на основе анализа представлений авангардистов, а также в определении образа человека в неклассической антропологии с последующим проведением компаративного анализа этих взглядов и выявлением причин техногенного влияния на общество.

Objective of the study is to identify the image of man based on the analysis of avant-garde artists' ideas, as well as to determine the image of man in non-classical anthropology, followed by a comparative analysis of these views and the identification of the causes of technological influence on the society.

Методологическую базу исследования составляют комплексный междисциплинарный подход, включающий анализ техногенного влияния на человека, культуру и общество. Работа написана на стыке философии культуры, философской антропологии, социальной философии и эстетики. На основе компаративного анализа антропологических воззрений авангардистов и идей представителей концепций синергийной антропологии, археовангарда и концепции «человека перехода» определяем образ человека и его положение в обществе.

Methodological basis of the study is a comprehensive interdisciplinary approach that includes an analysis of the technological impact on humans, culture, and society. The work is written at the intersection of cultural philosophy, philosophical anthropology, social philosophy, and aesthetics. Based on a comparative analysis of the anthropological views of avant-garde artists and the ideas of representatives of synergistic anthropology, archae-avant-garde, and the concept of the "human of transition," the author defines the image of a human being and his position in the society.

© Кравцова Т. С., 2026

Результаты исследования. В современном мире социотехногенное развитие приводит к отчужденности человека в обществе, а в культуре намечается трансформация образа — от социобиологического вида к авангардно-техногенному. В последнем образ человека трансформируется в гибрид техночеловека с утратой человеческой идентичности. Взгляды авангардистов и представителей неклассической антропологии на проблему формирования образа человека имеют сходства. Образ человека в их представлениях несовершенен; авторы обращают внимание на человека как на «идейное воплощение», как на «энергичную субстанцию» (Хоружий, 2005), «мир грёз», где человек представляет собой определенную сумму событий (Гиренок, 2024).

Перспективы исследования. Проблема модификаций образа человека посредством внедрения технологий и киборгизации представляет научный интерес, что во многом определяет дальнейшую судьбу человека биосоциального. Изучение данных аспектов необходимо для дальнейшего понимания развития общества. Согласно концепции С. А. Смирнова, образ человека представлен как «переходный» от постмодернизма к новому этапу современного общества. Ключевым аспектом выступает переход как элемент для совершенствования человека. Заметим и добавим, что, осуществляя данный переход, человек должен обладать калокагатийной сущностью (единство духовного и физического). Данный возрожденческий элемент античного периода является образцом для современного общества по формированию гармоничного человека, способного определить путь выхода из «ситуации перехода» на последующий культурный этап.

Ключевые слова: техногенность, авангард, синергичная антропология, человек перехода, идеализм, деонтологизация, сингулярное существо, мир грёз, калокагатия

Results of the study. In the modern world, socio-technogenic development leads to human alienation in society, and there is a transformation of the image from a sociobiological to an avant-garde-technogenic one in culture. In the latter, the image of a human being transforms into a hybrid of a technoman with a loss of human identity. The views of avant-garde artists and representatives of non-classical anthropology on the issue of the formation of the image of a human being have similarities. The image of a person in their minds is imperfect; the authors focus on the person as an “ideological embodiment” and an “energetic substance” (Khoruzhij, 2005), a “dream world” where a person is a certain sum of events (Girenok, 2024).

Prospects of the study. The problem of modifying the human image through the introduction of technologies and cyborgization is of scientific interest, which largely determines the future of the biosocial human. Studying these aspects is necessary for further understanding of the development of society. According to the concept of S. A. Smirnov, the human image is presented as a “transitional” stage from postmodernism to a new phase of modern society. The key aspect is the transition as an element for human improvement. We note and add that in order to make this transition, a person must possess a kalokagatikal essence (the unity of the spiritual and the physical). This renaissance element of the ancient period serves as a model for modern society in terms of creating a harmonious individual who can determine the path out of the “transition situation” to the next cultural stage.

Keywords: technogenicity, avant-garde, synergistic anthropology, person of transition, idealism, deontologization, singular being, dream world, kalokagatia

Введение

В современном мире общество сталкивается с новыми антропотехногенными вызовами, которые проявляются в отрицании культурных ценностей, антропологическим кризисом, утратой национальной идентичности, выражающейся через культуру. Для успешного и полноценного развития общества необходима культурная и социальная консолидация. Культура во многом способствует формированию национальной идентичности и выполняет функцию интеграции общества. Она раскрывает социальные аспекты бытия человека и формирует его многогранный облик. Концептуальность искусства проявляется во взаимодействии со смежными науками, например с философией, этикой, эстетикой и др. Представители искусства, как в теоретических работах, так и в художественных произведениях, формируют образ человека. В большинстве случаев искусство выражает ту или иную философскую концепцию, направление, а иногда авторы осуществляют интеграцию идей чувственно-образного и теоретических положений. Биосоциальный и многогранный облик человека был представлен в классическом искусстве. С промышленной революции XVIII–XIX веков значительно изменились взгляды авторов на формирование образа человека. Социально-техногенный прогресс изменил общественные отношения и экономику ряда стран. Е. В. Заровчатская, Е. А. Дергачева определяют, что «...каждый новый технологический уклад приносил определенные преимущества и одновременно создавал новые проблемы и угрозы для биосферы и человечества» (Заровчатская, Дергачева, 2025. С. 11). Наметился процесс развития урбанизации и капиталистических отношений. Городское население промышленных городов стремилось к дальнейшей интенсификации использования природных ресурсов и поглощению экосистемы. Масштабное потребление природных ресурсов, полезных ископаемых привело к формированию капиталистических отношений, появлению буржуазных отношений. Е. В. Заровчатская, Е. А. Дергачева определяют данный этап как «третий технологический уклад (конец XIX — начало XX века), связанный с электрификацией и химической промышленностью <...> и появлением новых форм организации труда и быта» (Заровчатская, Дергачева, 2025. С. 10). В обществе и культуре формируется образ эгоистичного человека, предприимчивого и нацеленного на успех. Начало XX века знаменательно появлением художественного авангарда в культуре, где представлены радикальные изменения во взглядах авторов на биосоциальную природу человека. Например, формируется направление в архитектуре, известное как урбанизм, автором которого является Ле Корбюзье, на раннем творческом этапе утверждавший приоритет научно-технического прогресса и развития общества.

Таким образом, техногенные изменения на рубеже веков становятся ключевой причиной трансформации образа человека в обществе и культуре.

Художественный авангард начала XX века выражает утрату идеала человека, а также утрату ценностных ориентиров. В творчестве начала XX века намечается поиск новых парадигм в культуре, происходит отрицание Бога или его признание, отрицание ценностей и стремление к утверждению новых. Авторы-авангардисты определяют односторонний взгляд на формирование образа человека, как и представители современных неклассических направлений, отказывающиеся от биосоциальной сущности человека в обществе. Например, инвариантность проявляется в акцентировании внимания на одном каком-то положении или аспекте образа личности, где человек не рассматривается комплексно, целно — как биологический, социальный и культурный вид.

В начале XX века выявляются две трактовки формирования образа человека в культуре. Первая заключается в том, что идеал человека формируется посредством действительности, а вторая выражается в том, что идеал человека определен в представлениях художника (идейность). Так, представители авангарда определяют образ человека согласно субъективистским воззрениям. Авторы абсолютизируют какой-то ключевой элемент; например, в абстракционизме происходит формирование духовности посредством определения цветовой и музыкальной композиции в произведении, где главным становится выражение чувственного мировосприятия художника, где образ личности выражается как духовный элемент, субстанция, отрешенная от окружающей действительности. Аспект предметности бытия личности, социума, таким образом, устраняется. В результате наблюдается отстраненность человека от общества, где личность определяется как таинственная субстанция, наделенная идеями. Данная отчужденность проявляется в упрощении образа человека, мира, происходит схематизация, геометризация форм. Эту позицию можно наблюдать в абстрактном искусстве, где меняется «язык искусства». Например, «геометрическая точка <...> связана с высшей степенью самоограничения, то есть с величайшей сдержанностью...» (Кандинский, 2023. С. 192), к тому же «геометрическая точка <...> является связью молчания и речи» (Кандинский, 2023. С. 192), где «внутреннее замуровано во внешнем» (Кандинский, 2023. С. 193). Образ личности упрощается или постепенно утрачивается, а образ действительности превращается в «вымышленный поток сознания образов, лишенный правдоподобности». Таким образом, в «Импровизациях» В. Кандинский выражает эмоции и бессознательное, изображая абстракции.

Антропологические взгляды авангардистов

В начале XX века происходит смена позиций в формировании образа человека. Человек дистанцируется от общества в силу того, что начинает преобладать техницизм, поэтому многие представители авангарда заявляют

об утрате индивидуальности, о том, что человек не реализует себя в полной мере, уступает технике в связи с наступлением века механизации, где машина вытесняет человека. Идея-утопия по формированию нового человека представлена, например, в «Техническом манифесте футуристической литературы»: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! <...> А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление механического человека в комплекте с запчастями. Мы освободим человека от мысли о смерти, конечной цели разумной логики» (Называть вещи..., 1986. С. 168). Данная трактовка нашла отражение в современной модификации человека посредством технологий. Например, в работе А. С. Нариньяни приведен пример нейроинтерфейсов, посредством которых возможно моделирование «нового техночеловека» — «eНото» (Нариньяни, 2008). Для преодоления биологической неполноценности человека осуществляется искусственное моделирование человека: «...конструирование искусственной оболочки жизни человека, в которую будет помещена жизнь естественная»¹.

Человек, по представлениям К. Малевича, обозначен «...как частица абсолютной мысли, вышедшая из общей орбиты движущегося абсолюта, стремится теперь включить себя в орбиту <...> Через быстроту колес к крыльям аэропланов, всё дальше и дальше к границе атмосферы <...> соединяясь с кольцами движений к абсолюту» (Малевич, 2014. С. 11). Авторы обращают внимание на второй аспект человека — его внутренний мир, на эмоции и чувства.

В современном философском пространстве, например в трансгуманизме, данная идея направлена на кардинальное преобразование человека, наделение его техническими возможностями и превращение в «техноида» или «кибернавта» (Спирова, 2021. С. 10) как на знаковый элемент. Данное положение раскрывает не только утрату моральных и нравственных аспектов человека и общества, но и ставит под сомнение вопрос о будущем всего человечества, где будет наблюдаться экспансия технологизации, а индивидуальное начало и социальная идентичность будут исключаться. В теориях информационного общества (Masuda, 1980) заложены концепции технократического принципа с ориентиром на стремительный прогресс, где не рассматривается опасность техногенных трансформаций биосферы, человека, общества.

Синтез культуры, природы и общества является неотъемлемым элементом существования мира, раскрывающим сущность и бытие человека в разные исторические периоды.

¹ Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Global Human Transformation under Conditions of World Technogenic Development // International Conference «Responsible Research and Innovation 2016». — Pp. 201–208. — URL: <http://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/icR-RIF2016026.pdf>; <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.26>. (дата обращения: 23.01.2026).

Проанализируем идеи авангардистов по формированию образа человека начала XX века.

К. Малевич определяет двойственность человека. Одна сторона представляет животное начало, которое заложено природой и включает в себя агрессию и силу, направленные на преобразование мира. Другая сторона — жизнь, представленная многогранным предметным миром, созданным человеком для жизни и деятельности, где человек продолжает вести борьбу за выживание, определяя свое место за счет различных изобретений и предметности. Автор призывает противостоять предметности как культуре утилитарной («харчевой»): «Человек — самое опасное в природе явление, оно побивает зверя, всю, одним словом, органическую культуру и неорганическую, он же опасен и сам для себя, т.е. для другого человека» (Малевич, 2008. С. 219). Отказ от предметности и техники позволит человеку выйти к Ничто и преобразиться в «нуль форм».

В супрематизме К. Малевич особое внимание отводит вопросу о причинности жизни, который именуется возбуждением, проявляющимся в различных формах. Дальнейший этап развития жизни автор связывает с мыслью как с «процессом или состоянием возбуждения» (Малевич, 2013. С. 1). Автор наделяет человека определенным элементом, который стремится к возбуждению как к «космическому пламени» и «живет беспредметно» (Малевич, 2014. С. 3).

Отказ от реальности, предметности в супрематизме подтверждается тем, что «...нет и не может быть предметов и вещей, и потому безумна попытка достигать их» (Малевич, 2014. С. 5).

Особое значение К. Малевич отводит геометрии, которая выражает «интерсубъективность», трансформирующуюся в «метаиндивидуальность» (Рейндл, 2015. С. 183–186), где происходит конструирование формы перехода на холсте, а затем и в жизнетворчестве. Например, символ квадрата выражает «первоэлемент», «нулевую форму» супрематизма, а символ креста определяется как новая форма, круг представлен как символ движения и противопоставляется квадрату. Данные символы исключают обращение к человеку, исключают предметность. Например, «Черный квадрат», по представлениям К. Малевича, выражает сингулярную сущность, «Абсолют», «Ничто».

В современном понимании формирования образа человека особая роль отводится идеаторности сознания, когда человек обращается к формированию идей, даже абстрактных, как, например, мы можем наблюдать в художественном авангарде в творчестве В. Кандинского: «Произведение искусства отражается на поверхности сознания. Оно лежит “по ту сторону” и с утратой влечения к нему бесследно исчезает с поверхности...» (Кандинский, 2023. С. 185–186). Таким образом, увеличивается объем информации посредством семантической основы, то есть энтропия (*ἐντροπία*) стремится к бесконечности.

Археоавангард, синергичная антропология, «человек перехода»

Третий технологический уклад (классификация по данным д.ф.н., профессора РАН Е. А. Дергачевой) перерос в четвертый (с середины XX века), который включает развитие и распространение электроники, автоматизации и формирование постиндустриального общества. Позиция человека в данном обществе меняется, а также видоизменяется образ человека в культуре. Идентичность человека определяется его выбором, нет четких показателей в выборе деятельности человека, намечается постоянная смена ценностей, интересов, релятивизм и диффузность культурных образцов. Информатизация всех сфер жизни общества оказывает двойственное влияние на человека и его образ жизни. С одной стороны, осуществляется предоставление информации в любом месте и в любое время, происходит расширение возможностей в получении данных. С другой стороны, неконтролируемость информационного потока приводит к психологическим нагрузкам и стрессам, а также может представлять угрозу существованию человека. Информатизация общества меняет и культуру. Формируется виртуальная культура, включающая различные формы и способы коммуникации в киберпространстве. Пятый технологический уклад (конец XX — начало XXI века) Е. В. Заровчатская и Е. А. Дергачева определяют развитием информационных технологий, которые не только упрощают жизнь человека, но и во многом создают «перегрузку» и приводят к «...изменениям психофизиологических характеристик человека» (Заровчатская, Дергачева, 2025. С. 10). Настоящее время авторы именуют шестым технологическим укладом, где ключевыми становятся «... нанотехнологии, биотехнологии и когнитивные технологии», что приводит к созданию «...предпосылки для еще более глубокого изменения природной среды и самого человека» (Заровчатская, Дергачева, 2025. С. 11).

С технологическими изменениями меняются и подходы философов в антропологии. Авторы задаются вопросами о сущности человека, его месте в обществе.

Обратимся к анализу антропологической концепции Ф. И. Гиренка, который рассматривает человека с акцентом на внутренний элемент, его психологическую основу. В частности, он отводит первостепенную роль галлюцинациям, грезам, видениям. Галлюцинирующий человек чужд природе, поэтому «людям необходимо непременно расширять реальность посредством мнимостей» (Гиренок, 2021. С. 89).

В неклассической антропологии меняется позиция по отношению к категории сознания человека. Как повествует Ф. Гиренок: «...для устройства счастья человеку нужно не сознание, а инстинкт» (Гиренок, 2016. С. 13). В результате чего «сознание возникает не для знания, а для причинения себе ущерба, постольку человеческий ум является объективацией страдания»

(Гиренок, 2016. С. 12), поэтому, по мнению автора, необходим в этом случае только интеллект. Ф. И. Гиренок, таким образом, отрицает значимость сознания как важного элемента в познании. Он определяет его как элемент, воздействующий на самого человека.

Необходимо заметить, что человек, наделенный сознанием, осуществляет целеполагание, прогнозирует свою деятельность, стремится к достижению целей. К тому же он познает окружающий мир, совершенствует его, преобразовывает, создает нормы и ценности в обществе, формирует навыки коммуникации, осуществляя трансляцию знаний и опыта. Функционируя в обществе, человек осуществляет самосознание и самоанализ посредством рефлексии. Человек развивается как умственно, так и физически, является выразителем чувственного и рационального начала. Важным элементом для человека выступает сознание, которое трудно теоретизировать, так как оно не является материальной стороной. Оно не обладает ни массой, ни формой.

Сознание человека — это особая составляющая, которая включает в себя такие элементы, как знания, чувства, переживания и ощущения, которые человек испытывает и накапливает. В процессе организации и функционирования мозга возникает сознание, которое в последующем переходит в сознательность, то есть согласованность действий человека с целью, когда он осуществляет целеполагание, а затем реализует цель.

В результате положений Ф. Гиренка данные позиции утрачиваются, поскольку автор исключает роль сознания в познании человека, устраняя связь между бытием и познавательным элементом. Возникает вопрос, как человек будет осознавать мир, определять свое поведение и место и выстраивать траекторию движения в социуме. Бытие автор определяет как грезы и галлюцинации. Значимая роль отводится воображению, посредством которого осуществляется погружение в галлюцинации. По мнению автора, у человека «...нет определенного места в природе. И нет понятия, которому бы он соответствовал»¹.

В современных антропологических концепциях, как и во взглядах авангардистов, утрачивается роль объективного мировоззрения об окружающей действительности. Данный элемент является тормозящим звеном в развитии неклассических философских воззрений о человеке. К тому же в концепции археоавангарда утверждается: «Для человека нет места в мире. Мы говорим: не человек часть мира, а мир часть человека» (Гиренок, 2019. С. 220–229).

Заметим, что человек развивается в обществе посредством видоизменения и совершенствования деятельности. Личностное сознание формируется через взаимодействие субъектов с помощью языка и деятельности.

¹ Гиренок Ф. И. Ускользящее бытие. — М.: ИФРАН, 1994. — 220 с. — ISBN: 5-201-01856-4. — URL: https://hrono.ru/libris/lib_g/girbytie12.html?ysclid=mkxsq9dmeeca44379894 (дата обращения: 20.01.2026).

Представители археоавангарда определяют человека с позиции «грезящей основы», рассматривая материальность как основу отражения в сновидениях. Ключевая роль отводится сновидениям как «изнанке мира» (Гиренок, 2019. С. 220–229), где происходит реализация «сути человека», а сам «человек есть сингулярное событие» (Гиренок, 2019. С. 220–229). Данное «человек-событие» представлено как «серия взрывов галлюцинаций» (Гиренок, 2019. С. 220–229), которые имеют различные конфигурации и модификации.

«Бытие тождественно мысли о бытии только в том случае, если бытие — это галлюцинация, возвышающий нас обман, а не присутствие присутствующего» (Гиренок, 2019. С. 220–229). Автор обращает внимание на ключевую роль грез и воли, где последняя осуществляет взаимосвязь галлюцинаций и определено «рождение первого человека — это точка сингулярности <...> взрыв галлюцинаций» (Гиренок, 2019. С. 220–229). Таким образом, человек представлен, в понимании Ф. И. Гиренка, как грезящее существо, отстраненное от общества, даже асоциальное. Позиция человека представлена не в историческом развитии, а в горизонтальном аспекте состояния аутизма. Суть последнего заключается в том, что человек, отстраненный от общества, определяет свое внутреннее состояние и поведение. Ф. И. Гиренок не дает ответа на вопрос о взаимодействии человека и общества.

Данная позиция представлена и в абстрактном искусстве, представители которого выражали расхождения между человеком и действительностью, где личность абстрагировалась от мира, а в последующем персонифицировалась в виде абстрактного или геометрического образа. Таким образом формируется «образ личности», отстраняющейся от окружающей действительности и погружающейся в свой внутренний мир, как обозначает Ф. Гиренок, — «мир грез», воображаемый мир.

Ф. Гиренок отводит особое место человеку-аутисту, который, по его мнению, является двигателем в искусстве: «Писать картину — значит смотреть на себя, то есть быть немного аутистом» (Гиренок, 2024. С. 63).

Таким образом, автор на первое место ставит внутренний мир человека, его субъективные видения, эмоции и чувства, исключая объективность. Человек в представлениях Ф. Гиренка — «это чистое самовозбуждение... это возбуждение принимает временную форму, которое не ищет вне себя никакой материи выражения» (Гиренок, 2024. С. 66). Таким образом, представления авангардистов о том, что мир относителен и нет границ между человеком и природой, живы и в неклассической философии. Мир, ценности и сам человек предстают не как полноценный социально-биологический вид, а как элемент «скрытого духовного», образ которого наделен метафоричностью. К тому же автор замечает, что человек бытийствует, исполняя свое бытие как музыкальное произведение» (Гиренок, 2024. С. 66). Таким образом, реальность исчезает, как и время и пространство, формируется идея образа

человека в виде абстракции. Автор призывает «найти свой ритм, свое звучание, свою мелодию» (Гиренок, 2024. С. 66), отстранившись от природного начала и погрузившись в мир сверхчувственного.

По представлениям Ф. Гиренка, мир В. Кандинского взрывается, как «галлюцинация» (Гиренок, 2024. С. 67). Асоциальность человека представлена в философии автора как показатель того, что «в сингулярной точке происходит столкновение тела не с самим собой, а с точкой зрения на себя» (Гиренок, 2019. С. 220–229).

Таким образом, человек отстранен от общества, погружен в мир грез, наделен различными событиями. Именно посредством событий человек и «стал возможен», считает автор. Человек, наделенный событиями, становится «событийным», он включает в себя мысли, переживания, впечатления, определен его внутренний мир.

Антропологический подход Ф. Гиренка авангарден, так как человека он рассматривает как «*единокое сингулярное существо*», а реальность, по его представлениям, исключается, возможно только лишь «чувство реальности» (Гиренок, 2019. С. 220–229).

Заметим, что человек включает два аспекта: духовный (мысли, чувства, ценности) и материальный — «оболочка», биологическое строение человека. Абстракционистов, на примере В. Кандинского, и неклассическую антропологию Ф. Гиренка сближает общий подход в отрицании материальной стороны и обращение в мир духовного, внутреннего, где преобладает «внутренняя символика <...> когда важным становится не само слово, а его “внутреннее звучание”» (Кабанова, 2008. С. 632).

Авторы отказываются от подлинной действительности, конструируют «инобытийность» — например, В. Кандинский: «Подлинная действительность для него целиком сосредоточена во внутреннем мире, что приводит художника к формулировке принципа “внутренней необходимости”» (Кабанова, 2008. С. 636). Ф. Гиренок исключает роль социума для человека, обозначая того «грезящим существом», и определяет элемент асоциальности. Или, как считал К. Малевич, «непременным атрибутом этой инобытийности становится случайность, благодаря флуктуационному действию которой возникает соединение абсолютно разнопорядковых объектов как неких деталей для непрерывного формообразования» (Рейндл, 2015. С. 183–186).

Отказ от эволюционного развития, переход к надындивидуальному уровню прослеживается как у авангардистов, так и в археоавангарде, где «человек — это промежуточное, не эволюционирующее, а трансgressирующее существо, которое находится между природой и социумом» (Гиренок, 2016. С. 12). В дополнение к этому Ф. Гиренок подтверждает, что «...у человека нет сущности, что его место всегда пусто и требует постоянной самоактуализации»

(Гиренок, 2016. С. 15). Позиция данного автора определяет идеалистическое видение данной проблемы.

Человек выступает как сложный многогранный элемент общественных отношений, который является социобиологическим началом, представленным биологической основой (генофондом) и реализацией социального опыта, приобретаемого в процессе жизни и деятельности посредством закономерностей развития общества.

Человек представлен дуалистически, включает как духовную составляющую, так и материальную, где формируется его калокагатия — гармоничное единство души и тела.

Заметим, что образ человека как в археоавангарде, так и в художественном авангарде начала XX века утрачивается в истинном понимании человека, наделенного созидательными и добродетельными аспектами. Личность в классическом понимании философии выступает как высокодуховное существо, наделенное «рациональной душой», где познание и самопознание являются истинной добродетелью человека. Данные аспекты утрачиваются авторами обозначенных концепций. Ключевое место авторы отводят человеку-аутисту, который пребывает в состоянии одиночества и грез. Заметим, что «... в феномене экологии воспроизводят себя люди XX века, ибо они (а не их предки) разорвали веками установившуюся связь между человеком и природой и в этом разрыве построили цивилизацию, в которой они пребывают вне себя, и в этом цивилизованном состоянии слышат голос демона экологии»¹.

Синергийная антропология С. С. Хоружего

С. С. Хоружий является автором синергийной антропологии, в которой определяется новая модель понимания человека.

Автор определяет человека в виде энергийной конфигурации различных энергий, где выявляются различные проявления личности. Данная концепция включает в себя синтез духовных практик и постмодернистских положений. Автор определяет кризис современного общества, проявляющийся в дезориентации и дезтизации. С. Хоружий призывает к духовным практикам, к исихазму. Вторая сторона концепции представлена постмодернистскими аспектами, в которых человек рассматривается как энергийный элемент. Вопрос о сущности человека, личности как субъекта системно-деятельностных отношений, автор не рассматривает.

Особое место в данной концепции автор отводит человеку как энергийному элементу разного уровня сложности. Человек представлен не центрично, а погранично, точнее выступает границей: «Если человека нельзя более характеризовать “центром” — его остается характеризовать “периферией”»,

¹ Гиренок Ф. И. Ускользящее бытие. — М.: ИФРАН, 1994. — 220 с. — ISBN: 5-201-01856-4. — URL: https://hrono.ru/libris/lib_g/girbytie12.html?ysclid=mkxsq9dmeca44379894 (дата обращения: 20.01.2026).

а точнее — границей» (Хоружий, 2005. С. 15). С. С. Хоружий обращает внимание на духовные практики, которые способствуют «размыканию» человека и восхождению к Иному, где происходит соединение энергии человека и энергии Инобытия. Осуществляется выход за пределы собственного, человек становится открытым миру и действительности. Таким образом, человек динамичен.

Данная позиция пересекается с позицией К. Малевича в анализе философского понятия «энергии», где художник в теоретических работах поведствует, что любое действие надделено энергией и является проявлением энергии того или иного тела: «Экономия движения, защита своей энергии, быстрота перемещения неумолимо развиваются в нас — и мы выдвигаем новые обретения, удовлетворяющие их, для чего лишаем энергии предыдущие организмы» (Малевич, 1995. С. 172).

Автор наделяет человека энергией: «Человек — организм энергии, крупица, стремящаяся к образованию единого центра» (Малевич, 1995. С. 181–182). Образ человека представлен как идея, которая выступает в качестве самостоятельной модели, отделенной от природы и мира.

С. С. Хоружий отказывается от таких категорий, как сущность и субъект, которые являются главными аспектами в пояснении любого предмета или явления. Автор предлагает «Антропологическую Границу», которая проявляется в «предельных проявлениях» человека (Хоружий, 2005. С. 17) и выступает местом взаимодействия энергий.

С. С. Хоружий определяет три уровня «размыкания» человека: онтологический, отический (бессознательный) и виртуальный, где последний связан с прогрессом и техницизмом, в котором машина поглощает человека, а культура превращается в антикультуру. Таким образом, виртуальные практики поглощают человека. Особое место автор отводит «онтологическому размыканию», где осуществляется полноценное конструирование нового человека посредством волевого начала и духовных практик. В данном акте наблюдается активное начало человека, в остальном же обозначен пассивный элемент. Человек, таким образом, представлен как онтологический, бессознательный и виртуальный. «Человек-форма носит в себе вечное начало существа, и через экономическое движение в бесконечном его пути форма его так же преобразуется, как все живущее в природе преобразовалось в нем» (Малевич, 1995. С. 208). «Граница же Человека, определяемая как энергийное Третье, промежуточное для этой диады, есть совокупность таких проявлений Человека, в которых совершается его претворение в Инобытие — онтологическое трансцендирование, означающее актуальное изменение, преодоление, трансформацию именно онтологических характеристик Человека, то есть, прежде всего, фундаментальных предикатов конечности и смертности» (Хоружий,

2005. С. 22). Таким образом, посредством онтологического «размыкания» осуществляется выход человека к Инобытию.

К. Малевич раскрывает в своих работах понятие энергии, от которой происходят формы: «Формы произошли от интуитивной энергии, преодолевающей бесконечное, отчего и происходят разновидности форм как орудий передвижения. Шар земной не что иное, как комок интуитивной мудрости, которая должна бежать по путям бесконечного» (Малевич, 1995. С. 168). «Но энергичная сила не знает <ни> народов, ни государств, ни национальностей, потому стремится к высшей и высшей своей централизации» (Малевич, 1995. С. 182).

Таким образом, авторы неклассической антропологии отстраняются, а в последующем и исключают такие понятия, как «материя», «сущность человека», объективная природа человека. Не представлен анализ взаимосвязи человека и общества, а также не обозначены их закономерности развития. Умалчивается авторами и роль человека в социуме как ключевого материального объекта, наделенного сознанием, стремящегося к преобразованию и развитию мира.

Художественный авангард отрицает традиции, ценности, разрушает границы в искусстве и вносит элемент деонтологизации. В результате эти шаги нашли свое отражение в постмодернизме — в более радикальной форме. Но после постмодернизма, по представлениям С. А. Смирнова, наступает «культурная пауза», когда человек вступает в «переходный этап» и осуществляет «поиск собственной идентичности»¹, оказываясь в двойственной позиции: с одной стороны — мировая сеть, с другой — атомарность. «Новый человек и новый мир расплывен, наше сознание не может его еще увидеть в целом, как старый мир видит меня как результат всех усилий его» (Малевич, 1995. С. 213). Идеи перехода к новому обществу и новой культуре были также представлены в трудах авангардистов.

По представлениям С. А. Смирнова, ключевым элементом современности выступает мировая сеть, которая включает риски и возможности для человека: «С одной стороны, это принципиально открытая и бесконечная мировая сеть, которая может стать и паутиной, местом гибели, и пространством для самостановления. С другой стороны, это атомарная личность, которая может стать и террористом, и узурпатором власти, но и показать подвиг подвижничества. То есть это всегда форма возможного человека»². «Человек — это та же вселенная, в нем также живут миллиарды жизней, которые используют его и разрушат, так и человек поступит с тем шариком, на котором живет» (Малевич, 2004. С. 91).

¹ Смирнов С. А. Человек перехода — URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smirnov-sa/chelovek-perehoda> (дата обращения: 23.01.2026).

² Там же.

Таким образом, человек представлен как множество включающих в себя миров. Современное пространство позволяет определить, по С. А. Смирнову, «фигуры идентичности» человека: «человек-челенджер (challenge), человек-койсер (choice), человек-сетевик или networker, человек-понтифик, человек-навигатор»¹. Автор определяет данные «формы-модификации в один проект — человека перехода, или человека-автопойетеса, человека, возделывающего самого себя»². Бытие автор определяет как идею перехода, современный человек представлен как «атомарная личность, пребывающая в большом гетерономном культурном пространстве — в сети, символом и воплощением которой является мировой град, главная культурная форма современного обитания современного человека»³.

Сравнительный анализ концепций

На основании анализа взглядов представителей авангарда, археовангарда, синергичной антропологии и «человека перехода» мы можем заключить, что данные подходы имеют сходство в формировании образа человека, его назначения и роли в жизни общества. Авторы этих концепций определяют несостоятельность традиционного понимания сущности человека и его природы, стремятся осуществить поиск новых уровней бытия человека или выйти за пределы сознания, например, посредством грез и галлюцинаций. Ключевую роль во многом отводят иррациональному, чувствам и эмоциям. Исключая классическое наследие как в искусстве, так и в философской антропологии, данные авторы отклоняют социобиологическое начало человека и его преобразующую роль в обществе, выдвигая такие понятия, как «энергичный элемент», «грезящее существо», человек, стремящийся в Инобытие или в «Ничто».

Обобщим данные положения концепцией «человек перехода», где С. А. Смирнов определяет современное состояние человека как переходное от постмодернизма к новому философско-историческому этапу. Автор не указывает, каким будет новый этап в содержательном аспекте, нет обозначения и временного периода перехода. Современное состояние перехода может быть неопределенным, так как нет точного обозначения, с какого события осуществлять новый отсчет. Автор обращает внимание на элемент перехода как на определенное возрождение целостности человека, где происходит его «оснащение» ценностно-смысловыми элементами и преобразование посредством сознания и социума. Автор не исключает и возможность реконструкции прошлого, обращаясь к анализу собственной архитектоники.

¹ Смирнов С. А. Человек перехода. — URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda> (дата обращения: 23.01.2026).

² Там же.

³ Там же.

Таким образом, данная неопределенность в трактовке образа человека в как в художественном авангарде, так и в современной неклассической антропологии, стирает ориентиры и образцы для общества и самого человека, который пребывает в современной действительности с чувством отчужденности, отстраненности и утраты ценностных основ. Необходимо это устранить, возродить эталоны, нормы и ключевые положения по формированию образа человека как в искусстве, так и в философии. Данным образцом и ключевым элементом выступает калокагатия — идеал гармоничной личности, наделенной физической и духовной сущностью. Калокагатийный человек является образцом не только гражданина в политическом аспекте, как было в античный период, но и активным участником общественной жизни, обладающим нравственными и моральными качествами. Обращение к возрождению калокагатийности способствует формированию образов достойных граждан на примере философии Сократа, Платона, Аристотеля и их последователей. Гармония души, тела и духа — это ключевой аспект и ценностный ориентир для человека современности. В современном обществе намечается поляризация между духовностью человека и его созданным материальным миром. Первостепенное значение технологизации современного мира приведет к утрате духовно-нравственных основ бытия человека, где будет представлено проектирование нового общества с вытеснением биосоциального вида.

Заключение

Таким образом, современная философская антропологическая трактовка человека вбирает в себя аспекты художественного авангарда начала XX века, который отрицает традиционное классическое мировосприятие, отводит приоритет иррационализму, бессознательному, чувственному началу и свободе действий художника с субъективистской трактовкой образа человека. Так, например, К. Малевич формирует образ человека как существа, разрушительного для себя самого и мира, а человеческую культуру считает утилитарной, именуя ее «харчевой».

Определим, что антропология авангардистов, рассмотренная на примере анализа воззрений К. Малевича, представлена в русле радикальной направленности, что в дальнейшем приводит к исключению образа человека в супрематизме, где человек, по представлениям автора, должен преобразиться в «нуль форм». Данная свобода интерпретаций исключает истинные положения классической философии о формировании образа человека, делает возможным отрицать взаимосвязь человека и общества, человека и природы, а также природную сущность человека в виде гармонии души и тела.

Свободу современного человека С. А. Смирнов определяет так: «...это максимальная возможность быть, это состоятельность своего бытия. Его полнота и цельность. Если человек, проделывая практики перехода, живет в нем,

обретая действительную свободу, то он перестает быть временщиком, а начинает просто жить»¹.

Образ человека должен выражаться не в свободной интерпретации субъективистских трактовок, основанных на идеалистическом аспекте, свойственной представителям авангарда и неклассической антропологии и приводящей к многообразию интерпретаций образа человека в философии и искусстве. Образ человека должен соответствовать его духовной сущности, которая путем постижения истины, восприятия красоты, возвращения доброты достигает высшей стадии развития, включая аспекты внутреннего и внешнего развития (души и тела), — того, что у древних греков обозначалось как *καλοκαγαθία* (калокагатия).

Список источников

Гиренок Ф. И. О галлюцинозе сознания // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10, № 2. — С. 85–90. — DOI 10.15643/libartrus-2021.2.2. — EDN ZWVZRN.

Гиренок Ф. И. Философский манифест Московской антропологической школы // Человек.RU. — 2019. — № 14. — С. 220–229. — DOI 10.32691/2410-0935-2019-14-220-229. — EDN EZQUTO.

Гиренок Ф. И. Аутография языка и сознания. — М.: Проспект, 2016. — 255 с. — ISBN: 978-5-392-24225-2.

Гиренок Ф. И. Кандинский и абстрактная живопись // Философия хозяйства. — 2016. — № 2 (104). — С. 221–229. — EDN VUDZOL.

Гиренок Ф. И. Ускользящее бытие / Ф. И. Гиренок. — М.: ИФРАН, 1994. — 220 с. — ISBN 5-201-01856-4. — EDN VYLEWR.

Заровчатская Е. В., Дергачева Е. А. Научно-философские основы социально-технологического развития мира // Проблемы современного антропосоциального познания: Сборник научных статей. — Брянск: Брянский государственный технический университет, 2025. — С. 6–20. — ISBN 978-5-907958-15-9. — EDN HZKTYU.

Кабанова Л. И. Философия творчества художника В. В. Кандинского // Вестник МГТУ. — 2008. — Т. 11, № 4. — С. 631–637. — EDN: JWLTRB.

References

Girenok F. I. On the hallucinosis of consciousness. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Russian Humanitarian Journal*. 2021; 10; 2: 85–90. DOI 10.15643/libartrus-2021.2.2. (In Russ.)

Girenok F. I. The Philosophical Manifesto of the Moscow School of Anthropology. *Man.RU = Man.RU*. 2019; 14: 220–229. DOI 10.32691/2410-0935-2019-14-220-229. (In Russ.)

Girenok F. I. Autography of language and consciousness. *Moskva: Prospekt = Moscow: Prospekt*, 2016; 255 p. ISBN: 978-5-392-24225-2. (In Russ.)

Girenok F. I. Kandinsky and abstract painting. *Filosofiya ekonomiki = Philosophy of Economy*. 2016; 2(104): 221–229. (In Russ.)

Girenok F. I. The elusive existence. *M.: Ifran = Moscow: Ifran*, 1994; 220 p. ISBN 5-201-01856-4. (In Russ.)

Zarovchatskaya E. V., Dergacheva E. A. Scientific and philosophical foundations of socio-technological development of the world. In *Problems of modern anthroposocial cognition: Collection of scientific articles*. *Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet = Bryansk: Bryansk State Technical University*, 2025: 6–20. ISBN 978-5-907958-15-9. (In Russ.)

Kabanova K. L. The philosophy of creativity of the artist V. V. Kandinsky. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*

¹ Смирнов С. А. Человек перехода. — URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smironov-sa/chelovek-perehoda> (дата обращения: 23.01.2026).

- Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. О духовном в искусстве. — М.: АСТ, 2023. — 352 с. — ISBN: 978-5-17-107273-5.
- Малевич К. Бог не скинут. — М.: Директ-Медиа. 2014. — 36 с. — ISBN: 978-5-4475-3026-6.
- Малевич К. С. Черный квадрат. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 284 с. — ISBN: 978-5-91181-872-2.
- Малевич К. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Произведения разных лет: Статьи. Трактаты. Манифесты и декларации. Проекты. Лекции. Записи и заметки. Поэзия. — М.: Гилея, 2004. — 619 с. — ISBN 5-87987-032-4.
- Малевич К. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. — М.: Гилея, 1995. — 393 с. — ISBN 5-85302-025-0.
- Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. / Сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. — М.: Прогресс, 1986. — 640 с.
- Нариньяни А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. — 2008. — № 4. — С. 3–17. — EDN JSGTCF.
- Рейндл М. В. Неклассическая методология К. Малевича: начало постмодернистской парадигмы мышления / М. В. Рендл // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 16. — С. 183–186. — EDN UIQGNL.
- Спирова Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. — М.: Канон+, Реабилитация, 2012. — 336 с. — ISBN: 978-5-88373-307-8.
- Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. — 408 с. — ISBN: 5-94242-014-9.
- Demidenko E. S. Global Human Transformation under Conditions of World Technogenic Development / E. S. Demidenko, E. A. Der-gacheva // International Conference “Responsible Research and Innovation 2016”, 2016. — P. 201–208.
- = *Bulletin of the Moscow State Technical University*. 2008; 11; 4: 631–637. (In Russ.)
- Kandinsky V. V. A point and a line on a plane About the Spiritual in Art. *Moskva: AST = Moscow: AST*, 2023; 352 p. ISBN: 978-5-17-107273-5. (In Russ.)
- Malevich K. S. God is not thrown off. *Moskva: Direct Media = Moscow: Direct Media*. 2014; 36 p. ISBN: 978-5-4475-3026-6. (In Russ.)
- Malevich K. S. Black square. *Sankt-Peterburg: Azbuka-Klassika = St. Petersburg: ABC classics*, 2008; 284 p. ISBN: 978-5-91181-872-2. (In Russ.)
- Malevich K. S. Collected works in five volumes. Vol. 5. Works of different years: Articles. Treatises. Manifestos and declarations of Projects. Lectures. Notes and notes. Poetry. *Moskva: Gilea = Moscow: Gilea*, 2004; 619 p. ISBN 5-87987-032-4. (In Russ.)
- Malevich K. S. Collected works in five volumes. Vol. 1. Articles, manifestos, theoretical essays and other works. 1913–1929. *Moskva: Gileya = Moscow: Gileya*, 1995; 393 p. ISBN 5-85302-025-0. (In Russ.)
- To call a spade a spade: Program speeches by the masters of Western European literature of the XX century / Comp., preface, general editorship by L. G. Andreev. *M.: Progress = Moscow: Progress*, 1986; 640 p. (In Russ.)
- Nariniani A. S. Between evolution and ultrahigh technologies: a new man of the near future. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 2008; 4: 3–17. (In Russ.)
- Reindle M. V. Malevich’s nonclassical methodology: the beginning of the postmodern paradigm of thinking. *Teoriya i praktika sotsial’no-go razvitiya = Theory and Practice of social development*. 2015; 16: 183–186. (In Russ.)
- Spirova E. M. Philosophical and anthropological content of the symbol. *Moskva: Canon+ Reabilitatsiya = Moscow: Canon+ Rehabilitation*, 2012; 336 p. ISBN: 978-5-88373-307-8. (In Russ.)
- Khoruzhy S. S. Essays on synergetic anthropology. *M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy = Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma*, 2005; 408 p. ISBN: 5-94242-014-9. (In Russ.)

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. Washington, 1980. —171 p. — ISBN: 9780930242152.

Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Global Human Transformation under Conditions of World Technogenic Development. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. International Conference “Responsible Research and Innovation”*, 2016: 201–208.

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. *Washington, DC: World Future Society*, 1980; 171 p. ISBN: 9780930242152.

Для цитирования: Кравцова Т. С. Образ человека в художественном авангарде и неклассической антропологии (археоавангард и синергизм) // Гуманитарий Юга России.—2026.—Т.15.—№2(78).—С.131–148. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.10 EDN JGOVXR

История статьи:

Поступила в редакцию — 06.02.2026

Одобрена после
рецензирования — 19.03.2026

Принята к публикации — 20.03.2026

Сведения об авторе

Кравцова Татьяна Сергеевна

соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки»,

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

им. М. И. Платова.

kravtsova.t@yandex.ru

Information about author

Tatyana S. Kravtsova

Postgraduate Student, Department of Social Sciences and Humanities,

Platov South Russian State Polytechnic University

kravtsova.t@yandex.ru

**ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗА ЖИЗНИ
УЧЕНОГО В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ
ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА**

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AS A FACTOR
OF TRANSFORMATION
OF A SCIENTIST'S
LIFESTYLE IN TERMS
OF DIGITALIZATION
OF A TECHNOGENIC SOCIETY**

Г. А. Тюкаева*

ORCID: 0009-0004-0951-5542

Galina A. Tyukaeva*

* *Брянский государственный технический университет
Брянск, Россия*

* *Bryansk State Technical University
Bryansk, Russia*

Цель исследования. Цель данного исследования заключается в выявлении характера направленности изменений образа жизни исследователя под воздействием искусственного интеллекта (ИИ), а также в определении возникающих социотехноприродных противоречий.

Методология исследования. Методологическую основу работы составляет комплексное рассмотрение социально-философского понимания образа жизни, искусственного интеллекта, базирующееся на социотехноприродном подходе. Такой подход позволяет рассматривать взаимодействие социосферы, техносферы и биосферы как целостный процесс.

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что искусственный интеллект в условиях цифровизации техногенного общества выступает не инструментальным, а системным фактором трансформации образа жизни ученого. Показано,

Objective of the study. The purpose of this study is to identify the nature of the orientation of changes in the researcher's lifestyle under the influence of artificial intelligence (AI), as well as to identify emerging sociotechnological and natural contradictions.

Methodological basis of the study is an interconnected consideration of the socio-philosophical understanding of lifestyle, artificial intelligence, based on a sociotechnological approach. The latter approach allows us to consider the interaction of the sociosphere, technosphere and biosphere as an integral process.

Results of the study. The study found that artificial intelligence in the context of digitalization of a technogenic society is not an instrumental, but a systemic factor in the transformation of a scientist's lifestyle. It is shown that the introduction of AI is accompanied by a redistribution

что внедрение ИИ сопровождается перераспределением когнитивных функций между человеком и техносферой, изменением структуры профессиональной деятельности, форм научной коммуникации и распорядка дня. Обосновано, что данные изменения носят социотехноприродный характер, затрагивая одновременно социосферу, техносферу и биосферу. Выявлены противоречия, связанные с алгоритмической зависимостью, цифровым неравенством, рисками конфиденциальности и усилением техноопосредованности научного познания.

Перспективы исследования связаны с анализом гибридных форм человеко-машинного взаимодействия и трансформации профессиональной идентичности ученого в цифровом техногенном обществе, а также с разработкой философских и этических регулятивов, определяющих границы делегирования интеллектуальных функций искусственному интеллекту и обеспечивающих сохранение антропологической целостности субъекта научной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образ жизни, социотехноприродный подход, цифровое общество, техногенное общество

of cognitive functions between humans and the technosphere, a change in the structure of professional activity, forms of scientific communication and daily routine. It is proved that these changes are sociotechnological in nature, affecting simultaneously the sociosphere, technosphere and biosphere. Contradictions related to algorithmic dependence, digital inequality, privacy risks, and the increasing technology-mediated nature of scientific knowledge have been identified.

Prospects of the study are related to the analysis of hybrid forms of human-machine interaction and the transformation of a scientist's professional identity in a digital technogenic society, as well as the development of philosophical and ethical regulations that define the boundaries of delegating intellectual functions to artificial intelligence and ensure the preservation of the anthropological integrity of the subject of scientific activity.

Keywords: artificial intelligence; lifestyle; sociotechnological approach; digital society; technogenic society

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) становится одним из ключевых факторов трансформации современного научного познания. В условиях цифровизации техногенного общества наука всё в большей степени опосредуется интеллектуальными системами, алгоритмами обработки данных и распределенной вычислительной инфраструктурой, что приводит к изменению способов производства знания, форм научной коммуникации и профессиональной идентичности исследователя. В этой связи особую актуальность приобретает социально-философский анализ трансформации образа жизни ученого как целостной формы жизнедеятельности, формируемой на пересечении профессиональных, социальных и технократических факторов.

Традиционные исследования философии науки, как правило, фокусируются либо на эпистемологических аспектах познания, либо на институциональной организации научной деятельности, оставляя в тени вопрос о том, каким образом трансформация технологий влияет на образ жизни самого субъекта научного знания. Между тем, как показывает исторический опыт, изменения в средствах и условиях познания неизбежно отражаются на структуре повседневной деятельности ученого, его телесных практиках, формах социальной коммуникации и ценностных ориентирах. В эпоху искусственного интеллекта данная проблема приобретает особую остроту, поскольку ИИ выступает не только инструментом, но и активным фактором перераспределения когнитивных функций между человеком и техносферой.

Теоретико-методологические основания исследования образа жизни ученого

Методологической основой данного исследования выступает интеграция категориального аппарата философской социологии и концепции социотехноприродного подхода, позволяющая осуществить комплексный анализ трансформации образа жизни ученого в условиях цифровизации техногенного общества.

Ключевой категорией данного исследования выступает понятие «образ жизни», описываемое в философско-социологической традиции как целостная система типичных видов жизнедеятельности индивида или социальной группы, взятая в единстве с условиями жизни (Образ жизни, 1983. С. 446). Данная категория позволяет комплексно рассматривать основные сферы человеческого бытия: труд, быт, общественную жизнь и культуру. Принципиально важно, что образ жизни не сводится к набору внешних обстоятельств, а отражает способы воспроизводства личности и социальных групп в конкретной исторической эпохе.

Профессия в данном контексте выступает одним из ключевых факторов формирования образа жизни. Как отмечает В. С. Иванова, профессиональная деятельность способна становиться смыслообразующим элементом жизненного пути человека, трансформируя его мировоззрение, ценности и повседневные практики (Образы будущего..., 2022. С. 232–234). В отношении научной деятельности это означает, что образ жизни ученого формируется на пересечении профессиональных норм, когнитивных практик и социальных ожиданий, а потому подвержен историческим и технологическим изменениям.

В рамках данного исследования искусственный интеллект понимается как совокупность технологических решений, способных воспроизводить когнитивные функции человека — в частности, обучаться автономно и находить решения в условиях отсутствия четко заданного алгоритма, а также

достигать при решении конкретных задач качества результатов, не уступающих уровню человеческой интеллектуальной деятельности¹. При этом искусственный интеллект следует рассматривать не только как инструмент, но и как фактор, изменяющий структуру познавательной деятельности и формы взаимодействия человека.

Для анализа трансформации образа жизни ученого под воздействием искусственного интеллекта мы используем социотехноприродный подход, разработанный признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школой социально-техногенного развития мира при Брянском государственном техническом университете (основатель — профессор Э. С. Демиденко), к которой относится автор статьи. Согласно данной концепции, социосфера, биосфера и техносфера рассматриваются как взаимосвязанные компоненты, взаимодействие которых порождает сопряженные социотехноприродные трансформации (Демиденко, 2011). Такой подход позволяет анализировать изменения социального мира в целостности, что представляется перспективным для анализа образа жизни ученого.

Методологически значимым является уточнение периодизации общественного развития. В классической концепции Д. Белла выделяется аграрное, индустриальное и постиндустриальное общества, что позволяет сосредоточиться преимущественно на социотехнических изменениях (Bell, 1973). Представители нашей научно-философской школы предлагают рассматривать индустриальную и постиндустриальную стадии как этапы техногенного общества: соответственно индустриально-техногенное и постиндустриально-техногенное общества (по концепции Е. А. Дергачевой) (Дергачева, 2024). Понятие «техногенный», введенное в научно-философский оборот академиком В. С. Степиным в контексте исследования современной цивилизации, фиксирует качественно новое состояние общества, характеризующееся доминированием техносферы, ее воздействием на биосферу и трансформацией человека как биосоциального существа (Степин, 1989).

Таким образом, интеграция философско-социологического понимания образа жизни с социотехноприродным подходом позволяет рассматривать искусственный интеллект не как частный инструмент научной деятельности, а как системный фактор техногенного развития общества, трансформирующий когнитивные практики, профессиональные нормы и способы воспроизводства образа жизни ученого в цифровую эпоху.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 — URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/3-1.pdf?ysclid=mmuj73jcgx676442763> (дата обращения: 3.02.2026).

Трансформация образа жизни ученого в исторической перспективе

Историческая эволюция образа жизни ученого отражает не только смену социально-экономических формаций, но и глубокие трансформации в способах познания, организации труда и взаимодействия с окружающим миром. Как можно понять, исходя из работы К. Р. Гибсон «Истории великих ученых...» (Gibson, 1921), не существует единого образа жизни ученого — он формируется в конкретных исторических контекстах и отражает характер отношений между знанием, властью, техникой и природой. В этом случае проследим ключевые векторы трансформации образа жизни исследователя от аграрного к постиндустриальной-техногенному обществу (по классификации Е. А. Дергачевой) (Демиденко, 2023).

В аграрном обществе от Античности и Средневековья и до промышленной революции образ жизни ученого формировался в русле философско-созерцательной традиции и был тесно связан с религиозными и аристократическими институтами. Уже в пифагорейском союзе (VI в. до н.э.) образ мыслителя понимался как целостная система жизнедеятельности, ориентированная на духовное и физическое самосовершенствование. Французский философ П. Адо (1922–2010), анализируя античную традицию, ввел понятие «философия как образ жизни». Он подчеркивал, что для античных мыслителей философия была не столько совокупностью теорий, сколько практикой духовного и интеллектуального совершенствования через «духовные упражнения» — размышление, саморефлексию и диалог (Hadot, 1995). Распорядок пифагорейцев, включавший период молчания, слушание музыки, прогулки, посещение храма и лекций, демонстрирует организованный характер такой жизни (Gibson, 1921. С. 8). В модифицированном виде эти установки сохранились в средневековой схоластике, где ученые-клирики вели преимущественно монастырский образ жизни. В эпоху Возрождения (XV–XVI вв.) представления об ученом трансформировались в фигуру придворного мудреца.

В позднем аграрном обществе начинается трансформация образа жизни ученого, связанная с секуляризацией науки и развитием экспериментального метода. Если в Средневековье интеллектуальная деятельность была сосредоточена в религиозных институтах, то в XVII в. наблюдается переход к новой модели: еще в XII в. в Болонье появляется университет, схожий с современными (Burke, 1985). Исследования В. Фигероа показывают, что в раннее Новое время рост числа творческих работников сопровождался усилением их профессиональных преимуществ. Концентрация ученых в городах способствовала обмену знаниями и развитию взаимодействия. В частности, переезд в Лондон обеспечивал прирост публикационной активности в среднем на 37%¹.

¹ *Figueroa V. Intellectual Life in Early Modern Europe // Broadstreet 2025. 28 Apr. — URL: <https://www.broadstreet.blog/p/intellectual-life-in-early-modern> (дата обращения: 01.02.2026).*

Этот период характеризовался формированием двух параллельных моделей: ученого-экспериментатора, самостоятельно проводящего опыты и часто совмещающего науку с иной деятельностью, и ученого-джентльмена, для которого наука являлась основной формой самореализации (Gibson, 1921).

Переход к индустриально-техногенному обществу (XVIII–XX вв.) радикально изменил образ жизни ученого, институционализировал научную деятельность и сделал ее профессиональным занятием. Формирование академий наук, университетских исследовательских центров и лабораторий обеспечило материальную базу исследований, одновременно сделал деятельность более регламентированной и связанной с преподаванием. Показателен пример Дж. Пристли (1733–1804), который совмещал интенсивную педагогическую нагрузку с научными изысканиями, уделяя исследованиям лишь оставшееся после преподавания время (Gibson, 1921. С. 65).

Постиндустриально-техногенное общество характеризуется возрастанием роли информатизации, знаний и интеллектуальных технологий, что ведет к дальнейшей трансформации образа жизни ученого. При этом сохраняется высокая интенсивность: работа с раннего утра до вечера (Бровина, 2018). Наука становится коллективной и глобальной, анализ 89 млн научных статей фиксирует рост соавторства, увеличения числа авторов на статью и формирование международных коллабораций¹. Все перечисленное, на наш взгляд, связано с развитием транспорта, средств связи, а в XXI в. — интернета, обеспечивших мгновенную коммуникацию в мировом масштабе. В результате образ жизни ученого смещается от модели «гения-одиночки» к фигуре «сетового сотрудника» — участника глобальных исследовательских коллективов, чья повседневность определяется постоянным взаимодействием и координацией.

При этом, как отмечают Ю. Донг, Х. Ма и др., меняется характер научной рефлексии: происходит переход от «близорукого» цитирования недавних работ к «глубокому» — обращению к классике, а доля самоцитирования снижается, что свидетельствует о росте открытости и диалогичности научного сообщества². По нашему мнению, более глубокое обращение к источникам для цитирования обусловлено развитием различных систем. К примеру, оцифровка (перевод в электронный формат) старых изданий не только помогает сохранить их, но и делает более доступными для широкого круга лиц. А системы поиска — от специализированных библиотечных программ до обычных интернет-поисковиков — позволяют находить нужные материалы за считанные секунды.

¹ Dong Y., Ma H., Shen Z., Wang K. A Century of Science: Globalization of Scientific Collaborations, Citations, and Innovations // arXiv.org. 2017. — URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1704.05150> (дата обращения: 20.10.2025).

² Dong Y., Ma H., Shen Z., Wang K. A Century of Science: Globalization of Scientific Collaborations, Citations, and Innovations // arXiv.org. 2017. — URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1704.05150> (дата обращения: 20.10.2025).

Развитие постиндустриально-техногенного общества характеризуется доминированием информационных технологий и формированием инфосферы, о чем пишет в своей диссертации Н. Н. Лапченко (Лапченко, 2011). Так, сейчас мы переходим к цифровому обществу как одной из ступеней развития постиндустриально-техногенного, где одной из основополагающих технологий становится искусственный интеллект, который представляет собой не просто инструментальное средство, но преобразующий фактор, влияющий на когнитивные навыки людей в целом и ученого в частности, а также воздействующий на организацию исследовательского процесса и формы научной коммуникации. С точки зрения социотехноприродного подхода данная трансформация проявляется в изменениях в каждой сфере: в социосфере (коллективные формы научной деятельности), техносфере (цифровые инструменты и инфраструктура) и биосфере (отношением к природе, а также телесные практики и здоровье). Исследования компании Wiley демонстрируют стремительный рост внедрения ИИ в деятельность ученых. Так, с 2024 по 2025 год процент исследователей, использующих инструменты искусственного интеллекта, вырос с 57% до 84%, при этом 85% опрошенных говорили о повышении эффективности своей работы¹.

Если же рассматривать цели использования искусственного интеллекта, то в статье Д. Купченко приводится статистика на основе данных Министерства науки и высшего образования на 2025 г.: 37% ученых применяют ИИ для проверки работ на плагиат, 24% — для анализа больших данных, 18% — для библиографической проработки². Такая автоматизация высвобождает когнитивные ресурсы для творческих задач, а именно: постановки гипотез, интерпретации результатов, междисциплинарного синтеза, что соответствует переходу от исполнительской к проектной роли ученого.

Социотехноприродные противоречия трансформации образа жизни ученого

Описанная выше трансформация образа жизни ученого носит противоречивый характер и не может быть интерпретирована исключительно в категориях технического прогресса. С позиции социотехноприродного подхода данные изменения затрагивают одновременно социосферу, техносферу и биосферу, формируя сложный комплекс взаимосвязанных эффектов. Образ

¹ AI Adoption Jumps to 84% Among Researchers as Expectations Undergo Significant ‘Reality Check’: [пресс-релиз] / Geena De Rose // Wiley Newsroom: Hoboken N.J.: Wiley, 2025. 7 Oct. — URL: <https://newsroom.wiley.com/press-releases/press-release-details/2025/AI-Adoption-Jumps-to-84-Among-Researchers-as-Expectations-Undergo-Significant-Reality-Check/default.aspx> (дата обращения: 02.02.2026).

² Купченко Д. Наука в эпоху ИИ // Ведомости. 26 ноября 2025. — URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2025/11/26/1157635-nauka-epohu> (дата обращения: 26.12.2025).

жизни ученого в этих условиях становится полем пересечения позитивных возможностей и новых рисков, требующих социально-философского осмысления.

Функционирование систем искусственного интеллекта (их создание, обучение) требует значительных мощностей (оборудование, электроэнергия), что оказывает отрицательное влияние на биосферу (Тюкаева, 2025), а также ограничивает самостоятельное создание ИИ учеными и лабораториями. В результате исследователи вынуждены обращаться к внешним онлайн-платформам, что порождает риски конфиденциальности и утраты контроля над данными.

Тем самым возникает противоречие между высоким потенциалом ИИ и его ограниченной доступностью. По данным исследования НИУ ВШЭ (2025), обеспеченность российских научных организаций ИИ-системами составляет 2,6 балла из 5¹. Это создает цифровое неравенство среди исследовательских коллективов и формирует барьеры для полноценного внедрения интеллектуальных систем в научную деятельность.

Может возникнуть риск техноопосредованной зависимости ученого от алгоритмов и программных решений, логика которых нередко остается непрозрачной. Искусственный интеллект, будучи частью техносферы, начинает не только обслуживать научное познание, но и косвенно формировать его направления, приоритеты и стандарты, что ставит вопрос об ответственности, доверии и границах делегирования интеллектуальных функций машине.

Противоречия проявляются и в биосферной составляющей образа жизни ученого. Хотя делегирование рутинных операций ИИ должно снижать психоэмоциональное напряжение, эмпирические данные свидетельствуют об обратном: более 74% научных сотрудников находятся в субдепрессивном состоянии, около 73% не выполняют программу физических упражнений, а 71% не имеют серьезной физической нагрузки (Васильев, 2022).

ИИ-инструменты устраняют естественные паузы традиционной работы и переводят исследователя в режим постоянной когнитивной вовлеченности, усиливая отчуждение от собственного тела. В результате формируется кризисный паттерн: интеллектуальная перегрузка при дефиците физической активности, отсутствие стресс-менеджмента и эмоционального благополучия. Таким образом, техноопосредованный характер научной деятельности может способствовать малоподвижному образ жизни, длительному пребыванию перед экраном мониторов, нарушению циркадных ритмов, что негативно влияет на телесные практики и здоровье ученого.

¹ Искусственный интеллект в науке / Е. А. Стрельцова, Е. В. Попов, М. А. Гершман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т статист. исслед. и экономики знаний. М.: НИУ ВШЭ, 2025. 13 февр. (Серия информационно-аналитических материалов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ; № 16). — URL: <https://issek.hse.ru/news/1015931860.html> (дата обращения: 26.01.2025).

Заключение

Проведенный социально-философский анализ показывает, что искусственный интеллект в условиях цифровизации техногенного общества выступает не просто техническим средством оптимизации научного труда, а системным фактором трансформации образа жизни ученого, затрагивая структуру времени, формы коммуникации и способ существования человека.

Эти изменения носят противоречивый характер: расширяя познавательные возможности и стимулируя коллективные формы исследования, искусственный интеллект одновременно усиливает техноопосредованность и зависимость от цифровой инфраструктуры, включая образ жизни ученого в напряженное взаимодействие социосферы, техносферы и биосферы.

В условиях экспансии ИИ особенно актуальным становится вопрос о границах делегирования интеллектуальных функций машине и сохранении антропологической целостности ученого как субъекта научного познания. Образ жизни исследователя в цифровом обществе требует не только технологической адаптации, но и нормативной, этической и философской рефлексии, направленной на осмысление ответственности человека за результаты научной деятельности и за последствия техногенного воздействия на биосферу.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более деятельным анализом форм профессиональной идентичности ученого в условиях гибридного человеко-машинного познания, а также с разработкой философских и социокультурных регулятивов, способных смягчить негативные эффекты техногенной трансформации образа жизни.

Список источников

Бровина А. А., Миронова Н. П. Образ жизни женщины-ученого в Коми филиале АН СССР в 1950-х гг. (по материалам деловых дневников) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Сборник материалов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 года / Под общей редакцией В. А. Веременко, ответственный редактор С. В. Степанов. — Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. — С. 502–506. — EDN XPNZJZ.

References

Brovina A. A., Mironova N. P. The lifestyle of a female scientist in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in the 1950s (based on business diaries). *Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyy aspekt): Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 15–17 marta 2018 goda = Private and public in the daily life of the Russian population: history and modernity (regional aspect): Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, 15–17 March 2018*. General Ed. V. A. Veremenko, Executive Ed. S. V. Stepanov. *Sankt-Peterburg: Kul'turno-prosvetitel'skoye ob'yedineniye = St. Petersburg: Cultural and Educational Association*, 2018: 502–506. (In Russ.)

Васильев М. Д., Макарова Е. В., Костров А. А. и др. Здоровый образ жизни ученого как фактор профессионального долголетия и эффективности // *Лечащий врач*. — 2022. — Т. 25, № 7–8. — С. 14–20. — DOI 10.51793/OS.2022.25.8.002. — EDN FRTVNE.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование: монография. — М.: URSS, 2023. — 280 с. — ISBN 978-5-9710-8476-1.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. — М., Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. — 388 с. — ISBN 978-5-89838-559-0.

Дергачева Е. А., Колесник Т. А. Модернизация образования в контексте глобальной трансформации общества и биосферы: междисциплинарное исследование: монография. — М.: URSS, 2024. — 216 с. — ISBN 978-5-00237-136-5.

Лапченко Н. Н. Социально-философский анализ информатизации техногенного общества: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук — Брянск, 2011. — 156 с. — EDN QFIQGX.

Образ жизни // *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 839 с. С. 446.

Образы будущего в профессиональной деятельности: Материалы VII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и специалистов, посвященной 100-летию ТвГТУ, 25-летию кафедры психологии и философии ТвГТУ, 50-летию кафедры психологии и философии ТГМУ, Тверь, 04–05 апреля 2022 года. — Тверь: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Тверская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2022. — 436 с. — ISBN 978-5-8388-0257-6. — EDN QIJVON.

Vasiliev M. D., Makarova E. V., Kostrov A. A. A healthy lifestyle of a scientist as a factor of professional longevity and effectiveness. *Lechashchiy vrach = Attending physician*. 2022; 25; 7–8: 14–20. DOI 10.51793/OS.2022.25.8.002. (In Russ.)

Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Bourgeois-man-made destruction of biospheric life and the terrestrial world: an interdisciplinary study: monograph. *Moskva: SSSR = Moscow: URSS*, 2023; 280 p. ISBN 978-5-9710-8476-1. (In Russ.)

Demidenko E. S., Dergacheva E. A., Popkova N. V. Philosophy of socio-technological development of the world: articles, concepts, terms. *Moskva, Bryansk: Izdatel'stvo BGTU = Moscow, Bryansk: Publishing House of BSTU*, 2011; 388 p. ISBN 978-5-89838-559-0. (In Russ.)

Dergacheva E. A., Kolesnik T. A. Modernization of education in the context of global transformation of society and the biosphere: an interdisciplinary study: monograph. *Moskva: SSSR = Moscow: URSS*, 2024; 216 p. ISBN 978-5-00237-136-5. (In Russ.)

Lapchenko N. N. Socio-philosophical analysis of informatization of a technogenic society: specialty 09.00.11 “Social philosophy”: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. *Bryansk*, 2011. 156 p. (In Russ.)

Lifestyle. *Philosophical encyclopedic dictionary*. Chief editors L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. *M.: Sovetskaya entsiklopediya = M.: Soviet Encyclopedia*, 1983; 839 p. (In Russ.)

Images of the future in professional activity: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference of students, undergraduates, postgraduates, young scientists and specialists dedicated to the 100th anniversary of TvSTU, the 25th anniversary of the Department of Psychology and Philosophy of TvSTU, the 50th anniversary of the Department of Psychology and Philosophy of TSMU, Tver, April 04–05, 2022. *Tver': Gosudarstvennoye byudzhethnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshhego professional'nogo obrazovaniya Tverskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya Ministerstva zdravookhraneniya*

Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 3–18. — EDN STTZML.

Тюкаева Г. А., Дергачева Е. А. Искусственный интеллект и экологический образ жизни: как технологии помогают сохранить биоразнообразие // Среда, окружающая человека: природная, техногенная, социальная: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Брянск, 25 апреля 2025 года. — Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2025. — С. 126–132. — EDN IGOBRZ.

Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. N.Y.: Basic Books, 1973.

Burke J. The impact of science on society / J. Burke, J. Bergman, I. Asimov. D.C.: Government Printing Office, 1985. — VI. — 124 с.

Gibson C. R. Stories of great scientists: an interesting account of the lives, endeavours, failures, and successes of the world's great scientists / C. R. Gibson. London: Seeley, Service Co., Limited, 1921. — VIII. — 320 p.

Hadot P. Qu'est-ce que la philosophie antique? / P. Hadot. Paris: Gallimard, 1995. — 464 p.

Rossiyskoy Federatsii = Tver: State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Tver State Medical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2022; 436 p. ISBN 978-5-8388-0257-6. EDN QIJVON. (In Russ.)

Stepin V. S. Scientific knowledge and the values of technogenic civilization. *Voprosy filosofii* = *Questions of philosophy*. 1989; 10: 3–18. (In Russ.)

Tyukaeva G. A., Dergacheva E. A. Artificial intelligence and ecological lifestyle: how technologies help preserve biodiversity. In “Human environment: natural, man-made, social”: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, Bryansk, April 25, 2025. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy inzhenerno-tehnicheskiy universitet = Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology, 2025: 126–132. (In Russ.)

Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.

Burke J. The impact of science on society. D.C.: Government Printing Office, 1985; VI; 124 p.

Gibson C. R. Stories of great scientists: an interesting account of the lives, endeavours, failures, and successes of the world's great scientists. London: Seeley, Service Co., Limited, 1921; VIII; 320 p.

Hadot P. Qu'est-ce que la philosophie antique? Paris: Gallimard, 1995; 464 p.

Для цитирования: Тюкаева Г. А. Искусственный интеллект как фактор трансформации образа жизни ученого в условиях цифровизации техногенного общества // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 149–160.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.11

EDN KCIBEW

История статьи:

Поступила в редакцию — 12.02.2026

Одобрена после

рецензирования — 25.03.2026

Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторах

Тюкаева Галина Александровна

Аспирант Брянского государственного тех-
нического университета

SPIN-код: 4094-9069,

AuthorID: 1255695

miss.tolossky@yandex.ru

Information about authors

Galina A. Tyukaeva

Postgraduate Student, Bryansk State Technical
University

miss.tolossky@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ МЕТОДАМИ LLM: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

SCIENTIFIC DISCOVERIES BY LLM METHODS: FACTS AND INTERPRETATION

В. Ю. Филимонов*

ORCID: 0009-0000-6795-507X

Vladimir Yu. Filimonov*

* *Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия*

* *Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia*

Цель исследования — проведение анализа уровней проявления категорий факта и интерпретации в больших языковых моделях.

Методологическую базу исследования составили разработки категорий модели социального конструктивизма Т. Сейновски, модель сенсорного мышления искусственного интеллекта Д. Дж. Чалмерса, модель этических паттернов искусственного интеллекта В. Н. Соколыч, модель интерпретации текста в системе больших языковых моделей Б. В. Орехова.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило систематизировать проявления свойств факта и интерпретации в следующих представлениях LLM: как интерпретатора мнения личности, как интерпретатора возможной межличностной дискуссии, а также как интерпретатора научных фактов и тематических исследований в рамках информационных баз данных. Определены следующие проблемные направления развития LLM как интерпретатора и концептуальной основы развития области научных открытий: трудности в генерации LLM-контента для редких или малоизученных явлений; некорректные и фальсифицированные

Objective of the study. The analysis of the levels of manifestation of such categories as “fact” and “interpretation” in large language models.

Methodological basis of the study includes the developments of the categories of the social constructivism model by T. Sejnowski, the model of sensory thinking of artificial intelligence by D. J. Chalmers, the model of ethical patterns of artificial intelligence by V. N. Sokolchik, the model of text interpretation in the system of large language models by B. V. Orekhov.

The results of the study. The conducted research allows us to systematize the manifestations of the properties of fact and interpretation in the following representations of LLM: as an interpreter of personal opinion, as an interpreter of possible interpersonal discussion, as well as an interpreter of scientific facts and case studies in the framework of information databases. The following problematic areas of LLM development as an interpreter and a conceptual framework for the development of the field of scientific discoveries are identified: difficulties in generating LLM content for rare or poorly studied phenomena; incorrect and falsified bibliographic references; LLM errors in elementary

библиографические ссылки; ошибки LLM в элементарных заданиях; самостоятельное изобретение LLM новых слов, не свойственных носителям языка.

Перспективы исследования. В рамках исследования сформированы подходы к развитию метафоры о возможности представления факта и интерпретации в виде средств оценки информационных данных больших языковых моделей в различных субъективных формах: от личностной интерпретации к интерпретациям различных массивов крупных научных данных.

Ключевые слова: факт, интерпретация, научные открытия, большие языковые модели, LLM, методы LLM

tasks; independent invention of new words by LLM that are not typical for native speakers.

Prospects of the study. Within the framework of the research, the author forms the approaches to the development of a metaphor about the possibility of representing fact and interpretation in the form of means of evaluating information data from large language models in various subjective forms: from personal interpretation to interpretations of various arrays of scientific data.

Keywords: fact, interpretation, scientific discoveries, large language models, LLM, LLM methods

Введение

Процесс получения научных результатов с целью совершения научных открытий в различных областях — актуальная цель науки не только в ретроспективе, но и в ее современном виде. Развитие инструментов информационного анализа, которые помогают анализировать крупные объемы текстовых данных, а затем их синтезировать, помогает постепенно приближаться к возможности получения генеративных научных данных, а впоследствии — и генеративных научных открытий. В результате такие составные категории научных открытий, как «факт» и «интерпретация», становятся не только инструментом ручного анализа той или иной информации, но и инструментом информационного анализа внутри больших языковых моделей.

Уровни проявления факта и интерпретации в больших языковых моделях

Рассмотрим термины «факт», «интерпретация» и «большая языковая модель» (LLM).

Факт (от лат. *factum* — сделанное, совершившееся) в философии науки — особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание¹.

¹ Факт. Новая философская энциклопедия Института Философии Российской Академии Наук. Институт Философии Российской Академии Наук. — URL: <https://iphras.ru/elib/3147.html>. (дата обращения: 26.07.2025).

Интерпретация (от лат. *interpretatio* — разъяснение, истолкование) — в широком смысле слова истолкование, объяснение какой-либо реальной ситуации или идейной позиции; в качестве специального понятия методологии науки, опирающейся на семиотический анализ языка науки, интерпретация означает процедуру придания смысла формальным конструкциям языка науки, в результате которой последние превращаются в содержательные термины или утверждения¹.

Большая языковая модель (LLM) — это языковая модель, обученная с помощью машинного обучения без учителя на большом объеме текста и предназначенная для решения задач обработки естественного языка, особенно генерации текста².

Поскольку факт и интерпретация способны постепенно переходить в рамки информационной деятельности больших языковых моделей, определим следующие уровни их проявления в данных моделях:

1. LLM как интерпретатор мнения личности

Т. Сейновски, стоя на позициях социального конструктивизма, рассуждает о «социальной нейросоциологии», где искусственные нейросети взаимодействуют с социальными сетями (Сейновски, 2022, С. 25). То есть социальные сети начинают рассматриваться как полноценная платформа для анализа информационных потоков, где базисом служит коммуникация людей на открытой информационной основе — между людьми и между сетевыми сообществами. Фактологические данные свидетельствуют о том, что за полгода использования GPT-4 когнитивные навыки данной нейросети существенным образом регрессировали за счет необходимости работы с несуразными вопросами. Можно свидетельствовать о том, что произошла трансформация нейросети из «супермозга в двоечника-подростка». А может быть, нейросеть притворяется глупой, пообщавшись с другими нейросетями? (Кузьминов, 2024). То есть, в субъектном плане, нейросеть с базисом большой языковой модели может условным образом ассоциироваться с когнитивным статусом объекта интерпретации, в качестве которого выступает та или иная личность. Однако что если этой личностью является известный медийный деятель со значимыми когнитивными способностями?

К примеру, новейшая модель искусственного интеллекта от xAI Grok 4 при ответе на вопросы об израильско-палестинском конфликте, абортах и иммиграционном законодательстве ссылается на посты в социальных сетях

¹ Интерпретация. Новая философская энциклопедия Института Философии Российской Академии Наук. Институт Философии Российской Академии Наук. — URL: <https://iphras.ru/elib/3147.html>. (дата обращения: 26.07.2025).

² Large language model. Wikipedia. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Large_language_model. (дата обращения: 26.07.2025).

с аккаунта Илона Маска. Grok также, похоже, ссылается на позицию Маска по спорным вопросам в новостных статьях¹. В данном случае LLM, как интерпретатор, получает более выраженные управленческие возможности по формированию того или иного научно-образовательного дискурса, где за нейросетью стоит мнение конкретного человека, пользующегося во многом выраженной социальной поддержкой.

В обоих рассмотренных случаях детерминанты «факта» и «интерпретации» размываются, поскольку личностная позиция при их формировании особенно субъективна с точки зрения как эмоционального, так и управленческого подкрепления. Если рассматривать мнение личности как потенциал для развития научных открытий методами LLM, то необходимо использовать методы анализа, которые позволят конкретизировать проявления факта и интерпретации, а также избавиться от их сугубо субъективной трактовки.

Чалмерс склоняется к следующему выводу: «Чистые БЯМ (LLM) (например, мультимодальные модели) могут обладать сенсорным опытом и полноценными сенсорными концепциями, по крайней мере, когда они обрабатывают соответствующие текстовые переводы» (Chalmers, 2023).

Не вдаваясь в подробное критическое рассмотрение аргументации Чалмерса, можно отметить следующее: в трактовке БЯМ как чистого говорящего присутствует прямое указание на способность понимать естественный язык. Если это не просто игра слов, то, как показывает обсуждение в рамках работ Д. В. Зайцева, именно этой способности и недостает языковым моделям (Зайцев, 2024).

Если принять во внимание тот факт, что главным этическим паттерном взаимодействия с ИИ в процессе публикации является полная ответственность автора (человека) как за процесс получения знания, так и за его результат, включая возможные ошибки, фальсификации, предубеждения и т. д., сгенерированные ИИ (Соколичик, 2024), то можно отметить, что ответственность за распространение мнения личности через его интерпретацию посредством LLM смещается в зону ответственности субъекта-пользователя таким интерпретированным мнением.

2. LLM как интерпретатор возможной межличностной дискуссии

И. О. Вагин, российский бизнес-тренер, поделился результатом работы с нейросетью ChatGPT по генерации возможной дискуссии политических лидеров нашей истории: Сталина, Горбачева, Ельцина и Ленина на тему

¹ Grok 4 seems to consult Elon Musk to answer controversial questions. Techcrunch. — URL: <https://techcrunch.com/2025/07/10/grok-4-seems-to-consult-elon-musk-to-answer-controversial-questions/> (дата обращения: 28.07.2025).

«Современная Россия»¹. В рамках приведенной беседы сохраняется дипломатический дискурс, при этом мнение отдельной личности вступает в межличностное взаимодействие с другими мнениями с целью выработки оптимальных и логически связанных положений по тематике беседы. В то же время можно выявить некоторую общность или абстрактность суждений, связанных с общесоциальной оценкой действительности, без значимой конкретизации данных оценок, что, собственно, сохраняет ценность исходного целевого запроса к нейросети.

3. LLM как интерпретатор научных фактов и тематических исследований в рамках информационных баз данных

М. В. Захарова отмечает, что обещаемые создателями ИИ-инструментов преимущества цифровизации исследований посредством внедрения ИИ в научный процесс концентрируются вокруг гипотетического избавления исследователей от рутинных задач и экономии времени, которое предполагается перенаправить на более существенные аспекты исследований, например, анализ, интерпретацию, обобщение данных (Захарова, 2024). В результате интерпретация становится одним из потенциальных векторов развития ИИ, а значит — и больших языковых моделей.

Как отмечает А. А. Бочкова: «Великие ученые — это не просто выдающиеся оптимизаторы обычных задач. Чаще всего великие ученые — это обычные оптимизаторы, решающие необычные оптимизационные задачи... Нормальная наука — это не просто оптимизация и не каталог оптимизационных задач, ожидающих решения. Фундаментальный барьер здесь тот же, что и для ученых в области ИИ: это концептуальная проблема постановки оптимизационной задачи» (Бочкова, 2025). Из концептуальной проблемы такой задачи проистекает актуальность той или иной научной идеи.

В рамках недавно проведенного исследования с задействованием «идейных агентов» на основе LLM и группы научных экспертов, целью которых была разработка инновационно-концептуальных положений области NLP, было выявлено, что идеи, сгенерированные ИИ, получили статистически значимо более высокие оценки по критериям новизны и увлекательности по сравнению с идеями людей. При этом по критерию осуществимости идеи ИИ оказались немного ниже, а по эффективности — немного выше, чем идеи людей, хотя эти различия не были статистически значимыми (Si et al., 2024).

Одновременно с положительными проявлениями LLM как средства научного познания и развития научного знания как такового выделим ряд проблем,

¹ Нейросеть оживила политиков. Дискуссия Сталина, Горбачева, Ельцина и Ленина на тему современная Россия. VC.RU. — URL: <https://vc.ru/id127146/780351-neiroset-ozhivila-politikov-diskussiya-stalina-gorbacheva-elcina-i-lenina-na-temu-sovremennaya-rossiya> (дата обращения: 26.07.2025).

которые препятствует представлению LLM как интерпретатора и концептуальной основы развития области научных открытий:

1. LLM могут с трудом генерировать точный контент для редких или малоизученных явлений, что создает проблемы для информирования об аномалиях или новых открытиях (Baryshnikov, 2024).

2. Некорректные и фальсифицированные библиографические ссылки, безусловно, пока ограничивают положительные стороны таких инструментов, как ChatGPT (Гребенщикова, 2024). Эту проблему подтвердил анализ 115 ссылок из 30 коротких статей по проблемам медицины, сгенерированных ChatGPT-3.5. Каждая статья содержала в среднем $3,8 \pm 1,1$ библиографических ссылок, которые были проверены в нескольких базах данных (Medline, Google Scholar и Directory of Open Access Journals). Среди этих ссылок 47% были сфабрикованы ИИ, 46% были подлинными, но неточными, и только 7% были правильными и точными (Bhattacharyya et al., 2023).

3. Эмпирический анализ, представленный в исследовании Я. Кузьмина и Е. Кручинской, показал, что LLM ошибаются не только в сложных заданиях, но и в элементарных. Подражая поведению Остапа Бендера, они подстраиваются под контекст, но не выявляют научной истины и не используют ее в ответах в качестве норматива (Кузьминов, Кручинская, 2024). Отсюда вытекает ключевой сдерживающий фактор для профессиональной продуктивизации инструментов ИИ.

4. Сетература как конструкт, использующийся в разработках М. А. Черняка и С. А. Морозовой в виде синонима к сетевой литературе, развивается на наших глазах уже в течение 20 лет и активно провоцирует филологов, философов, культурологов, специалистов цифровой гуманитаристики (Digital Humanities) вырабатывать особый терминологический аппарат (Черняк, Морозова, 2024). «Все основные понятия филологии: “читать”, “писать”, “текст”, “интерпретация” — приобретают новый смысл в электронной вселенной и подчас даже требуют другой терминологической артикуляции», — отмечает М. Эпштейн (Эпштейн, 2019, С. 16). Однако такая артикуляция должна находить надлежащее фактологическое подкрепление, а не становиться чем-то лингвистически сторонним. К примеру, автор поста из сообщества «Бюро переводов и школа переводчиков “Альянс ПРО”» социальной сети «ВКонтакте» отмечает следующее: «Еще одна болячка у LLM-ок — они любят изобретать слова, которые теоретически могли бы появиться у носителей, но тем не менее пока не появились»¹. В данном случае примечательным является справедливое замечание Б. В. Орехова: «По всей видимости, логическая процедура, выясняющая отчуждаемость знания от высказывания на формальном языке, состоит в установлении возможности создания

¹ Бюро переводов и школа переводчиков «Альянс ПРО»: Запись на стене vk-сообщества. — URL: https://vk.com/wall-72004531_8549 (дата обращения: 29.07.2025).

нарратива, который бы переформулировал такое высказывание, и в том, насколько такой нарратив равнозначен этому высказыванию. Если парафразистический нарратив возможен и если он равнозначен высказыванию на формальном языке, то и знание в естественных науках принципиально отчуждаемо от текста» (Орехов, 2024).

С целью поступательной разработки указанных проблемных положений в настоящее время создаются инструменты повышения качества обработки фактологических и интерпретируемых информационных материалов в архитектурах больших языковых моделей:

1. Разработана модель с говорящим названием «SAFE» (безопасность, Search-Augmented Factuality Evaluator, оценщик фактов с расширенным поиском). Используется большая языковая модель, чтобы разбить ответ на набор отдельных фактов и затем оценить точность каждого, отправив его на проверку в поисковик Google. Ответ на промпт (запрос) мог быть релевантным, нерелевантным, и каждый релевантный ответ оценивался как «поддерживаемый» и «неподдерживаемый» фактами. Также оценка качества модели учитывает процент подтвержденных фактов в ответе (точность) и долю ответов с предпочтительной длиной ответа для пользователя (Wei et al., 2024). Система «SAFE» позволяет постепенно вырабатывать подходы и методологии, которые могут послужить составными компонентами больших языковых моделей, генерирующих научный контент; при этом фактологическое подкрепление может служить косвенным инструментом повышения этического соответствия сгенерированных данных. Вместе с тем возможность работы с системами по типу «SAFE» способна служить не только средством фактологической поддержки систем с генерацией научных данных, но и средством популяризации повышения качества работы с этими данными через положительную или отрицательную фактологическую обусловленность — таким образом, пользователи моделей типа «SAFE» и возможных ее агентских исполнений могут со временем вырабатывать свой уникальный стиль работы с данными, имеющими фактологическую платформу, а значит, такой стиль может быть потенциально перенесен на системы генерации именно научного контента, и такой контент в перспективе может иметь более выраженную уникальность.

2. Исследователи из Университета Монаша создали искусственный интеллект, способный самостоятельно совершать научные открытия. Их программный продукт LLM4SD (Large Language Model for Scientific Discovery) обладает возможностью не только выполнения уже традиционных аналитических манипуляций с входящими информационными данными, но и способностью формирования в качестве надстройки над ними тех или иных гипотез. В отличие от существующих инструментов проверки гипотез, LLM4SD детально объясняет логику своих рассуждений. Прозрачность механизма

принятия решений позволяет исследователям проверить правильность выводов и избежать «галлюцинаций» — ошибочных заключений, которыми часто грешат нейросети (Zheng et al., 2023). Значимая степень проработки проблемы галлюцинаций может стать одним из ключевых моментов повышения степени доверия не только к самому программному продукту LLM4SD, но и ко всем его агентским и субагентским надстройкам — таким образом, рассмотренный программный продукт обладает потенциалом разработки перспективных научных направлений, построения самостоятельных систем и научных концепций как в прямом формате — методами исключительной программной генерации, так и в непрямом — когда на определенном этапе генерации вводятся пользовательские правки.

3. Последние достижения в области больших языковых моделей (LLM) значительно ускорили автоматизацию научных исследований, но в то же время вызвали серьезные опасения с точки зрения этики и безопасности. Чтобы систематически решать эти проблемы, была представлена модель SafeScientist — инновационная система для ученых, работающих с ИИ, которая специально разработана для повышения безопасности и этической ответственности при проведении научных исследований с использованием ИИ. SafeScientist заранее отклоняет задачи, которые не соответствуют этическим нормам или сопряжены с высоким риском, и уделяет особое внимание безопасности на протяжении всего исследовательского процесса (Zhu et al., 2025). Вопрос построения внешних систем оценки степени этичности научных данных является достаточно актуальным, поскольку, с одной стороны, системы генерации научной информации, наподобие LLM4SD, должны располагать внутренними инструментами оценки входных или сгенерированных научных данных на предмет их этической объективности; с другой стороны, внутренние алгоритмы этической оценки могут быть объектами воздействия генеративных манипуляционных техник, вследствие которых вместо генерации данных с этической обусловленностью отдается предпочтение генерации информации, наиболее соответствующей входящему пользовательскому запросу, которая не всегда может сочетать в себе высокую этическую оценку — в рамках этого свойства создание программных помощников формата SafeScientist объективна как для сохранения внутренней научной этики в границах функционирования систем генерации научного контента, так и для сохранения этики в ее этносоциальном содержании по отношению к различным социальным группам пользователей таких систем.

4. В то время как системы искусственного интеллекта демонстрируют экспоненциально растущие возможности, темпы самих исследований ИИ по-прежнему линейно ограничены когнитивными способностями человека, что создает все более серьезные препятствия для разработки. Была представлена модель ASI-ARCH как первая демонстрация искусственного

сверхинтеллекта для исследований ИИ (ASI4AI) в критической области исследования нейронной архитектуры — полностью автономная система, которая разрушает это фундаментальное ограничение, позволяя ИИ внедрять свои собственные архитектурные инновации и посредством этого формировать свои уникальные гипотезы (Liu et al., 2025). В результате модель построения архитектур, приближенных к сверхинтеллекту, с одной стороны становится альтернативным средством оценки эффективности когнитивных человеческих способностей, а с другой стороны выступает как собирательная архитектура больших языковых моделей, в рамках которых системы «сверхинтеллект» и «большая языковая модель» получают более выраженную сопряженность и взаимозависимость. Если рассматривать сверхинтеллект как альтернативу когнитивной модели человека, то в таком случае все созависимые термины со сверхинтеллектом, в частности AGI (Artificial General Intelligence) и ASI (Artificial Superintelligence), способны становиться средствами локального воплощения больших языковых моделей — по итогу, трансформация больших языковых моделей в AGI и ASI может быть взаимобратной в соответствии с контекстом сравнения этих систем.

Заключение

В соответствии с вышесказанным можно сделать вывод, что факт и интерпретация постепенно становятся средствами оценки информационных данных больших языковых моделей при формировании выходных результатов их работы, перемещаясь от трактовки личностного мнения к разработке научных данных из различных научно-информационных баз. Большие языковые модели расширяют возможности использования фактологических и информационных инструментариев с целью формирования потенциально нового научного дискурса. Кроме того, важность рассмотрения факта и интерпретации в системах с генерируемым контентом сопрягается не только с непосредственным получением новых информационных данных — в частности, на примере функционирования системы LLM4SD, — но также и данных, имеющих этическую обусловленность, как это было рассмотрено на примере работы SafeScientist. При этом этическая оценка может создаваться не только в условиях сопряженности с теми или иными категориями, но и как спектр информационных данных, выстроенных в рамках фактологической подкрепленности, — то есть на примере функционирования модели «SAFE». Этическая оценка работы больших языковых моделей может быть двухфакторной — с одной стороны, ее базис может строиться на прямой фактологической оценке генерируемых информационных или научных данных, а с другой стороны, надстройкой над таким базисом может служить оценка в прямых этических категориях с нужными локальными уточнениями, в зависимости от принадлежности сгенерированных данных к той или иной научной системе. Вопросы возможностей

обработки и разработки научных данных в рамках генерации соответствующего контента также сопрягаются с особенностями взаимосвязи систем «большая языковая модель» и «сверхинтеллект» (включая все связанные с ним системы, в особенности AGI и ASI), где структуры сверхинтеллекта являются как альтернативным подходом к оценке эффективности человеческого мышления, так и показателями эффективности локального использования агентов или архитектурных подвидов больших языковых моделей.

Список источников

Бочкова А. А. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем // Надежность. — 2025. — Т. 25, № 1. — С. 46–57. — DOI 10.21683/1729-2646-2025-25-1-46-57. — EDN UGMEEC.

Гребенщикова Е. Г. Научные публикации в эпоху искусственного интеллекта // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. — 2024. — № 11. — С. 39–43. — DOI 10.36535/0548-0019-2024-11-5. — EDN LSYUTU.

Зайцев Д. В. Почему большие языковые модели не (всегда) рассуждают как люди? / Д. В. Зайцев // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2024. — Т. 48, № 1. — С. 76–93. — DOI 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-76-93. — EDN KEJEJL.

Захарова М. В. Интеллектуальные помощники для научного исследования в университетах / М. В. Захарова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, № 4. — EDN GGIFIX.

Кузьминов Я., Кручинская Е. Потенциал генеративного искусственного интеллекта для решения профессиональных задач // Форсайт. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 67–76. — DOI 10.17323/2500-2597.2024.4.67.76. — EDN CZHXZV.

Кузьминов В. Г., Швецов А. А. Искусственный интеллект: техно-лингвистический феномен или нечто большее? // Инновационные технологии в образовательной деятельности: Материалы XXVI Международной научно-методической конференции, Нижний

References

Bochkova A. A. Artificial intelligence: strategies and methods for solving complex problems. *Nadezhnost = Reliability*. 2025; 25(1): 46–57. <https://doi.org/10.21683/1729-2646-2025-25-1-46-57>. (In Russ.)

Grebenshchikova E. G. Scientific publications in the era of artificial intelligence. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty = Scientific and technical information. Series 1: Organization and methodology of information work*. 2024; 11: 39–43. <https://doi.org/10.36535/0548-0019-2024-11-5>. (In Russ.)

Zaitsev D. V. Why do large language models not (always) reason like humans? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*. 2024; 48(1): 76–93. <https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-1-76-93>. (In Russ.)

Zakharova M. V. Intelligent assistants for scientific research in universities. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024; 12(4). (In Russ.)

Kuzminov Ya., Kruchinskaya E. The potential of generative artificial intelligence for solving professional tasks. *Forsayt = Foresight*. 2024; 18(4): 67–76. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.4.67.76>. (In Russ.)

Kuzminov V. G., Shvetsov A. A. Artificial intelligence: techno-linguistic phenomenon or something more? *Innovatsionnyye tekhnologii v obrazovatel'noy deyatel'nosti: Materialy XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 07 fevralya 2024 goda = Innovative technologies*

Новгород, 07 февраля 2024 года. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2024. — С. 451–460. — EDN BPPVYO.

Орехов Б. В. Текст и знание в аспекте больших языковых моделей / Б. В. Орехов // Историческая информатика. — 2023. — № 4(46). — С. 104–113. — DOI 10.7256/2585-7797.2023.4.44180. — EDN BJBQVB.

Сейновски Т. Антология машинного обучения. Важнейшие исследования в области ИИ за последние 60 лет. — М.: Бомбора, 2022. — 304 с. — ISBN 978-5-04-101347-9.

Соколыч В. Н. Открытая наука и современные научные публикации: этические требования и новые этические проблемы / В. Н. Соколыч // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. — 2024. — № 1(281). — С. 142–148. — DOI 10.52065/2520-6885-2024-281-27. — EDN BAENFW.

Черняк М. А., Морозова С. А. «Свет мой, GPT, скажи...», или Феномен художественного текста постлитературной эпохи / М. А. Черняк, С. А. Морозова // Мир русского слова. — 2024. — № 4. — С. 50–62. — DOI 10.21638/spbu30.2024.406. — EDN WRAQHM.

Эпштейн М. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века / Михаил Эпштейн. — М.: РИПОЛ классик / Панглосс, 2019. — 239 с. — (Серия «ЛекцииPRO»). ISBN 978-5-386-12499-1.

Baryshnikov P. What is scientific knowledge produced by Large Language Models? / P. Baryshnikov // Philosophical Problems of IT & Cyberspace (PhilIT & C). — 2024. — P. 89–103. 10.17726/philIT.2024.1.6.

Bhattacharyya M. High Rates of Fabricated and Inaccurate References in ChatGPT-Generated Medical Content / M. Bhattacharyya, V. M. Miller, D. Bhattacharyya, L. E. Miller // Cureus. 2023. — No. 15(5). — P. e39238. — DOI: 10.7759/cureus.39238.

Chalmers D. J. Does thinking require sensory grounding? From the history of philosophy to artificial intelligence / D. J. Chalmers // PhilArchive. 2023. — P. 22–45.

in educational activity: Proceedings of the XXVI international scientific and methodological conference. Nizhny Novgorod; 2024: 451–460. (In Russ.)

Orekhov B. V. Text and knowledge in the context of large language models. *Istoricheskaya informatika = Historical informatics*. 2023; 4(46): 104–113. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.4.44180>. (In Russ.)

Sejnowski T. The deep learning revolution: the most important AI research over the past 60 years. *M.: Bombora = Moscow: Bombora*, 2022; 304 p. ISBN 978-5-04-101347-9. (In Russ.)

Sokolchik V. N. Open science and modern scientific publications: ethical requirements and new ethical problems. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya = Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*. 2024; 1(281): 142–148. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2024-281-27>. (In Russ.)

Chernyak M. A., Morozova S. A. “Mirror, GPT, tell me...” or the phenomenon of literary text in the post-literary era. *Mir russkogo slova = World of Russian language*. 2024; 4: 50–62. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.406>. (In Russ.)

Epstein M. The future of the humanities: techno-humanism, creatorics, erotology, electronic philology and other sciences of the XXI century. *M.: RIPOL klassik / Pangloss = Moscow: RIPOL Classic, Pangloss*, 2019; 239 p. ISBN 978-5-386-12499-1. (In Russ.)

Baryshnikov P. What is scientific knowledge produced by large language models? *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*. 2024: 89–103. <https://doi.org/10.17726/philIT.2024.1.6>.

Bhattacharyya M., Miller V. M., Bhattacharyya D., Miller L. E. High rates of fabricated and inaccurate references in ChatGPT-generated medical content. *Cureus*. 2023; 15(5): e39238. <https://doi.org/10.7759/cureus.39238>.

Chalmers D. J. Does thinking require sensory grounding? From the history of philosophy to artificial intelligence. *PhilArchive*. 2023: 22–45.

Liu Y., Nan Y., Xu W., Hu X., Ye L., Qin Zh., Liu P. AlphaGo Moment for Model Architecture Discovery. 2025. arXiv. — URL: <https://arxiv.org/abs/2507.18074> (дата обращения: 24.07.2025).

Si Ch., Yang D., Hashimoto T. Can LLMs Generate Novel Research Ideas? A Large-Scale Human Study with 100+ NLP Researchers. 2024. arXiv. — URL: <https://arxiv.org/abs/2409.04109> (дата обращения: 24.07.2025).

Zheng Y., Koh H. Y., Ju J., Nguyen A. T. N., May L. T., Webb G. I., Pan Sh. 2023. arXiv. — URL: https://arxiv.org/abs/2310.07984?utm_source=Securitylab.ru (дата обращения: 24.07.2025).

Zhu K., Zhang J., Qi Z., Shang N., Liu Z., Han P., Su Y., Yu H., You J. SafeScientist: Toward Risk-Aware Scientific Discoveries by LLM Agents. 2025. arXiv — URL: <https://arxiv.org/abs/2505.23559> (дата обращения: 22.07.2025).

Liu Y., Nan Y., Xu W., Hu X., Ye L., Qin Zh., Liu P. AlphaGo Moment for Model Architecture Discovery. 2025. arXiv. — URL: <https://arxiv.org/abs/2507.18074>.

Si Ch., Yang D., Hashimoto T. Can LLMs Generate Novel Research Ideas? A Large-Scale Human Study with 100+ NLP Researchers. 2024. arXiv. — URL: <https://arxiv.org/abs/2409.04109>.

Zheng Y., Koh H. Y., Ju J., Nguyen A. T. N., May L. T., Webb G. I., Pan Sh. P. 2023. arXiv. — URL: https://arxiv.org/abs/2310.07984?utm_source=Securitylab.ru.

Zhu K., Zhang J., Qi Z., Shang N., Liu Z., Han P., Su Y., Yu H., You J. SafeScientist: Toward Risk-Aware Scientific Discoveries by LLM Agents. 2025. arXiv — URL: <https://arxiv.org/abs/2505.23559>.

Для цитирования: Филимонов В. Ю. Научные открытия методами LLM: факты и интерпретация. // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 161–172. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.12 EDN KQERXA

История статьи:

Поступила в редакцию — 13.12.2025

Одобрена после
рецензирования — 05.03.2026

Принята к публикации — 13.03.2026

Сведения об авторе

Филимонов Владимир Юрьевич

Аспирант 3 курса Пятигорского
государственного университета

SPIN-код: 2080-4910

AuthorID РИНЦ: 1199725

fil2016vo@yandex.ru

Information about author

Vladimir Yu. Filimonov

3rd year postgraduate student,

Pyatigorsk State University

WoS ResearcherID: PBV-2236-2025

fil2016vo@yandex.ru

УДК 304.2
DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.13
EDN KZZZGI

Научная статья

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ КАК ТЕОРИЯ СООТВЕТСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ И КУЛЬТУРНО-ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУБЪЕКТА

THE THEORY OF VALUES AS A THEORY OF CORRESPONDENCE BETWEEN CIVILIZATIONAL AND CULTURAL- PERSONAL IDENTITY OF A CIVILIZATIONAL SUBJECT

*О. В. Каширина**

ORCID: 0000-0002-1834-4464

*Н. А. Муликова**

ORCID: 0000-0001-7656-0360

*Olga V. Kashirina**

*Natalia A. Mulikova**

* *Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия*

* *Humanitarian Institute of North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia*

Цель исследования — продемонстрировать эвристический потенциал теории ценностей в качестве диагностического и прогностического инструмента для оценки степени соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности в современном обществе.

Objective of the study is to demonstrate the heuristic potential of value theory as a diagnostic and prognostic tool for assessing the degree of correspondence between civilizational and cultural-personal identities in modern society.

Методологическую базу исследования составляет синтез диалектико-триалектического метода и культурно-временного подхода, позволяющий преодолеть бинарные оппозиции в анализе культурно-личностной и цивилизационной идентичности, исследуя ценности как динамическую, многоуровневую и цивилизационную систему, исторически разворачивающую теорию соответствия,

Methodological basis of the study is based on the synthesis of the dialectical-triadic method and the cultural-temporal approach, which allow us to overcome binary oppositions in the analysis of cultural-personal and civilizational identities by studying values as a dynamic, multi-level, and civilizational system that historically unfolds the theory of correspondence, where identities are presented in the process

© Каширина О. В., 2026

© Муликова Н. А., 2026

где идентичности представляются в процессе непрерывного диалога, опосредованного и измеряемого динамическими ценностными системами.

Результаты исследования. Теория ценностей как теория соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности цивилизационного субъекта является поиском критериев соответствия и несоответствия целесообразного поведения человека пространственно-временным реалиям, «требованиям времени», природе космобиосоциальных целостностей.

Перспективы исследования. Намеченные в исследовании положения позволяют концептуализировать теорию ценностей как теорию соответствия, подкрепляя ее диалектико-триалектическим методом и культурно-временным подходом и построением программы для широкого междисциплинарного исследования. Она переносит ракурс с описания статичных ценностных списков на анализ динамичной системы, связывая воедино цивилизационную и культурно-личностную идентичности цивилизационного субъекта.

Ключевые слова: культурно-временной подход, соответствие / несоответствие, культурно-личностная идентичность, цивилизационная идентичность, теория ценностей, культура самосознания

of continuous dialogue mediated and measured by dynamic value systems.

The results of the study. The theory of values as a theory of the correspondence between the civilizational and cultural-personal identity of the civilizational subject is a search for criteria of the correspondence and non-correspondence of a person's expedient behavior to the spatial-temporal realities, the «requirements of the time», and the nature of cosmobiological entities.

Prospects of the study. The research outlined in the study allows us to conceptualize the theory of values as a theory of correspondence, supported by a dialectical-triadic method and a cultural-temporal approach, and to build a program for broad interdisciplinary research. It shifts the focus from describing static value lists to analyzing a dynamic system that connects the civilizational and cultural-personal identities of the civilizational subject.

Keywords: cultural-temporal approach, conformity/inconformity, cultural-personal identity, civilizational identity, value theory, and self-awareness culture

Введение

Трансформация современного российского общества не могла не повлиять на систему ценностей цивилизационного субъекта. Ценностные ориентации цивилизационного субъекта в пространстве российской цивилизации показывают его стремление не только к получению нового знания, но и соответствие ценностных ориентиров объективной реальности.

При обсуждении потребностей современного цивилизационного субъекта в первую очередь следует отметить потребность в интеллектуальном накоплении. Для ее удовлетворения субъект должен не только адаптироваться к быстроменяющемуся миру, но выработать систему соответствие-несоответствие

между внутренним, внешним и глобальным социальным временем цивилизационного субъекта.

Трансформации, происходящие в современном российском обществе, существенно влияют на становление новых моделей цивилизационной идентичности и конфигурации социокультурной субъективности. Этот процесс сопровождается глубокой переоценкой ценностных оснований и осознанием особых интересов, отдаленных от интересов иных субъектов. Данный процесс протекает в условиях дефицита объективных и консенсусных представлений об общем интересе, который нередко редуцируется до частных интересов отдельных групп, ориентированных на достижение корыстных целей. Следствием этого является формирование феномена конфронтационного плюрализма, отличающегося конкурентной борьбой разнородных элитных групп, каждая из которых стремится к максимизации зоны своего влияния. Разрешение этой конфронтации представляется возможным через консолидацию цивилизационной идентичности, фундаментом для которой должно послужить признание объективной природы общего интереса России в качестве единой цивилизации.

Общий интерес выступает в качестве опосредующего фактора, определяющего влияние социальных общностей как на формирование культурно-личностной идентичности индивидов, так и на поведенческие модели макросоциальных субъектов. В этой связи теоретическая разработка проблемы цивилизационной и культурно-личностной идентичности создает основу для прогнозирования текущих тенденций массового социокультурного поведения. Это в свою очередь обуславливает необходимость интеграции интересов различных групп. Данная задача актуализирует потребность в развитии теории ценностей в качестве концептуального инструмента анализа соответствия между цивилизационной и культурно-личностной идентичностью субъекта.

Основные положения теории ценностей

В этой связи можно выделить ключевые положения теории ценностей как теории соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности.

Во-первых, философия культуры самосознания рассматривает социальные процессы на основе социосинергетики. Механизм развертывания триады целостность — целесообразность — преэссенциальность, в результате которого появляется новое пространственно-временное образование, в разной степени соответствующее каждой из трех составляющих, можно назвать «петлей обратной связи» (Кузьмин, 1996. С. 76), т.е. нелинейным. В философии культуры самосознания этот механизм называется *петлей соответствия*.

Любой социальный процесс, протекающий с участием человека, а следовательно, и процесс образования социокультурных ценностей, есть процесс,

который можно «квалифицировать при помощи нелинейного (а точнее — сферического) механизма соответствия. А поскольку социосинергетика рассматривает социальные системы в качестве диссипативных (неустойчивых, рассеивающих энергию) структур, обладающих когерентностью (согласованным протеканием во времени), то система «социальная целостность — социальная преемственность — социальная целесообразность» структурируется таким образом, что вновь образованная целостность информирована о неустойчивости всей системы и стремится к сохранению пространственно-временной симметрии, т.е. к разной степени соответствия. Поэтому вновь образованные социальной системой структуры, в том числе социокультурные ценности, всегда сложны, иерархичны, асимметричны (частично соответствующие) и всегда сами являются переходными состояниями (вступающими во взаимодействие на новом эмерджентном уровне и образующими новые целостности). Применимость к теории ценностей нелинейного механизма «петли обратной связи» дает возможность квалифицировать ее как теорию соответствия в философии культуры самосознания.

Во-вторых, ценности культуры самосознания, в отличие от научных ценностей (ценностей, знания), обладают специфической характеристикой самосознания — непроясненностью. Непроясненность возникает в истинах самосознания в результате функционирования триады: а) бессмертного прошлого; б) целесообразного будущего; в) случайного настоящего.

Принятие непроясненности в качестве имманентного свойства человеческого познания мира влечет за собой не только критическое переосмысление дискурсов, претендующих на абсолютную ясность, но и трансформацию самой системы ценностей, что в свою очередь детерминирует изменения в социальном поведении. Принципиальная непроясненность характеризует отношения субъекта и объекта. Однако данная эпистемологическая непроясненность не оставляет сознание пустым — она активно заполняется совокупностью образов, идеалов и ценностных конструктов.

Неочевидный образный характер ценностных феноменов актуализирует потребность в разработке четких критериев для верификации их *соответствия* или *несоответствия*. Духовный опыт эпохи, ознаменовавшийся кризисом сциентистского мировоззрения, продемонстрировал ограниченность претензий научного знания и инструментальной рациональности на исключительность. Абсолютизация возможностей науки и техники, характерная для предыдущего столетия, привела к возникновению беспрецедентных антропологических рисков, поставив под вопрос саму возможность дальнейшего существования человечества. Долгое время критерий «истина — не истина» был определяющим в оценке сознания и поведения человека. Теперь более точным критерием целесообразности является критерий «соответствия — несоответствия» (Скворцов, 2018. С. 86–106).

Теория ценностей в философии культуры самосознания является поиском критериев соответствия и несоответствия целесообразного поведения человека пространственно-временным реалиям, «требованиям времени», природе космобиосоциальных целостностей. Иначе говоря, *теория ценностей есть концепция о качественно новых формах духовной самоидентификации личности и общества по принципу «соответствия-несоответствия».*

В-третьих, качественно новые формы духовной самоидентификации обусловлены действием информационных полей: глобальных, цивилизационных (Россия как страна-цивилизация), региональных и локальных. Обусловленность эта выливается в образующуюся по законам социосинергетики триаду социального времени: внутреннего, внешнего и глобального.

Философия культуры самосознания рассматривает общество и человека как открытую диссипативную структуру. В таких структурах «пространство является коллективным фактором существования частей в органическом целом, а время — индивидуальный фактор существования органического целого, динамика его изменения как целого» (Кузьмин, 1996. С. 71–72).

Применяя концепцию внутреннего системного времени Пригожина к открытым диссипативным системам, способным к самоорганизации, М. В. Кузьмин делает вывод об иерархии систем и соответственно иерархии внутренних времен, которые взаимосвязаны между собой (по типу подчинения). Он уточняет слова Лосева о том, что хаос структурируется космосом, так: «хаос локально структурируется космосом в целом». М. В. Кузьмин выдвинул новую концепцию экстатического времени, в рамках которой субъективное переживание временного потока индивидом характеризуется одновременным присутствием разнонаправленных временных векторов, различающихся фазами и темпами. Данный политемпоральный опыт, согласно М. В. Кузьмину, служит основанием для построения иерархии «экстатических времен» (Кузьмин, 1996. С. 77).

Применяя новые положения основанного М. В. Кузьминым *темпорального синергизма* к социальным процессам, можно прийти к выводу, что социальное самосознание, как на массовом, так и на индивидуальном уровне, формирует интегративное восприятие социального времени. Данное восприятие синтезирует два аспекта: пространственный, обусловленный коллективными факторами сосуществования элементов в социальной системе, и временной, определяемый индивидуальными факторами бытия личности и социума, а также динамикой их трансформации как целостных сущностей. Это единство отражается в индивидуальном и массовом самосознании как социальная информация (правда) — с положительным или отрицательным значением. Философия культуры самосознания рассматривает социальное время цивилизационного субъекта в качестве экстатического пространства-времени, обладающего свойствами информативности (генетической,

социальной и т.п.), иерархичности, бифуркационности, столкновения состояний (конфликтности) и другими свойствами внутренних системных времен. При этом триада социального времени — внутреннего, внешнего и глобального (метавнешнего) — образует новое, четвертое, синтезное образование — *циклоритмозадающее время* человека и общества, являющееся пространственно-временным образованием. Термин «социальное время» рассматривается фактически для обозначения единства пространства-времени исторического субъекта, в котором пространство отражает коллективный, а время — индивидуальный аспект. Социальное циклоритмозадающее время исторического субъекта может быть структурировано как внутреннее, внешнее и глобальное.

Социальные ценности в философии культуры самосознания выражают соответствие-несоответствие между внутренним, внешним и глобальным социальным временем цивилизационного субъекта. При этом собственное значение социальных ценностей (диалектическое внутреннее конструирование отдельно существующего, образование «самости», специфичности, оценки, символа) и собственные их функции (триалектический «переход», внешнее воздействие на другой процесс, образование идеала) развиваются в диапазоне от минимума несоответствия (невозможного, не ценного) до максимума соответствия (целесообразного, сильно ценного или «бесценного»).

Социальные ценности в их *собственном значении* структурируются дихотомией сознания субъекта: знание-самосознание. Информационная реальность, репрезентируя общий уровень культурного самосознания человечества, осуществляет систематизацию социальных ценностей, приводя разнородные духовные образования к общему информационному знаменателю. Ее ключевая роль заключается в объективной репрезентации содержания ценностей, а не в их субъективной интерпретации или оценке. Сама оценка заложена здесь в скрытом виде как проекция надындивидуальных потребностей и интересов. Для личности это знание существует в модусе потенциально релевантных и иррелевантных информационных сообщений. Собственное значение эта информация приобретает, только проходя через самосознание индивида. Она становится фактором самоопределения. Но теперь уже самоидентификация происходит не по типу разделения на истину и не истину, а по принципу соответствия / несоответствия. Здесь *критерием выступает сам субъект, его самочувствие*.

Информационная реальность уравнивает все смыслы. Внешнее и метавнешнее (глобальное) время субъекта содержит «независимую» информацию. Функциональный смысл информации придает субъект во внутреннем времени. Реализация информации происходит в циклоритмозадающем времени субъекта, в зависимости от степени открытости — замкнутости субъекта, его темпорального эгоцентризма. Истоки духовного кризиса субъекта лежат

в бифуркационном «разрыве» времен. Итак, потенциально равнозначные ценности структурируются в ценностные ряды — иерархию ценностей, в зависимости от придания им функциональных смыслов историческим субъектом, т.е. от уровня культуры его социального самосознания.

Заключение

Таким образом, процесс образования ценностей есть процесс прохождения информации через знание и самосознание цивилизационного субъекта (личности, социума, человечества в целом), при котором происходит ее структурирование и превращение в циклоритмозадающие факторы. Можно предположить, что в глобальном времени субъекта она квалифицируется как потребности (ценности-объекты), во внешнем — как интересы (ценности-нормы), во внутреннем — как оценки, в результате этого процесса происходит реализация информации (имманентный процесс преемственности) и образуются циклоритмозадающие ценности (целесообразность), регулирующие поведение и деятельность субъекта.

Итак, философия культуры самосознания рассматривает теорию ценностей как теорию соответствия. Ценности — это циклоритмозадающие факторы, являющиеся феноменами социального самосознания исторического субъекта в качестве предповеденческой структуры, соответствующей его потребностям, интересам и оценкам. Развиваются они в социальном времени, которое представляет из себя синтез пространственных (придающих коллективный смысл, собственное значение) и временных (придающих индивидуальный смысл, собственные функции) характеристик «петли соответствия».

В этом смысле философия культуры самосознания есть философия соответствия: диалектики и триалектики как методов, утверждающих соответствие структуры и функций; соответствия внутреннего, внешнего и глобального аспектов социального времени и т.п. По большому счету, гуманитарный смысл всякого бифуркационного социального процесса (кризиса) есть нарушение соответствия. Философия культуры самосознания рассматривает информационную реальность и иерархию информационных полей в ней (личностных, локальных, региональных, цивилизационных, глобальных) в качестве системообразующих факторов в процессе формирования циклоритмозадающих ценностей, а также в качестве главного средства ликвидации социального несоответствия, нецелесообразности.

Развивая теорию ценностей как теорию соответствия, философия культуры развивает диалектико-триалектический метод и демонстрирует главную задачу философии культуры самосознания: придание научному знанию (отражающему собственное значение окружающего мира) гуманитарного смысла (собственных функций), утверждая единство Мира и Человека, их основные свойства — целостность, целесообразность и преемственность.

Список источников

Кузьмин М. В. Экстатическое время // Вопросы философии, 1996. № 2. С. 67–79.
Скворцов Л. В. Цивилизационные опасности: цивилизационная интерпретация. — Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 384 с. — ISBN/ISSN 978-5-98712-833-6.

Для цитирования: Каширина О. В., Муликова Н. А. Теория ценностей как теория соответствия цивилизационной и культурно-личностной идентичности цивилизационного субъекта // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2(78). — С. 173–180.
DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.13
EDN KZZZGI

Сведения об авторах

Каширина Ольга Валерьевна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
SPIN-код: 4641-7391
AuthorID РИНЦ: 151276
okashirina@mail.ru

Муликова Наталья Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.
SPIN-код: 3950-8958
AuthorID РИНЦ: 151277
n_mulikova@mail.ru

References

Kuzmin M. V. Ecstatic time. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*. 1996; 2: 67–79. (In Russ.)
Skvortsov L. V. *Civilizational dangers: a civilizational interpretation*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ = Center for Humanitarian Initiatives; 2018. 384 p. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию — 08.02.2026
Одобрена после рецензирования — 24.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Information about authors

Olga V. Kashirina

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Ethnology, Humanities Institute, Federal State Autonomous Higher Educational Institution, North Caucasus Federal University.
Scopus AuthorID: 57192992207
okashirina@mail.ru

Natalia A. Mulikova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy and Ethnology at the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University.
n_mulikova@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**РОССИЯ
И ЗАПАД: ПРОБЛЕМА
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
В КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ**

**RUSSIA AND THE WEST:
THE PROBLEM
OF POSITIONING
IN CULTURAL, HISTORICAL,
AND GEOPOLITICAL
CONTEXTS**

А. Ф. Поломошнов*

ORCID: 0000-0001-6312-9440

Е. А. Агапова**

ORCID: 0000-0002-0213-4702

В. Д. Бакулов**

ORCID: 0000-0002-1094-6639

Andrey F. Polomoshnov*

Elena A. Agapova**

Viktor D. Bakulov**

* *Донской государственный аграрный университет (ДонГАУ)
Ростовская область, пос. Персиановский,
Россия*

** *Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Agrarian University,
Rostov region, village Persianovsky, Russia*

** *Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в рассмотрении образов России и Запада в культурно-историческом пространстве.

Методологическую базу исследования составляет цивилизационный и социокультурный подходы, а также метод исторических обобщений геополитического анализа.

Результаты исследования. В статье рассматриваются образы России и Запада, созданные в рамках научного и общественного дискурса. Установлено, что образ России,

Objective of the study is to examine the images of Russia and the West in cultural and historical contexts.

Methodological basis of the study is grounded on civilizational and sociocultural approaches, as well as the method of historical generalizations in geopolitical analysis.

Results of the study. The article examines the images of Russia and the West created within the framework of academic and public discourse. It is established that the image of Russia created

© Поломошнов А. Ф., 2026

© Агапова Е. А., 2026

© Бакулов В. Д., 2026

созданный Западом, носит преимущественно негативный характер: Россия позиционируется, во-первых, как отсталая и чуждая Западу модель цивилизационного развития; во-вторых, как экзистенциальная угроза и — одновременно — жертва Запада. Российский образ Запада характеризуется амбивалентностью, демонстрирует переход от позитивного представления (Запад как партнер равноправного сотрудничества и гарант мирного сосуществования) к негативному (Запад как экзистенциальный геополитический противник и агрессор). В историческом ракурсе исследуется специфика отношений России и Запада, выступающая основой конструирования их образов.

Перспективы исследования. Выявленные в статье дисбалансы взаимных образов России и Запада, отражающие специфику исторических отношений российской и западной цивилизаций, ставят задачу более глубокого исследования проблемы позиционирования России и Запада с точки зрения баланса их геополитических интересов.

Ключевые слова: Россия, Запад, агрессия, сотрудничество, социокультурные заимствования, образ России, образ Запада, славянофилы, западники

by the West is predominantly negative: Russia is positioned, firstly, as a backward and alien model of civilizational development; secondly, as an existential threat and, simultaneously, a victim of the West. Russia's image of the West is characterized by ambivalence, demonstrating a shift from a positive representation (the West as a partner in equal cooperation and guarantor of peaceful coexistence) to a negative one (the West as an existential geopolitical adversary and aggressor). The specifics of relations between Russia and the West are also examined from a historical perspective, serving as the basis for constructing these images.

Prospects of the study. The imbalances in the mutual images of Russia and the West identified in this article, reflecting the specific historical relations between Russian and Western civilizations, raise the need for a more in-depth study of the problem of positioning Russia and the West in terms of the balance of their geopolitical interests.

Keywords: Russia, the West, aggression, cooperation, sociocultural borrowings, image of Russia, image of the West, Slavophiles, Westernizers

Введение

Отношения России и Запада являются вечной темой для российского общественного и научного дискурса, поскольку история страны экзистенциальным образом связана с противоречивыми отношениями российской и западной цивилизаций. Начало XXI века ознаменовало новую фазу этих отношений, характеризующихся резким переходом от неудавшейся попытки евроинтеграции России к острому геополитическому противостоянию с коллективным Западом. В этой ситуации актуализируется проблема позиционирования России как самобытной цивилизации по отношению к Западу как к другому типу цивилизации, поскольку от адекватного понимания их специфики зависит не только исход очередного исторического конфликта России и Запада, но и сама судьба России в XXI веке.

Проблема цивилизационного позиционирования России по отношению к Западу включает в себя несколько взаимосвязанных аспектов или уровней. Поверхностный уровень позиционирования создает образ Запада в российском научном и массовом сознании, соотносенный с образом России в западном общественном сознании. Второй, более глубокий уровень проблемы позиционирования России по отношению к Западу, включает в себя практические, исторические отношения между этими цивилизациями.

Из данной структуры, связанной с проблемой цивилизационного позиционирования России, вытекают цель и задачи исследования: определение специфики позиционирования России по отношению к Западу в ментальном и культурно-историческом пространстве. С этой целью будет проведен анализ соотношения образов (западный образ России и российский образ Запада), рассмотрение в обобщенно-историческом контексте баланса реальных отношений России и Запада, установление соотношения цивилизационной идентичности России и Запада. Решение поставленных задач позволит определить эффективное направление современного цивилизационного позиционирования России по отношению к Западу.

Методология и методы

Для решения поставленных задач используется комплекс методов и подходов. Базовую основу исследования составляют цивилизационный подход и исторический метод. Для анализа баланса образов России и Запада целесообразно использовать аксиологический метод. Для анализа реальных отношений и геополитических интересов и статусов России и Запада используется метод геополитического анализа.

Конструирование образа России в мировоззренческих установках Запада

Ведущим мотивом конструирования образа России на Западе является русофобия, а основным содержанием — различного рода негативные мифы о России и русском народе. Русофобию как суть западного ментального образа России отмечал еще Н. Я. Данилевский, считая, что в ее основе лежит бессознательное чувство и исторический инстинкт: «Всё самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации... Европа признает Россию и славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным. Для беспристрастного наблюдателя это неотвержимый факт» (Данилевский, 2003. С. 74). И. А. Ильин среди мотивов русофобии и негативного представления Запада о России выделял страх Запада перед Россией: «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего

душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии» (Ильин, 1991. С. 259–260).

Русофобию и негативные мифы о России как основу ее западного ментального образа признают и на самом Западе. Однако в рамках русофобии как массового тренда появляются те, кто стремится разоблачить несостоятельность и ложность искаженного образа России. В частности, Г. Меттан детально описал специфику французской, немецкой, английской и американской русофобии и показал ее несостоятельность. Высшей, интегральной формой русофобии, по Меттану, является американская русофобия, которая «...опирается на динамический синтез либерально-демократической французской, империалистической английской и немецкой русофобии» (Меттан, 2016. С. 158).

Естественно, исследователей западной русофобии интересует вопрос о ее глубинных мотивах. По мнению Г. Меттана, причина лежит в нежелании Запада объективно понять Россию, в стремлении мерить ее западными мерками: «Ненависть к России превратилась в метод анализа, в критерий подхода, в удобную подушку, обеспечивающую тем, кто на ней прикорнул, академические лавры и журналистские успехи» (Меттан, 2016. С. 160).

Очевидно, что мотивы западной русофобии лежат глубже простого нежелания понять Россию и признать ее равноправной, самобытной цивилизацией. С. М. Губаненкова связывает мотивы современной западной русофобии с обострением экономической и политической конкуренции России и Запада, а также с инерцией политических стереотипов прошлого (Губаненкова, 2019. С. 156). Также она указывает на цивилизационное высокомерие Запада, позиционирующего себя в качестве вершины и образца мирового развития. В. Н. Сафонов усматривает мотив западной русофобии в вероисповедальных различиях: «С момента раскола христианской церкви на католическую и православную в XI веке отношение Запада к России стало неприязненным из-за того, что Киевская Русь осталась верной Византии в вопросах веры» (Сафонов, 2014. С. 145).

На наш взгляд, за этими мотивами скрывается более глубокий мотив — геополитические притязания Запада на гегемонию, — в соответствии с которыми в основу представления о России и сознательно, и подсознательно закладывался мифический образ одновременно и врага, и жертвы: «Русская цивилизация была главным препятствием на пути Запада к мировому господству... Этим она заслужила особую ненависть западного обывателя. Запад радовался любым неудачам, любому ослаблению России» (Платонов, 2010. С. 10). Именно из мотивов оправдания агрессии против России Запад веками создавал, и сегодня старательно развивает, негативный образ России, экстраполируя на нее собственные агрессивные и враждебные намерения.

Говоря о доминирующем на Западе стереотипном негативном образе России, нельзя не упомянуть позицию внутренних российских русофобов. Их первым манифестом были философические письма П. Я. Чаадаева, ставшие примером национального самоунижения перед Западом и потрясением для части российского общества. О существовании внутренних русофобов, разделяющих многие негативные западные мифы о России и самоунижающихся перед Западом, писал Н. Я. Данилевский, видевший в них одно из проявлений крайне опасной болезни «европейничанья». (Данилевский, 2003. С. 318).

Внутреннюю русофобию разоблачал в своем литературном творчестве Ф. М. Достоевский. «Преклонение перед Западом во всем — это смердяковщина, т.е. безоговорочное признание его первенства по сравнению со всем остальным миром и, конечно же, перед Россией, — является застарелой болезнью части русской интеллигенции. На наш взгляд, той ее худшей части, которая и способна лишь к тому, чтобы призывать к повтору чужих достижений и совершенно отказывать в творчестве своему народу» (Сафонов, 2014. С. 145).

Причиной этой внутренней русофобии, по замечанию В. Е. Шамбарова, стал отрыв части образованной верхушки общества, ее социальной и интеллектуальной элиты от национальных корней (Шамбаров, 2021. С. 8).

В свою очередь, Э. Я. Баталов описывает стереотипные западные образы России, три из которых являются негативными. Первый сводится к тому, что Россия — это не Европа. В этом образе подчеркивается принципиальное цивилизационное различие России и Запада и отмечается цивилизационная отсталость России. Второй образ позиционирует Россию как варварскую, агрессивную страну, склонную к мировой экспансии. Здесь Россия рисуется как страна вечной тирании и деспотизма, антипод западных цивилизационных ценностей (демократии, прав, человека, рынка); агрессор, стремящийся завоевать мир. Третий негативный образ — образ врага, угрозы с Востока, от которого необходимо защищать Запад и весь мир. В общем-то, различие между вторым и третьим негативными образами невелико. Второй негативный образ, по сути, является синтезом первого и третьего. Вышеперечисленные образы монтируются в единую схему: Россия — отсталая, агрессивная страна, экзистенциальный враг Запада.

Исследователь признает, что на Западе, помимо негативных образов России, сложились и два позитивных образа. Суть первого сводится к тому, что Россия — это европейская цивилизованная страна, но со своей спецификой. В этом образе признается некоторая отсталость России от Запада, но акцентируется ее роль прилежного ученика, стремящегося интегрироваться в западную цивилизацию. Суть второго: Россия — это духовная опора и спасительница Запада от внутренней деструкции (Баталов, 2011).

Вышесказанное свидетельствует, что на Западе существуют не только негативные образы России, но и позитивные. Однако негативные преобладают.

Образ Запада в мировоззренческих установках России

Образ Запада в России никогда не был однозначным. В XIX веке в образованном сообществе сложились два направления в его трактовке: 1) «евростремительное», подчеркивающее цивилизационное превосходство Запада и рассматривающее Западную цивилизацию как объект для подражания; 2) «евробежное», акцентирующее цивилизационные различия Запада и России и противопоставляющее подражанию и интеграции России в Западную цивилизацию развитие ее самобытных цивилизационных начал.

Первое направление представляли «западники», второе — «славянофилы». В глазах «западников» Запад представал как вершина социокультурного развития, мировой лидер в экономическом, научно-техническом, социальном и политическом развитии, носитель базовых общечеловеческих гуманистических ценностей (демократия, права человека и др.).

В глазах «славянофилов» Запад представал как высоко развитая, самобытная, но качественно отличающаяся от России цивилизация, достойная уважения, с которой возможно и необходимо равноправное и конструктивное сотрудничество, включая культурный обмен. В то же время «славянофилы» акцентировали внутренние «болезни» западной цивилизации: материализм, позитивизм, атеизм, индивидуализм, потребительство (мещанство), рассматривая их как проявления «загнивания», упадка, деградации Запада. Н. Я. Данилевский подчеркивал, что Запад — это уходящая, находящаяся на стадии упадка цивилизация, а Россия — молодая и выходящая на передовые позиции (Данилевский, 2008. С. 545–546).

С. М. Губаненкова считает, что «...спор между “западниками” и “славянофилами”, по сути, это дискуссия вокруг... стереотипного представления о Западе, либо крайне позитивного, либо крайне негативного» (Губаненкова, 2019. С. 157). Однако это не совсем верно. С одной стороны, «западники» не придерживались однозначно позитивного образа Запада, признавая многие существенные недостатки, проблемы и противоречия западной цивилизации. С другой стороны, «славянофилы», также критикуя Запад, признавали его культурные, научные, технические достижения, разделяли многие общегуманистические западные ценности.

Можно констатировать, что образ Запада в сознании российского общества, особенно его образованной части, был, во-первых, преимущественно позитивным, во-вторых, более или менее объективным (не содержал в себе откровенных фальсификаций и негативных мифов), но амбивалентным, сочетал признающим как достоинства, так и недостатки Запада.

Говоря о российском образе Запада, существовавшем в дореволюционный период, нужно отметить различие между образом, культивировавшимся интеллигенцией и образом, существовавшим в народном сознании. Позитивный образ Запада исторически создавался преимущественно просвещенным обществом и прозападно ориентированной частью национальной политической элиты. В массовом народном сознании, плохо знакомом с Западом, существовал смутный, скорее негативный, чем позитивный, образ Запада, но не как врага, а как инородного, чуждого русскому духу и русской жизни феномена. Однако в народном российском сознании не было ни ненависти, ни страха перед Западом. Исторически этот относительно негативный народный образ Запада создавался в ответ на прозападные реформы, осуществляемые верховной властью.

В советский период коммунистическая пропаганда культивировала идеологический миф о Западе как антиподе социалистического, прогрессивного общества, отождествляемого с Советской Россией. Запад представлялся как воплощение несправедливого, эксплуататорского общества, склонного к агрессии (особенно против СССР), как загнивающее, находящееся в перманентном кризисе капиталистическое общество. В поздний советский период негативный образ Запада стал размываться сначала в сознании части переродившейся коммунистической элиты, а затем и в массовом народном сознании.

С началом прозападных реформ на рубеже XX–XXI вв. в сознании российской политической и интеллектуальной элиты, а также в массовом сознании негативный советский образ Запада был замещен противоположным, идеализированным. Однако урон, нанесенный всем значимым элементам политической, экономической и социальной систем либеральными прозападными реформами, в особенности катастрофическая социальная поляризация общества и ее следствие — массовая застойная бедность, достаточно быстро привели к размыванию позитивных идеологических мифов о Западе. Переход же Запада к открытой геополитической агрессии в форме санкций и прокси-войны на Украине привел к замещению его позитивного образа образом непримиримого и агрессивного врага, антипода самобытной российской цивилизации, закрепившемся как в массовом сознании, так и в сознании патриотической части политической и интеллектуальной элиты российского общества.

Современный российский образ Запада перестает быть амбивалентным, становясь поляризованным. Прозападнически ориентированная часть общества, стараясь сохранить верность позитивному образу Запада, неизбежно становится на позиции национального самоунижения и самоотрицания, а в крайних формах предает национальные интересы. Патриотически ориентированная часть российского общества, напротив, акцентируя негативные

черты Запада, доказывает неприемлемость, губительность копирования Россией западных цивилизационных образцов. Данный образ позиционирует Запад как экзистенциального и агрессивного геополитического врага России, в противостоянии с которым Россия должна отстаивать свою самобытность и независимость.

Баланс образов России и Запада

Рассмотрев специфику западного образа России и российского образа Запада, можно оценить их соотношение. Если на Западе преобладает однозначно негативный образ России, то российский образ Запада, по мнению Ю. И. Грицкого, является амбивалентным, сочетающим позитивные и негативные черты. Исследователь указывает следующую причину подобной амбивалентности: «Только принадлежность к общему социокультурному ареалу, но неполная принадлежность, происходящая из периферийного относительно ядра Европы положения России, могла генерировать амбивалентность отношения и к Европе, и к России» (Грицкий, 2002. С. 8).

На самом деле современный российский образ Запада поляризован, и это объясняется не принадлежностью к общему культурному ареалу, а к проявившемуся в очередной раз различию цивилизационной идентичности, геополитических статусов и интересов двух самобытных миров.

Западный образ России и российский образ Запада являются неконгруэнтными. Современный западный образ России является цельным, гиперболизировано негативным, мифологизированным. Современный доминирующий российский образ Запада стремительно эволюционирует от позитивного к негативному, но является гораздо более реалистичным, хотя в нем противоречиво сочетаются объективность и идеологическая предвзятость. Кроме того, взаимные образы России и Запада не паритетны. Запад смотрит на Россию свысока, пытаясь утвердить свое цивилизационное превосходство. Россия смотрит на Запад как на равноправного партнера.

Можно сказать, что доминирующий современный западный образ России — намеренно искривленное зеркало для России, а доминирующий современный российский образ Запада — достаточно прямое, откровенное зеркало для Запада.

Динамика отношений России и Запада

Углубляясь в анализ проблемы позиционирования России по отношению к Западу, рассмотрим реальные исторические отношения двух цивилизаций. Отношения России и Запада в отечественном дискурсе колеблются от позитивных до негативных. И. Г. Яковенко отмечает наличие в современном российском общественном сознании двух противоположных типов отношения к Западу: противостояние и устремленность (Яковенко, 2017. С. 522).

Пытаясь опосредовать данные позиции, Яковенко высказывает идею, что противостояние Западу является своеобразной формой, в которой происходит заимствование западных культурных институтов и достижений, поскольку «...позволяет снимать ценностный конфликт, связанный с восприятием чужой культуры, регулировать поток инокультурной информации, осмысливать модернизацию — процесс, объективно ведущий к отказу от исторически устойчивых форм культуры и социальности, — как дело утверждения и укрепления “устоев” и т.д.» (Яковенко, 2017. С. 527). Исследователь полагает, что подобное противостояние характерно для всей российской истории: «...чем сильнее разворачивалось противостояние, тем интенсивнее шел процесс заимствований у актуального или потенциального противника. Это касается всех значимых сфер» (Яковенко, 2017. С. 527).

С. В. Кортунов, позиционируя Россию как Восточную империю, рассматривает ее в качестве экзистенциального оппонента Запада в мировом социокультурном порядке. При этом «...российская парадигма носит фундаментальный характер и предполагает не отрицание развития и не копирование чужих наработок, а именно поиск *иного развития*, возможного его варианта или разновидности. В этом смысле, в этом... качестве Россия может называться Восточной империей» (Кортунов, 2009. С. 555). Поскольку Россия — цивилизационный оппонент Запада, отношения между ними не могут быть бесконфликтными.

В. И. Пантин подходит к проблеме отношений России и Запада с точки зрения установленных им циклов эволюции мировой политической и экономической системы с середины XVIII в., отмечая, что эти отношения регулярно и закономерно обостряются в фазе революций мирового рынка (Пантин, 2021. С. 33).

Несмотря на попытки некоторых отечественных исследователей обосновать возможность если не гармоничных, то по крайней мере бесконфликтных и стабильных устойчивых отношений России и Запада, большая часть отечественных мыслителей подчеркивает историческую неравновесность, несбалансированность отношений России и Запада в лице Европы.

О. А. Платонов пишет о перманентном напоре Запада на Россию с определенной целью: «Это была не свободная встреча двух самобытных сторон, а постоянная попытка западной стороны утвердить свое превосходство» (Платонов, 2010. С. 10). Даже в периоды относительно мирного сосуществования и ограниченного сотрудничества Запад старался максимально использовать Россию в своих корыстных интересах, ослабить как геополитического конкурента и подорвать ее стабильность изнутри: «Со стороны Западной Европы... имела место традиционная геополитическая агрессия и попытки культурной ассимиляции самобытной российской цивилизации. Со стороны России по отношению к Западной Европе традиционно имело место

стремление к конструктивному сотрудничеству, заимствование передовых технических, научных и культурных достижений и защита национального суверенитета и своей самобытности перед лицом периодических попыток военной агрессии» (Поломошнов, 2022. С. 67).

В. Н. Сафонов отмечает, что в отношениях России и Запада «...были периоды сближения и сотрудничества, и времена ожесточенных военных столкновений, и эпохи с почти полным прекращением любых отношений, кроме дипломатических. Отношение Запада к России в целом с течением веков остается стабильно негативным. Со стороны России не единожды были попытки наладить с Западом дружеские открытые взаимовыгодные отношения» (Сафонов, 2014. С. 143).

Из истории реальных отношений России и Запада можно сделать вывод о перманентном противостоянии как доминирующим типе отношений, обусловленном их геополитическими интересами и цивилизационными различиями.

Одним из периодически используемых методов агрессии Запада против России является война, обычно в форме походов коллективного Запада (крестоносцы, поляки и шведы в период Смуты, Наполеон, Крымская война, Гитлер). Причем цели военного нашествия всегда были радикальными — не просто захват части территории и грабеж национального богатства, а физическое уничтожение страны и порабощение народа с последующей колонизацией захваченных территорий.

Другим методом агрессии против России в арсенале Запада была прокси-война, направленная на максимальное ослабление противника силами сателлитов и максимальное затруднение развития российского общества. В наше время прокси-война ведется силами украинского народа и наемников со всего мира при значительном финансовом и технико-технологическом участии Запада.

Весьма популярным и достаточно эффективным методом агрессии Запада является дестабилизация страны изнутри, которая ведется и путем подкупа и установления западного контроля над политической элитой страны, и посредством внутренней дестабилизации российского общества, провоцирования бунтов и революций. Этот метод эффективно работал в период Смуты в начале XVII века, в период Февральской и Октябрьской революций в 1917 году. Современные западные лидеры не оставляют попыток применения этого метода против России и сегодня (попытка цветной революции на Болотной площади в Москве в 2012 году).

Специфическим, но также действенным и популярным методом борьбы Запада против России является цивилизационный соблазн «вестернизации», представляющий квазиинтеграцию России в Западную цивилизацию. Он осуществляющийся руками компрадорской политической элиты

и сопровождается разрушением фундаментальных основ российской цивилизационной идентичности изнутри. Под видом модернизации и мирной ассимиляции происходит поглощение России Западом. Следствием дискредитации основных атрибутов общественного устройства страны становится ее дестабилизация — от кризиса в экономике до разрушения государственного аппарата и общественной идеологии. Конечная цель — «раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни» (Зиновьев, 2000. С. 410–411). Квазиинтеграция России в Западную цивилизацию представляет заманивание России в западные сети на правах младшего партнера, эксплуатируемого и зависимого, с контролем над правящей элитой. Это — в лучшем случае — полукOLONиальная интеграция и колониальное поглощение.

Запад также не пренебрегает методом разрушения национального единства полиэтничной российской общности посредством разжигания национальной вражды, провоцирования регионального этнического сепаратизма и национализма, межнациональных и межэтнических конфликтов. Данный метод активно используется против современной России в виде попыток цветных революций в ряде бывших республик СССР с целью вовлечения России в изнурительный конфликт с бывшими братскими народами, подрывающий стабильность российского общества и российский цивилизационный потенциал.

На рубеже тысячелетий Запад сделал ставку на метод квази-вестернизации России, а когда он не сработал, перешел к целому набору других, более открытых и жестких методов давления. Сегодня в отношении России используются прокси-война, геополитическое вытеснение, экономические санкции, разжигание национальной вражды и конфликтов на геополитической периферии России, угроза прямой военной агрессии.

Заключение

Стоит заметить, что между взаимными образами России и Запада, с одной стороны, и между их взаимными реальными отношениями существует весьма однозначная корреляция. Со стороны Запада мы видим четкое соответствие негативного образа России и разносторонней цивилизационной агрессии. Со стороны России амбивалентный образ Запада и амбивалентное отношение к Западу, актуализированное либеральными реформаторами, по мере обострения геополитического конфликта России и Запада замещается доминирующим негативным образом Запада и соответствующим отношением вынужденной защиты от агрессии.

Таким образом, можно констатировать, что в отношениях России с Западом имеет место исторически существующий конфликт интересов, обусловленный не только геополитическими притязаниями сторон, но их цивилизационными различиями. В связи с этим конфликт носит перманентный характер и приобретает форму жесткого цивилизационного противостояния, поскольку имеет место несовпадение ценностных оснований, образа жизни, ментальных установок.

Список источников

Баталов Э. Я. Европа о России, Россия о Европе // Россия в многообразии цивилизаций: [монография] / [Н. П. Шмелев и др.; редкол.: А. А. Галкин (науч. ред.) и др.]; Российская академ. наук, Ин-т Европы. — М.: Весь мир, 2011. — 889 с. — ISBN 978-5-7777-0487-0.

Губаненкова С. М. Запад о России, Россия о Западе: политические стереотипы прошлого и настоящего // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своем и родном: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Орел-Комрат, 19–21 апреля 2019 года / под общ. ред. В. П. Степанова, С. М. Губаненковой. — Орел-Комрат: Модуль-К, 2019. — С. 155–163. — EDN ТТНХРВ.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. — 812, — ISBN 978-5-902725-25-1.

Зиновьев А. А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 509 с. — ISBN 5-227-00736-5.

Игрицкий Ю. И. Россия против России, Запад против Запада / Ю. И. Игрицкий // Россия и современный мир. — 2002. — № 3(36). — С. 5–30. — EDN BDRJOF.

Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. Джорданвилл: Совместное издание Свято-Троицкого монастыря и корпорации Телекс, США. — 1991. — 367 с.

Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 589 с. — ISBN 978-5-7567-0551-5.

References

Batalov E. Ya. Europe about Russia, Russia about Europe // Russia in the Diversity of Civilizations / Ed. N. P. Shmelev. Moscow: Ves' mir = Moscow: The Whole World. 2011: 478–516.

Gubanenkova S. M. The West about Russia, Russia about the West: Political Stereotypes of the Past and Present. *Mezhkul'turnyy dialog i vyzovy sovremennosti: drugost' i inakovost' v svoym i rodnom: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Orel-Komrat, 19–21 aprelya 2019 goda = Intercultural Dialogue and Challenges of Modernity: Otherness and Otherness in One's Own and Native: Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference, Orel-Comrat, April 19–21, 2019* / edited by V. P. Stepanov, S. M. Gubanenkova. Orel-Comrat: Modul-K. 2019: 155–163.

Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World. M.: *In-t russkoy tsivilizatsii = Moscow: Izvestia*. 2003; 607 p.

Zinoviev A. A. The West. Moscow: *Center-poligraf*. 2000; 509 p.

Igritsky Yu. I. Russia versus Russia, West versus West. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the Modern World*. 2002; 3(36): 5–30.

Ilyin I. A. On the Coming Russia: Selected Articles. *Dzhordanvill: Sovmestnoye izdaniye Svyato-Troitskogo monastyrya i korporatsii Teleks, SSHA = Jordanville: Joint Publication of Holy Trinity Monastery and Telex Corporation, USA*, 1991; 365 p.

Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Крала Великого до украинского кризиса. — М.: Паулсен, 2016. — 232 с. — ISBN 978-5-98797-138-3.

Пантин В. И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции // История и современность. — 2021. — № 1(39). — С. 28–53. — DOI 10.30884/iis/2021.01.02. — EDN KVKCUS.

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. — М.: Алгоритм, 2010. — 944 с. — ISBN 978-5-9265-0756-7.

Поломошнов А. Ф. Россия и Запад: уроки истории // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. — 2022. — № 2. — С. 66–87. — EDN PРВНІК.

Сафонов В. Н. Россия и запад // Вестник Екатеринбургского института. — 2014. — № 2(26). — С. 143–148. — EDN SHTTMJ.

Шамбаров В. Е. Россия и Запад. Почему мы победим? — М.: Родина, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-00180-237-2.

Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. — М.: Знание, 2017. — 642 с. — ISBN 978-5-7646-0158-8.

Kortunov S. V. National Identity: Understanding the Meaning. *Moskva: Aspect Press = Moscow: Aspect Press.* 2009; 589 p.

Mettan G. West — Russia: A Thousand-Year War. The History of Russophobia from King Kral the Great to the Ukrainian Crisis. *M.: Paulsen = Moscow: Paulsen.* 2016; 232 p.

Pantin V. I. Russia and the West in the 2020s: Prospects for Geopolitical Revolution. *Istoriya i sovremennost = History and Modernity.* 2021;1(39): 28–53.

Platonov O. A. Russian Civilization. History and Ideology of the Russian People. *Moscow: Algorithm, 2010.* 944 p.

Polomoshnov A. F. Russia and the West: Lessons of History. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University.* 2022; 2: 66–87.

Safonov V. N. Russia and the West. *Vestnik Yekaterininskogo instituta = Bulletin of the Catherine Institute.* 2014; 2(26):143–148.

Shambarov V. E. Russia and the West. Why Will We Win? *M.: Rodina = Moscow: Rodina.* 2021; 320 p.

Yakovenko I. G. Understanding Russia: A Civilizational Analysis. *M.: Znaniye = Moscow: Knowledge.* 2017; 642 p.

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Агапова Е. А., Бакулов В. Д. Россия и Запад: проблема позиционирования в культурно-историческом и геополитическом контексте // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2(78). — С. 181–194.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.14

EDN LKOLXJ

Сведения об авторах

Поломошнов Андрей Федорович

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета (ДГАУ)

Author ID РИНЦ: 629425

SPIN-код: 9910-7034,

paf1@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию — 15.01.2026

Одобрена после

рецензирования — 26.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Information about authors

Andrey F. Polomoshnov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University

WoS Researcher ID: ABF-4411-2021

Scopus Author ID: 57201683664

paf1@mail.ru

Агапова Елена Анатольевна

Доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

SPIN-код: 2657-9429

AuthorID: 254721

eagapova@sfnu.ru

Elena A. Agapova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Philosophy at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal

University

WoS ResearcherID: L-6502-2016

Scopus AuthorID: 57204128108

eagapova@sfnu.ru

Бакулов Виктор Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

SPIN-код: 8381-3727,

AuthorIDРИНЦ: 267603

viktor_bakulov@mail.ru

Viktor D. Bakulov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern

Federal University

WoS ResearcherID: D-1177-2019

Scopus AuthorID: 40061031600

viktor_bakulov@mail.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

THE IDEA OF JUSTICE IN THE RUSSIAN MENTALITY (THE CASE OF MODERN STUDENTS)

*С. Н. Сорокина**
*Е. В. Крикун**

*Svetlana N. Sorokina**
*Elena V. Krikun**

* Белгородский государственный
аграрный университет им. В. Я. Горина
п. Майский, Россия

* Belgorod State Agricultural University
named after V. Y. Gorin (Belgorod SAU)
Maisyky, Russia

Цель исследования — исследование понимания феномена справедливости в среде современной студенческой молодежи.

Objective of the study is to explore the understanding of the phenomenon of justice among contemporary student youth.

Методологическая база исследования. В ходе исследования применялись историко-философский, диалектический, аксиологический методы изучения проблемы справедливости в понимании современной студенческой молодежи (на примере студентов Белгородского ГАУ).

Methodological basis of the study. The research employed historical-philosophical, dialectical, and axiological methods to examine the concept of justice as understood by modern student youth (based on students of Belgorod State Agricultural University).

Результаты исследования показали, что справедливость в системе ценностных установок современной молодежи выступает одной из приоритетных и входит в пятерку наиболее значимых наряду с ответственностью, свободолобием, милосердием, патриотизмом.

Results of the study show that justice is a priority in the value system of modern youth and is among the five most significant, along with responsibility, love of freedom, compassion, and patriotism.

Перспективы исследования. Исследование показало, что обращение к традиционному пониманию справедливости в условиях современности помогает ориентировать молодое поколение на следование данной идее в своем поведении.

Prospects of the study. The study found that appealing to a traditional understanding of justice in modern times helps to guide the younger generation toward following this idea in their behavior.

© Сорокина С. Н., 2026

© Крикун Е. В., 2026

Ключевые слова: духовные ценности, нравственный подход, социально-правовой подход, справедливость, студенческая молодежь

Keywords: spiritual values, moral approach, social and legal approach, justice, student youth

Введение

Понятие справедливости является важнейшей категорией социальной философии. Слово «справедливость» звучит и в дружеской беседе, и в выступлениях политиков. Авторы коллективной монографии «Социальная справедливость в русской общественной мысли» считают, что «бывают моменты в истории, когда во имя справедливости огромные массы людей готовы пожертвовать многим из того, что у них есть, даже собственной жизнью» (Социальная справедливость..., 2016).

Однако до сегодняшнего дня в научной литературе нет единого определения данного понятия. Существование разнообразных трактовок феномена справедливости объясняется их взаимосвязью и наличием между ними определенного гармоничного равновесия. Однако в результате политических, экономических, социальных, культурных преобразований на различных этапах общественного развития равновесие в обосновании смысла и роли справедливости может нарушаться (Биотехнологии и инновации..., 2018. С. 400–406). Данный процесс способствует идеализации одних значений и полным отказом от других, ориентируясь на новые представления в общественном сознании о сущности «справедливости».

Как правило, феномен справедливости рассматривается в социальном и морально-правовом аспектах, отражая представления человека об общепринятых нормах и правах человека, а также социальных идеалах (Сорокина, 2023). При этом необходимым условием проявления справедливости выступает наличие взаимосвязи между выполняемой социальной ролью человека в обществе и его реальным положением, имеющимися правами и обязанностями, реальными поступками и мнением общества о них. В случае же нарушения данного соответствия наблюдается проявление такого явления, как несправедливость. Так, в русской философской традиции справедливость относится к моральным качествам и охватывает не только распределение возможностей, но и честность, уважение к личности (Козаков, 2022). Авторам статьи хотелось бы исследовать, происходит ли трансформация отношения к понятию «справедливость» в молодежной среде российского социума в третьем десятилетии XXI века.

Методология исследования

В европейской философии и русской философии понятие справедливости понималось неоднозначно. Начиная с философии Древней Греции справедливость рассматривалась как космический порядок, нашедший свое отражение

в порядке социальном. В философии Платона и Аристотеля неоднократно говорится о справедливости. По мнению Платона, если человек занимается деятельностью, которая соответствует положению гражданина в обществе, то это справедливо. В своей работе «Государство» он опирается на то, что основой принципа справедливости является признание неравенства в обществе (Платон, 2005).

Аристотель считает, что справедливость связана с соразмерностью распределения благ. Он пишет, что «распределение почестей или денег, или вообще всего того, что может быть распределено между людьми... другой ее вид проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена» (Аристотель, 1908). Российский философ М. Т. Марюхнич приходит к выводу, что «Аристотель находит две формы осуществления справедливости — это уравнивающая справедливость, согласно которой блага распределяются равным образом, и распределяющая справедливость, согласно которой каждый получает блага, исходя из своего социального статуса, талантов и способностей» (Марюхнич, 2016). Необходимо отметить, что Аристотель придавал понятию справедливость экономическую окраску и отдавал предпочтение распределяющей форме справедливости, видя связь объема труда и объема вознаграждения.

Влияние аристотелевской традиции сказалось на всей западноевропейской философии, которая отбрасывала уравнивающую справедливость, так как она противоречила прогрессу, ведь самые сильные и деятельные люди должны получать от государства больше благ, чем слабые члены общества. Развитие данной идеи приводит к полному отрицанию морализаторского подхода в понимании справедливости. Справедливость связывается с правовым феноменом и предполагает принятие хороших законов, что должно привести к процветанию общества.

С этого времени идея связи справедливости и права устойчиво представлена в философской традиции как Европы, так и России. В обществе без гражданского права справедливости нет, а там, где право осуществляется без проволочек, рано или поздно появляется основанная на нем справедливость. В этой традиции написана статья В. В. Булгакова и Д. В. Булгаковой о проявлении идеи справедливости в философии и праве (Булгаков, 2020).

В философии Нового времени справедливость получает новый аспект, теперь она играет роль социальной добродетели. Она напрямую связана с равенством всех граждан перед государством и их возможностью осуществлять свои права, не нарушая прав других граждан. Интересна точка зрения О. В. Кирсанова на понятие справедливости в немецкой классической философии. По его мнению, для Канта справедливость является высшей добродетелью «человека власти» и «реализуется в двух основных формах: как карающая (назначение наказания, соразмерного причиненному злу) и как

распределительная (определение «удела» или вознаграждения, соразмерного заслуге)» (Кирсанова, 2011).

В русской ментальности можно отметить не только влияние и развитие европейской традиции, но и формирование моралистического подхода к пониманию справедливости. Такая установка на понимание справедливости связана с исторической склонностью россиян к постановке на первое место распределительной, а не распределяющей формы справедливости. Распределительная форма справедливости диктовала этическое, а не правовое ее понимание. В русской ментальности справедливость видится не в равенстве людей перед государством, а в равенстве всех перед Богом. Распределяющая форма справедливости в русской ментальности не отбрасывается, а переносится на «потом». Дело в том, что обязательной составной частью распределяющей справедливости является пропорциональность распределения благ согласно тому или иному критерию, который устанавливается тем, кто распоряжается этими благами. Таким образом в справедливость вмешивается «человеческий фактор», что, по мнению русских философов, ставит понятие справедливости под сомнение. Справедливое распределение возможно только при Божественном участии, а значит — не в земной жизни.

Можно согласиться с мнением современного российского исследователя С. В. Гроздилова, что одной из самохарактеристик общественного российского сознания выступает близкое к мифологическому сознанию представление об «особой чувствительности русского народа к проблеме справедливости» (Гроздилов, 2018). Интерес к феномену распределительной справедливости можно увидеть в работах А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева и других русских мыслителей.

В русской философской мысли основная идея концепций справедливости заключалась в обосновании ее как специфической характеристики русского народа. В философских воззрениях В. С. Соловьева понятие «справедливость» обосновывается с позиции идеи всеединства, а также религиозных основ русской философской традиции. В этой связи устремленность человека к целостности, гармонии, достижению единства материального и духовного миров определяют смысловое содержание справедливости (Соловьев, 1999). Философ утверждал, что ориентированность к достижению безусловной справедливости характеризует духовные установки русского народа и выступает как «часть национального самосознания». Причем достижение истинной справедливости возможно только посредством чувства любви, жертвенности, доброты, всепрощения и достижения единства с Богом. Мыслитель убежден, что справедливость теснейшим образом связана с проявлением свободы, что создает благоприятные условия для осуществления добра как отдельным индивидом, так и в рамках всего общества (Соловьев, 2012).

Таким образом, по Соловьеву справедливость является не только социальным принципом, а включает нравственный, духовный, религиозный компоненты, то есть образует целостное явление. Достижение целостности приводит к всеединству и слиянию с абсолютным добром.

Иное обоснование идеи справедливости принадлежит Н. А. Бердяеву. В своей работе «Философия неравенства» мыслитель критикует подходы, где справедливость рассматривается как равенство, отмечая его ограниченность, несостоятельность, а также негативные последствия от устремленности к нему. По мнению автора, «неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире» (Бердяев, 2004). Распространение в обществе неравенства позволяет личности саморазвиваться, мотивируя к творческой деятельности и проявлению инициативы. Согласно убеждениям мыслителя, неравенство выступает неотъемлемой составной частью «космического строя», определяет общественный порядок. При этом философ убежден, что выражается справедливость в большей степени посредством качественных, а не количественных характеристик. Проявление подлинной справедливости связано не с формальным равенством, а с осознанием уникальных качеств личности, ее готовности к свободному творчеству (Зеньковский, 1999). Таким образом, Н. А. Бердяев анализирует проблему справедливости в разрезе обоснования русской идеи, подчеркивая непосредственную взаимосвязь стремления к справедливости и таких особенностей русского национального характера, как сострадание, совесть, милосердие, бескорыстие, коллективизм.

Отличной от рассматриваемых выше концепций является учение о справедливости другого русского философа — И. А. Ильина, которое приобретает более конкретный характер посредством взаимосвязи с понятием «неравенство». Мыслитель подчеркивал уникальность конкретного человека, что предполагало различия во взаимоотношениях между людьми. Тем самым неравенство имеет предметное обоснование, выражает истинную сущность человека и, следовательно, является справедливым (Кирсанова, 2012). Автор убежден в том, что данный феномен имеет ярко выраженное «художественное начало», которое соотносится с такими чертами характера человека, как сострадание, ответственность, способность к прощению. Следование установленным справедливым нормам поведения не означает, что на всех людей возлагаются одинаковые обязанности — напротив, справедливым будет относиться к каждому человеку по-своему, исходя из его возраста, пола, достатка, статуса и т.д. В этой связи понимание справедливости соотносится с соразмерными силами и способностями человека, его материальным положением. При этом важно сохранение правовых норм в действиях и поступках человека. Поэтому, согласно Ильину, справедливость следует рассматривать не

только как наивысшую ценность, но и основополагающий моральный принцип права (Ильин, 2017).

В русской философии этого периода четко просматривается связь такого мироощущения, где справедливость связана с понятиями «истина» и «правда». Русский философ Н. К. Михайловский первым замечает взаимосвязь справедливости с этими понятиями. По его мнению, правда-истина объективна и позволяет не бояться смотреть на действительность, а правда-справедливость — субъективна и способна преобразовывать общество, исходя из своего нравственного идеала. Философ заявлял, что «только по-русски “правда-истина” и “правда-справедливость” называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» (Михайловский, 1911).

Таким образом, на рубеже XIX — XX веков в результате воздействия капиталистических отношений, политических кризисов, а также распространением в стране идей марксизма происходит переосмысление сущности понятия «справедливость» в общественном сознании, связанное с социальным характером его проявления в обществе. В результате происходит обоснование проблемы справедливости русскими философами на основе взаимосвязи с религиозностью, соборностью, патриархальностью, что выступало в качестве основной идеи общинности русского человека и определялось исходя из социально-общественного устройства страны того периода (Поиски себя ... , 2012. С. 144–164).

В годы советской власти справедливость объявлялась главным достижением этой власти, что накладывало на понимание этой категории определенные ограничения, так как в нормах справедливости должен был проявляться ее классовый характер. Заслуживает внимания вывод С. А. Ивановой в работе «Понимание идеи справедливости в русской философской и научной мысли», что в этот период «на дискуссионном поле оказались две идеи справедливости: как реализации индивидуальных жизненных целей и установок и справедливости как общего блага, равенства всех граждан при доступе к материальным или духовным ценностям» (Иванова, 2016). Эти две идеи справедливости бок о бок прошли через всю историю нашей страны в XX — начале XXI века.

В современной России к феномену справедливости в своих трудах обращаются А. Ю. Ашкерев, Г. Ю. Канарш, В. А. Катомина, М. И. Козлов, М. И. Прокофьев и другие. А. Ю. Ашкерев считает, что справедливость многие столетия находилась под влиянием права, а теперь происходит ее освобождение. Основой справедливости становится общественное мнение, а не воля какого-либо человека или божества. По мнению философа, «практика установления справедливости из рода онтологии превращается в разновидность герменевтики» (Ашкерев, 2008).

М. И. Козлов отмечает, что проблемы социальной справедливости особую остроту приобретают в переломные моменты истории. На рубеже XX–XXI веков в России попытались провести либеральные реформы, декларируемые как восстановление социальной справедливости. Однако, по мнению философа, результат оказался прямо противоположным. «Более 90% граждан России, по результатам социологического опроса (ноябрь 2007 г.), не раз сталкивались с несправедливостью» (Козлов, 2008).

Большой интерес у российских философов вызвала работа А. В. Прокофьева «Воздать каждому должно... Введение в теорию справедливости». Эту монографию можно назвать энциклопедическим обзором основных дискуссий по вопросам справедливости. Жаль, что данный труд связан с обзором основных идей современной англоязычной философии и совсем не затрагивает тему справедливости в русской философии (Прокофьев, 2013). Можно сказать, что поиск смысла феномена справедливости в третьем десятилетии XXI века остается не менее актуальным, чем в предшествующие эпохи (Крикун, 2021).

Результаты исследования

Нашим социологическим исследованием отношения студенческой молодежи к справедливости в современном социуме были охвачены студенты 1–2 курсов Белгородской государственной аграрной академии им. В. Я. Горина, как очной, так и заочной форм обучения. Прежде чем охарактеризовать понимание сущности феномена справедливости в студенческой среде, необходимо было определить значимость данного явления для современной молодежи. С этой целью авторы статьи предложили молодым людям выбрать из предложенного перечня духовных ценностей те, которые они считают наиболее значимыми для себя. Проведенное исследование показало, что справедливость входит в первую пятерку духовных ценностей наших респондентов. Объясняется это тем, что большинство студентов Белгородского ГАУ являются представителями сельского социума, где влияние традиционных ценностей сохраняет свою значимость. Идея В. С. Соловьева о том, что для россиян характерно стремление к безусловной справедливости и она является частью национального самосознания, не потеряла своего значения в наши дни.

Хотя понятие «справедливости» относится к основополагающим элементам функционирования общества, однако трактовка данного понятия многогранна. Так как в философской литературе выделяют две формы справедливости — уравнивающую и распределяющую, авторы статьи попросили респондентов выбрать ту из форм справедливости, которая кажется им более актуальной для России XXI века. Сторонниками уравнивающей формы справедливости считают себя 58% опрошенных, распределительной

формы — 32%, а 10% придерживаются обеих форм справедливости (в зависимости от ситуации). Данные результаты являются обоснованными, так как уравнивающая форма справедливости является традиционной для русской истории, о чем неоднократно писали такие русские философы как В. А. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и другие. Рост распределительной формы справедливости стал наблюдаться в российском обществе в конце XX — начале XXI века, когда оно вступило в развитие рыночных отношений. Необходимо отметить, что у части населения происходит переосмысление справедливости по западному образцу, в основу которого положен рационалистический подход к пониманию окружающей действительности.

Авторы статьи заинтересовались, с какими понятиями студенчество соотносит понятие «справедливость». В ходе опроса студентами были представлены следующие варианты ответов: равенство, ответственность, борьба, правда, свободный выбор. Понятие «справедливость» рассматривается большей частью опрошенных респондентов как олицетворение равенства в социальных отношениях (в том числе и семейных) — 42%, правды — 21%, нравственного принципа поведения — 16%, свободного выбора — 15%, борьба за истину — 6%. Среди студенческих ответов мы не нашли соприкосновения с мнением современного русского философа А. Ю. Ашкерова, который считает, что «справедливость больше всего соотносится с понятием меры — не как количественного показателя, а как определенного качества... Понятие “мера” близко к понятию “правило” и соответственно имеет отношение к любым проявлениям “правильного” и “правильности” в бытии» (Ашкеров, 2008). Студенчество Белгородского ГАУ увидело связь справедливости не с понятием «правильного», а с понятиями «правда» и «истина». Их представления больше перекликаются с представлениями русского философа Н. К. Михайловского, который в начале XX века писал, что справедливость для россиянина связана с такими понятиями, как «правда» и «истина».

Проведенный опрос позволил выяснить, какова степень уверенности молодого поколения в существовании феномена справедливости. Абсолютное большинство респондентов уверено в ее существовании — 94%, затруднились с ответом — 4%, а 2% высказались отрицательно. Совсем небольшое количество молодежи не верит в существование справедливости, но это не может не настораживать, ведь эти представители молодого поколения потенциально являются носителями несправедливости. В результате опроса оказалось, что 100% респондентов когда-либо сталкивались с несправедливостью по отношению к себе или своим близким. Необходимо отметить, что наиболее болезненно студенчество воспринимает проявление несправедливости при оценке своей интеллектуальной деятельности. Это связано с тем, что современное развитие общества ориентировано на бурное внедрение информационных технологий. В этой связи у авторов статьи

возник вопрос о взаимосвязи феномена справедливости и использования искусственного интеллекта при оценке результатов деятельности людей. Использование искусственного интеллекта в образовательной деятельности (например, написание курсовых и дипломных работ) может привести к переосмыслению студенчеством традиционного понимания справедливости. В нынешних условиях 70% обучающихся активно прибегают к использованию искусственного интеллекта и несмотря на это считают оценку своей деятельности справедливой.

Представления о гарантиях справедливости связаны с различными явлениями в жизни общества. Как правило, указывающие на справедливость по заслугам отождествляют ее с деятельностью справедливого государства — 36%, в чем проявляется прагматичность их мировоззренческих установок и влияние социально-правовых представлений о справедливости. В противоположность им сторонники равного распределения гарантом справедливости считают такие нравственные категории, как совесть — 24%, чувство долга — 21%, общественное мнение — 19%. В конечном итоге, прослеживается небольшой перевес в сторону нравственного подхода понимания феномена справедливости. Данная ситуация объясняется принадлежностью основной массы студенчества к сельскому населению, ориентированному на следование российским традициям.

Заключение

Полученные нами результаты исследования показали, что проблема справедливости в настоящее время является актуальной. В системе ценностных установок современной молодежи справедливость выступает одной из приоритетных и входит в пятерку наиболее значимых духовных ценностей. Помимо справедливости молодые люди отмечают такие ценности, как ответственность, свободолюбие, милосердие, патриотизм. Феномен справедливости рассматривается молодыми людьми в качестве важнейшего условия функционирования гармоничного общества. Однако, при четко выраженной идеи справедливости в сознании молодого поколения, часть респондентов в своей жизни и деятельности все же сталкивались с проявлением несправедливости как в отношении себя, так и близкого окружения.

Кроме того, большинство молодых людей будущее России соотносят с развитием справедливого государства. Ответственность за сохранение справедливости в обществе связывают как с сохранением традиционных ценностей (нравственный аспект), так и с деятельностью социальных институтов. Такая противоречивость взглядов в понимании будущего справедливости вполне объяснима, поскольку ментальности россиянина свойственно умение соединять, казалось бы, несоединимое.

Список источников

- Аристотель*. Этика Аристотеля: Пер. с греч. / С прил. «Очерка истории греческой этики до Аристотеля» Э. Радлова. — СПб.: Филос. о-во при Имп. С.-Петербур. ун-те, 1908. — LXIV, 207 с.
- Ашкеров А. Ю.* По справедливости: эссе о партийности бытия. — М.: Европа, 2008. — 248 с. — ISBN 978-5-9739-156-1.
- Бердяев Н. А.* Философия свободы. — М.: Фолио, АСТ, 2004. — 732 с. — ISBN 5-17-025516-0.
- Биотехнологии и инновации в агробизнесе: Материалы международной научно-практической конференции, Майский, 19–20 сентября 2018 года. — Майский: Белгородский государственный аграрный университет им. В. Я. Горина, 2018. — 438 с. — EDN YMODEL.
- Булгаков В. В., Булгакова Д. В.* Идея справедливости в философии и ее проявление в праве // Социально-политические науки. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 49–55. — DOI 10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55. — EDN FMBEUN.
- Гроздилов С. В.* Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 3 (70). — С. 88–92. — EDN YATVFB.
- Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2-х томах. Т. 1. — М.: Ростов н/Д, Феникс, 1999. — 544 с.
- Иванова С. А.* Понимание идеи справедливости в русской философской и научной мысли // Образование и право. — 2016. — № 6. — С. 78–89. — EDN WWYLDH.
- Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников [и др.]. — СПб.: Общероссийский общественный Фонд «Социальное развитие России», 2012. — 176 с. — ISBN 978-5-4253-0852-2. — EDN YQESPH.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления — Изд. 2-е. — М.: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2017. — 1298 с. — ISBN 978-5-9908736-9-8.

References

- Aristotle*. The Ethics of Aristotle: translated from Greek with the appendix “Essay on the history of Greek ethics before Aristotle” by E. Radlov. SPb.: Filos. o-vo pri Imp. S.-Peterb. un-te = Saint Petersburg: Philosophical Society at the Imperial Saint Petersburg University, 1908; LXIV; 207 p. (In Russ.)
- Ashkerov A. Yu.* On justice: essays on the partisanship of being. Moscow: Evropa, 2008; 248 p. ISBN 978-5-9739-156-1. (In Russ.)
- Berdyayev N. A.* Philosophy of freedom. M.: Folio, AST = Moscow: Folio, AST, 2004; 732 p. ISBN 5-17-025516-0. (In Russ.)
- Biotechnologies and innovations in agribusiness: Proceedings of the International scientific and practical conference, Maysky, September 19–20, 2018. Maysky: V. Ya. Gorin Belgorod State Agrarian University, 2018; 438 p. (In Russ.)
- Bulgakov V. V., Bulgakova D. V.* The idea of justice in philosophy and its manifestation in law. *Sotsialno-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2020; 10(3): 49–55. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55>. (In Russ.)
- Grozilov S. V.* The concept of justice in the social psychology of the Russian people as a reflection of their being. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018; 3(70): 88–92. (In Russ.)
- Zenkovsky V. V.* History of Russian philosophy. In 2 volumes. Vol. 1. M.: Rostov-na-Donu: Phoenix = Moscow, Rostov-on-Don: Phoenix, 1999; 544 p. (In Russ.)
- Ivanova S. A.* Understanding the idea of justice in Russian philosophical and scientific thought. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2016; 6:78–89. (In Russ.)
- Ismagilov R. F., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. et al.* The idea of justice in the traditions of post-classical philosophy of law. SPb.: Obshcherossiyskiy obshchestvennyy Fond “Sotsial’noye razvitiye Rossii” = Saint Petersburg: Social Development of Russia Foundation, 2012; 176 p. ISBN 978-5-4253-0852-2. (In Russ.)
- Ilyin I. A.* The path of spiritual renewal. 2nd ed. M.: In-t russkoy tsivilizatsii: Rodnaya strana = Moscow: Institute of Russian Civilization,

Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2022. — Т. 22, № 1. — С. 114–120. — DOI 10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120. — EDN TGRTNO.

Кирсанова О. В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля / О. В. Кирсанова // Вестник Чувашского университета. — 2011. — № 4. — С. 137–142. — EDN ОРКУРЛ.

Кирсанова О. В. Проблема справедливости в русской этико-философской мысли (В. С. Соловьев и И. А. Ильин): автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2012.

Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции (социально-философский анализ): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Козлов Михаил Иванович. — Архангельск, 2008. — 23 с. — EDN ZNVFVJ.

Крикун Е. В. Понятие «справедливость» в современной Российской ментальности // Роль науки в удвоении валового регионального продукта: Материалы XXV Международной научно-производственной конференции, Майский, 26–27 мая 2021 года. Т. 2. — Майский: Горина, 2021. — 346 с. — EDN WFDUBO.

Поиски себя: трансформация русской ментальности: Коллективная монография / Е. В. Крикун, И. А. Белозерова, В. А. Гордилов [и др.]. — Белгород: Белгородский государственный аграрный университет им. В. Я. Горина, 2012. — 225 с. — EDN ULKSFP.

Марюхнич М. Т. Концепция справедливости в философской традиции Античности // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2016. — № 2. — С. 92–98. — EDN YOBUB.

Михайловский Н. К. Предисловие // Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб., 1911. Т. 1.

Rodnaya strana, 2017; 1298 p. ISBN 978-5-9908736-9-8. (In Russ.)

Kazakov A. A. The value of justice in the perceptions of modern youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2022; 22(1): 114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>. (In Russ.)

Kirsanova O. V. Justice and law in the ethical views of I. Kant and G. W. F. Hegel. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2011; 4: 137–142. (In Russ.)

Kirsanova O. V. The problem of justice in Russian ethical and philosophical thought (V. S. Solovyov and I. A. Ilyin): *abstract of dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences*. Saransk; 2012. (In Russ.)

Kozlov M. I. Social justice in the context of Russian tradition (socio-philosophical analysis): *abstract of dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences*. Arkhangelsk; 2008. 23 p. (In Russ.)

Krikun E. V. The concept of “justice” in modern Russian mentality. In *The role of science in doubling the gross regional product: Materials of the XXV international scientific and production conference*. May 26–27, 2021. *Maykskiy: Gorina = Maykskiy: Gorina*, 2021. (In Russ.)

Krikun E. V., Belozerova I. A., Gordilov V. A. et al. Searching for oneself: transformation of Russian mentality. *Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni V. Ya. Gorina = Belgorod: Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin*, 2012; 225 p. (In Russ.)

Maryukhnych M. T. The concept of justice in the philosophical tradition of Antiquity. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*. 2016; 2: 92–98. (In Russ.)

Mikhailovsky N. K. Preface. Complete works in 10 volumes. Vol. 1. *Saint Petersburg*, 1911. (In Russ.)

Платон. Государство. — СПб.: Наука, 2005. — 570 с. — ISBN 5-02-026877-1.

«Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / [под ред. Н. С. Плотникова]. — М.: Ключ-С, 2011. — 368 с. — ISBN 978-5-93136-149-9.

Прокофьев А. В. Воздавать каждому должное ... Введение в теорию справедливости. — М.: Альфа. — М, 2013. 512 с. — ISBN 978-5-98281-359-6.

Соловьев В. С. Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 656 с. — ISBN 978-5-4261-0002-2.

Соловьев В. С. Спор о справедливости. — М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1999. — 860 с. — ISBN 5-04-002492-4.

Сорокина С. Н., Крисанов А. А. Проблема справедливости в русской философии / С. Н. Сорокина, // Теория и практика современной аграрной науки: Сборник VI национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 27 февраля 2023 года. — Новосибирск: Золотой колос, 2023. — С. 2180–2182. — EDN AKWTJQ.

Социальная справедливость в русской общественной мысли. Коллективная монография / Ответственный редактор Ю. Б. Епихина. — М.: Институт социологии РАН, 2016. — 220 с. — ISBN 978-5-89697-266-2.

Для цитирования: Сорокина С. Н., Крикун Е. В. Идея справедливости в русской ментальности (на примере современной студенческой молодежи) // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 195–207.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.15

EDN RPSNYI

Platon. The Republic. SPb: Nauka = Saint Petersburg: Science, 2005; 570 p. ISBN 5-02-026877-1. (In Russ.)

“Pravda”: discourses of justice in Russian intellectual history. Ed. by N. S. Plotnikov. M.: Klyuch-S = Moscow: Klyuch-S, 2011; 368 p. ISBN 978-5-93136-149-9. (In Russ.)

Prokofiev A. V. To give everyone their due: introduction to the theory of justice. M.: Alfa-M = Moscow: Alfa-M, 2013; 512 p. ISBN 978-5-98281-359-6. (In Russ.)

Solovyov V. S. The justification of the good. Ed. by O. A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm = Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012; 656 p. ISBN 978-5-4261-0002-2. (In Russ.)

Solovyov V. S. Dispute on justice. M.: EKSMO-press; Kharkiv: Folio = Moscow: EKSMO-press; Kharkiv: Folio, 1999; 860 p. ISBN 5-04-002492-4. (In Russ.)

Sorokina S. N., Krisanov A. A. The problem of justice in Russian philosophy. *Theory and practice of modern agrarian science: Proceedings of the VI national scientific conference with international participation.* — Novosibirsk: ITS NGAU “Zolotoy kolos” = Novosibirsk: IC NSAU “Golden Ear”, 2023; 2180–2182. (In Russ.)

Social justice in Russian social thought. Ed. by Yu. B. Epikhina. M.: Institut sotsiologii RAN = Moscow: Institute of Sociology RAS; 2016. 220 p. ISBN 978-5-89697-266-2. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию — 14.11.2025

Одобрена после

рецензирования — 18.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Сведения об авторах

Сорокина Светлана Николаевна

Кандидат философских наук, доцент Белгородского государственного аграрного университета им. В. Я. Горина
SPIN-код: 4798-8437
AuthorID РИНЦ: 693356
sorokina_sn@belgau.ru

Information about authors

Svetlana N. Sorokina

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Belgorod State Agricultural University named after V. Ya. Gorin (Belgorod SAU)
sorokina_sn@belgau.ru

Крикун Елена Владимировна

Кандидат философских наук, доцент, Белгородский государственный аграрный университет им. В. Я. Горина
SPIN-код: 8143-7883
AuthorID РИНЦ: 693665
krikun_ev@belgau.ru

Elena V. Krikun

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Belgorod State Agricultural University named after V. Ya. Gorin (Belgorod SAU)
krikun_ev@belgau.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ
ПЕДАГОГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ
КУЛЬТУРНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
РЕГИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

**THE ROLE OF THE TEACHER'S
PERSONALITY IN ENSURING
THE CULTURAL
SAFETY OF STUDENTS
IN THE CONDITIONS
OF THE REGIONAL
EDUCATIONAL SPACE**

М. П. Тихоновскова*

ORCID: 0000-0001-8616-5532

Е. В. Волохова*

ORCID: 0000-0001-5192-3823

М. А. Армейсков*

Maria P. Tikhonovskova*

Elena V. Volokhova*

Matvey A. Armeiskov*

** Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
им. М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия*

** Platov South Russian State Polytechnic
University,
Novocherkassk, Russia*

Цель исследования. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей потребностью в формировании у молодежи устойчивых механизмов защиты от деструктивных культурных влияний, что в свою очередь требует осмысления роли педагога как ключевого актора в обеспечении культурной безопасности регионального образовательного пространства. Целью работы является выявление и обоснование специфических качеств и компетенций личности педагога, необходимых для эффективного выполнения данной задачи, а также разработка практических рекомендаций по их развитию.

Objective of the study. The relevance of this study is due to the increasing need for the formation of stable mechanisms of protection among young people from destructive cultural influences, which in turn requires understanding the role of the teacher as a key actor in ensuring the cultural security of the regional educational space. The purpose of the work is to identify and substantiate the specific qualities and competencies of the teacher's personality necessary for the effective performance of this task, as well as to develop practical recommendations for their development.

© Тихоновскова М. П., 2026

© Волохова Е. В., 2026

© Армейсков М. А., 2026

Методология исследования. В основе исследования лежит междисциплинарный подход, объединяющий положения педагогики, социологии, культурологии и психологии. Были использованы следующие методы: метод теоретического анализа, сравнительно-сопоставительный анализ, метод моделирования.

Результаты исследования. Результаты исследования показали, что личность педагога играет определяющую роль в формировании культурной безопасности молодежи. Выявлено, что ключевыми качествами являются: высокий уровень культурной компетентности, способность к критическому мышлению, толерантность, эмпатия, а также развитые коммуникативные навыки. Педагог должен выступать в роли наставника, способного не только транслировать знания, но и формировать ценностные ориентации, стимулировать развитие самосознания и самостоятельности обучающихся в условиях информационного многообразия.

Перспективы исследования. Дальнейшее развитие данного направления предполагает углубленное изучение влияния различных социокультурных факторов на восприятие молодежью концепции культурной безопасности.

Ключевые слова: культурная безопасность, личность педагога, региональное образовательное пространство, культурная идентичность, духовно-нравственное воспитание, угрозы культуре, образовательная среда

Methodological basis of the study. The research is based on an interdisciplinary approach combining the principles of pedagogy, sociology, cultural studies and psychology. The following methods were used: the method of theoretical analysis, comparative analysis, modeling method.

The results of the study. The results of the study showed that the personality of a teacher plays a crucial role in shaping the cultural safety of young people. It is revealed that the key qualities are: a high level of cultural competence, the ability to think critically, tolerance, empathy, as well as developed communication skills. The teacher should act as a mentor who is able not only to transmit knowledge, but also to form value orientations, stimulate the development of self-awareness and independence of students in the context of information diversity.

Prospects of the study. Further development of this area involves an in-depth study of the influence of various socio-cultural factors on the perception of the concept of cultural security by young people.

Keywords: cultural safety, teacher's personality, regional educational space, cultural identity, moral education, threats for culture, educational environment

Введение

Актуальность исследования проблемы обеспечения культурной безопасности в региональном образовательном пространстве обусловлена как социокультурными, так и политическими и экономическими вызовами современности. Образование, являясь главным институтом социализации, находится в центре этих вызов и становится местом уязвимости и одновременно

потенциала для противостояния разрушительным тенденциям. Средства массовой информации, цифровые платформы предлагают унифицированные культурные ценности. Это приводит к вытеснению на периферию региональной культуры, языков, традиций. На наш взгляд, региональное образовательное пространство становится последним институциональным барьером на пути к культурной экспансии. В этом аспекте важно рассмотреть проблему «формирования “человека мира” без корней» и роль педагога в ее решении.

Данное исследование базируется на нескольких взаимосвязанных концептах, которые уже раскрыты в научной литературе. В. В. Краевский (Краевский, 1994), И. А. Зимняя (Зимняя, 2010) считали, что культурная безопасность личности обучающегося трактуется как состояние защищенности от разрушающего воздействия информации, угрожающего искажением ценностно-смысловых ориентаций, этнокультурной идентичности и духовно-нравственному развитию. А. П. Садохин (Садохин, 2006) и Г. В. Палаткина (Палаткина, 2009) рассуждали о способности личности к критическому осмыслению поликультурного информационного потока, сохранению своей культурной идентичности и конструктивному межкультурному диалогу. В регионах это дополняется защитой от рисков потери культурного суверенитета, когда глобальная или доминирующая культура вытесняет региональные культурные коды. Региональное образовательное пространство рассматривается не просто как местоположение, а как социокультурное явление, интегрирующее историко-культурные традиции, этноконфессиональный состав, языковую среду и специфические социально-экономические отношения конкретного региона (Караковский, 1993). Л. С. Выготский (Выготский, 2008), А. Г. Асмолов (Асмолов, 2007) полагали, что личность педагога в данном контексте выступает культурным посредником, который передает и интерпретирует культурные ценности, отбирая и адаптируя контент с учетом региональной специфики. Носитель и транслятор региональной культуры обладает глубокими знаниями о культуре, истории, традициях родного края и способен интегрировать их в образовательный процесс. Педагог осознанно выстраивает образовательную среду, предупреждающую возникновение культурных конфликтов, ксенофобии, этнического эгоизма. Научная литература позволяет выделить несколько ключевых направлений, раскрывающих роль педагога. Суть ценностно-мировоззренческого направления: педагог формирует понимание о гражданской идентичности. Исследования Е. В. Бондаревской и Г. Н. Волковой подчеркивают, что в поликультурном регионе преподавателю следует воспитывать «единство в многообразии», то есть чувство общероссийской гражданской идентичности при уважении и сохранении этнокультурной идентичности (Бондаревская, 2000). Дидактико-методическое направление включает в себя создание

и реализацию учебных программ, интегрирующих национально-региональный компонент. Исследования Д. И. Фельдштейна показывают, что педагог должен владеть техниками разрешения конфликтов на культурной почве, уметь диагностировать межличностные отношения в коллективе (Фельдштейн, 1989). Педагог в данном случае выступает психологом, способным управлять групповой динамикой в многонациональной среде. Компетентное направление развивает изучение специфических профессиональных компетенций, необходимых педагогу для обеспечения культурной безопасности. В работах В. В. Серикова (Сериков, 1999), А. В. Хуторского (Хуторской, 2010) говорится об этнопедагогической и поликультурной компетентности учителя, включающей знание основ межкультурной коммуникации, региональной культуры и умение проектировать соответствующую образовательную среду. Однако существуют проблемы в исследовании обозначенных выше вопросах. Можно выделить следующие значительные лакуны.

1. Лакуна методологическая: отсутствие интегративной модели. Нет единой теоретической модели, которая бы системно связала личностные характеристики педагога (ценности, установки, компетенции) с конкретными механизмами обеспечения культурной безопасности в региональном образовательном пространстве. Исследования носят фрагментарный характер.

2. Лакуна эмпирическая. Недостаток конкретных региональных исследований. Преобладают общетеоретические работы. Не хватает эмпирических трудов, сравнивающих специфику работы педагога, например, в многонациональном Дагестане, русскоязычном регионе Центральной России и приграничном Дальнем Востоке.

3. Лакуна личностно-биографическая. Мало работ, изучающих субъективное восприятие педагогом своей роли в обеспечении культурной безопасности. Как сами учителя понимают эту задачу? Как личный опыт, ценности и риски влияют на их профессиональные действия? Это требует применения качественных методов: биографических интервью, нарративного анализа.

4. Лакуна технологическая. Дефицит ориентированных на практику инструментов. Не разработаны в достаточной мере конкретные педагогические технологии, сценарии занятий, направленные на формирование у учителей умения обеспечивать культурную безопасность с учетом регионального компонента. Существующие методики часто носят общий, декларативный характер.

5. Лакуна аксиологическая: размытая иерархия ценностей. Остается дискуссионным вопрос о том, как педагогу выстраивать баланс между разными, иногда конфликтующими, ценностями (например, традиционные религиозные ценности семьи в регионе, светские либеральные ценности, пропагандируемые в медиа). Литература часто обходит этот острый вопрос.

6. Лакуна, связанная с цифровой средой. Слабо изучена роль педагога как гида в цифровом пространстве, где угрозы культурной безопасности (кибербуллинг, деструктивный контент, радикальные сообщества) особенно сильны. Не исследовано, как преподаватель может использовать цифровые инструменты для укрепления региональной культурной идентичности и противодействия этим угрозам. Таким образом, научное сообщество признает важную роль личности педагога в обеспечении культурной безопасности обучающихся. Однако эта роль часто описывается абстрактно, без привязки к специфике регионального образовательного пространства (Король, Вороницкий, 2022).

Методы и методология

В данном исследовании использовался метод теоретического анализа, который включил в себя анализ философской, психолого-педагогической и культурологической литературы по ключевым понятиям «культурная безопасность», «региональное образовательное пространство», «личность педагога», «поликультурная компетентность». Сравнительно-сопоставительный анализ способствовал исследованию подходов разных авторов к роли педагога в поликультурной среде. Актуален метод моделирования, представляющий разработку авторской структурно-функциональной модели личности педагога, обеспечивающего культурную безопасность. Модель включает ценностно-мотивационные установки, когнитивный аспект (знания о культурах региона), деятельностный (методы и приемы), рефлексивный (самоанализ).

Проблемы культурной безопасности в региональном образовательном пространстве и пути их решения

Идея космополитизма, доведенная до крайности, порождает личность, оторванную от своей «малой родины». Это ведет к социальной дезориентации, к разрыву социальных связей и, как следствие, к усилению миграционных настроений среди талантливой молодежи, что ослабляет человеческий потенциал регионов (Аббасова, 2022). Для решения данной проблемы необходимы практические и идеологические меры. Во-первых, актуально изменение образовательной парадигмы от передачи знаний к укреплению идентичности. Недостаточны лекции по краеведению, необходима интеграция регионального компонента в основную образовательную программу на всех уровнях. Во-вторых, чтобы остановить «утечку мозгов», нужны конкретные условия для реализации. Эффективно создание и развитие инфраструктуры, в частности создание в регионах современных коворкингов (формат организации рабочего пространства), IT-хабов (специализированные центры, экосистемы или кластеры, объединяющие компании, стартапы, специалистов и инфраструктуру в сфере информационных технологий, арт-резиденции,

научные лаборатории) (Григорьева, 2012). Необходимо развивать и популяризировать систему грантов и стипендий для молодых ученых, предпринимателей и деятелей искусства, чьи проекты направлены на развитие их родного региона. Важна поддержка молодежного предпринимательства, например создание специализированных организаций для ускорения роста новых малых предприятий на ранней стадии их развития (стартапов) в конкретном городе или регионе, программ менторства, когда успешный IT-специалист из региона берет «под крыло» студента местного вуза или опытный предприниматель помогает советом начинающему. Это ускоряет профессиональный рост молодых кадров и дает им чувство поддержки, напрямую влияющее на их решение остаться в своем городе. В-третьих, надо помнить о цифровизации и продвижении регионального контента, например, можно создавать виртуальные туры по музеям, онлайн-архивы устных историй, подкасты о культуре и науке региона, ведение интересных социальных сетей о жизни малых городов. Контент должен быть современным, профессиональным и увлекательным. Актуальна поддержка местных блогеров и лидеров мнений, которые с любовью и знанием дела рассказывают о своем регионе, формируя его привлекательный образ. Подчеркнем, что перечисленные методы укрепления культурной безопасности, идентичности вовсе не значат изоляцию. Переосмыслим понятие «человек мира». Это не такой человек, у кого нет корней, а тот, кто, имея прочную основу в виде своей культуры и языка, способен к диалогу с другими. Его сила — в понимании своего уникального кода, который он может предложить миру. Нужно показывать, что именно глубокое знание своей малой родины, ее проблем и специфики является той самой уникальной движущей силой, которая делает выпускника конкурентоспособным на глобальном рынке. На наш взгляд, является ценной поддержка местных инициатив, фестивали, городские праздники, «соседские центры», которые возрождают дух общности и дружбы. Следует обратить внимание на развитие волонтерских программ, направленных на улучшение жизни в своем городе или селе. Совместный труд на благо места, где живешь, является мощнейшим инструментом формирования культурной безопасности, идентичности. Решение проблемы — не в изоляции от мира, а в качественном усилении регионального образовательного и культурного пространства. Задачей является не запрет молодежи смотреть на жизнь в других странах, а дать ей такие сильные «корни» и такие интересные возможности на месте, чтобы уезжать ей хотелось не от безысходности, а для получения опыта с возвращением домой для его реализации.

Перечисленные методы не исключают информационные угрозы, например, кризис идентичности в цифровой среде. Поясним сказанное примером. Виртуальное пространство становится для молодежи основной средой обитания, где насаждаются разрушающие субкультуры, пропагандируется

инфантилизм, потребительское отношение к жизни и пересматриваются традиционные нравственные нормы. Вузы иногда проигрывает битву за внимание студента, культура которого формируется социальными сетями. Перейдем к угрозе распространения фейковой информации и переписывание истории. Целенаправленное искажение истории подрывает основы гражданской идентичности и патриотического сознания. Образовательное пространство должно выступать экспертной средой, дающей методы для критического анализа информации. Что касается социально-экономического неравенства между столицей и регионами, оно может порождать у жителей малых городов и сел чувство ущербности, восприятие своей культуры как «второсортной». Грамотно выстроенная культурная политика в образовании способна преодолеть этот комплекс, демонстрируя уникальность и ценность культурного наследия каждого региона для общенационального целого. Если говорить об этнокультурном многообразии и рисках конфликтности, отметим, что многие регионы России являются многонациональными. Образовательное пространство призвано не устранять различия, а создавать условия для конструктивного диалога культур, воспитания взаимного уважения и формирования общероссийской гражданской идентичности на основе богатства этого многообразия. Психолого-педагогический аспект статьи затрагивает кризис ценностных ориентиров. В условиях ценностного плюрализма у молодого поколения наблюдается растерянность, экзистенциальная неуверенность. Культурная безопасность, обеспеченная регионом, дает прочный «культурный якорь» — систему устойчивых ориентиров (семья, род, традиция, земля), помогающих выстроить личную иерархию ценностей. Таким образом, задача современного образования смещается с простой трансляции знаний к формированию у обучающегося способности самостоятельно противостоять манипуляциям, различать добро и зло, истинное и ложное в культуре. Этот иммунитет эффективнее всего вырабатывается на близком и понятном материале родной культуры. Актуальность обеспечения культурной безопасности в региональном образовательном пространстве определяется необходимостью решения фундаментального противоречия: между глобальными процессами, ведущими к унификации и размыванию идентичностей, и насущной потребностью человека и общества в сохранении культурного многообразия, исторической преемственности и духовного суверенитета. Региональные вузы оказываются на передовой этой борьбы. Они являются не периферией, а стратегическим ресурсом национальной безопасности, так как именно здесь формируется тот базовый культурный код, который определяет гражданское самосознание, патриотизм и жизненный стержень молодого россиянина. Игнорирование этой проблемы ведет к рискам дезинтеграции общества, утрате культурного наследия и суверенитета.

Роль педагога в укреплении культурной безопасности регионов

Любой методологический и институциональный подход бесполезен без осмысления человеческого, личностного фактора. Ключевым звеном, транслятором ценностей и противоборствующей силой против угроз культуре является личность педагога. Именно педагог выступает тем «живым фильтром», который интерпретирует информационные потоки, актуализирует культурное наследие и выстраивает доверительные отношения с обучающимся, формируя его культурный иммунитет (Медведева, Стоналова, 2016). Личность педагога в данном контексте представляет собой синтез профессиональной компетентности и ценностных ориентаций. Это не просто носитель предметных знаний, а носитель культуры. Его роль проявляется в нескольких ипостасях. Во-первых, педагог должен грамотно обучать языку, традициям, эстетическим и этическим нормам, исторической памяти своего региона. С его помощью абстрактные «культурные ценности» обретают плоть и кровь, становятся узнаваемыми и близкими. Во-вторых, в условиях поликультурной среды педагог не навязывает единственную точку зрения, но организует диалог между различными культурными кодами — локальными, общенациональными, глобальными. Он учит критически осмысливать любую информацию, отличать конструктивные культурные заимствования от разрушающих. В-третьих, собственная гражданская и культурная позиция педагога, его уважительное отношение к малой родине, его способность быть «послом» своей культуры служат мощным воспитательным примером для учащихся. Хороший педагог предстает гарантом культурной безопасности. Для эффективного выполнения этой роли педагог должен обладать некоторыми сформированными качествами.

1. Ценностно-мотивационный компонент. Личная убежденность в значимости культурного наследия, осознанная гражданская позиция, внутренняя потребность в сохранении и преумножении культурного достояния региона и страны.

2. Когнитивный компонент. Глубокие системные знания в области региональной истории, литературы, искусства, этнографии, а также понимание общих закономерностей культурных процессов и современных глобальных вызовов.

3. Деятельностный компонент. Владение педагогическими технологиями, позволяющими эффективно интегрировать краеведческий материал в учебный процесс, организовывать проектную и исследовательскую деятельность, инициировать внеурочные мероприятия (экскурсии, встречи с носителями традиций, фольклорные праздники).

4. Рефлексивно-аналитический компонент. Способность к самоанализу, критической оценке собственной культурной позиции, а также к диагностике культурных рисков и угроз в окружении обучающихся (класс, социальные сети).

5. Эмоционально-волевой компонент. Культурная чуткость, эмпатия, терпимость, а также настойчивость и принципиальность в отстаивании нравственных ориентиров.

На основании методологических и теоретических исследований (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. П. Садохин, Г. Д. Дмитриев, Н. В. Кузьмина, В. А. Слостёнин, И. А. Зимняя, В. В. Краевский, Г. Н. Волков, А. Б. Панькин, Дж. Берри, Ю. М. Лотман) представлена модель педагога, ответственного за культурную безопасность в региональном образовательном пространстве. Модель была целенаправленно спроектирована так, чтобы заполнить пробелы, выявленные в нашем предыдущем разделе. Она устраняет пробел «отсутствие интегративной модели», являясь интегративной структурой, связывающей личность педагога с конкретными функциями и условиями региона. Модель заполняет пробел «дефицит инструментов, ориентированных на практику». Предлагаются конкретные компетенции и методы, которые педагог может применять в работе. Модель четко определяет баланс между общероссийской гражданской и региональной культурной идентичностью, заполняя пробел «неясность с иерархией ценностей». Итак, перейдем к описанию модели. Профессиональная личностная позиция педагога, который является защитником культурного суверенитета и навигатором в региональном образовательном пространстве, — это ее стержень. Ценностные ориентации педагога таковы: гуманистическая позиция, терпимость к другим культурам, баланс ценностей (гражданская идентичность и региональная культурная идентичность). Его мотивациями являются внутренняя потребность в создании безопасной образовательной среды, осознание личной ответственности за культурное развитие обучающихся, мотивация к постоянному межкультурному самообразованию. Хороший педагог, отвечающий за культурную безопасность регионального образовательного пространства, должен иметь глубокие знания о культуре, истории, традициях, языке региона, понимать его специфику, знать основы культурной антропологии и межкультурной коммуникации, осознавать возможность появления потенциальных угроз культурной безопасности в конкретном регионе, понимать возрастные особенности формирования культурной идентичности. Его профессиональные компетенции должны быть следующими: этнопедагогическая компетентность (умение использовать традиции воспитания народов региона), компетентность разрешения межкультурных конфликтов, диагностическая компетентность (выявление рисков для культурной безопасности), проектировочная компетентность (создание культурно-безопасной среды). Педагогу следует

использовать следующие технологии и методы: культурный диалог как основной метод взаимодействия, проектная деятельность с региональным культурным компонентом, ситуационное моделирование межкультурных ситуаций, интеграция регионального материала в учебные предметы. Представим функциональные компоненты модели, в частности, внутренние функции, направленные на саморазвитие педагога. Аксиологической функцией является выработка умения ценить культурное разнообразие. Когнитивная функция включает постоянное обогащение знаний о культуре региона. Рефлексивная функция представляет собой самоконтроль и самоанализ профессиональной деятельности. Внешние функции направлены на обеспечение культурной безопасности. Это способность оградить обучающихся от рисков и угроз, организовать диалог между представителями разных культур, создавать условия для культурной самоидентификации. Результатом реализации модели педагога, влияющего на культурную безопасность, будут сформированная позитивная этнокультурная и гражданская идентичность, способность студентов к межкультурному диалогу, устойчивость к деструктивным влияниям на культуру и образование, критическое отношение к непроверенной информации, уважительное отношение к культурному разнообразию региона.

При создании модели учитывалась контекстуальность, то есть специфика регионального образовательного пространства, механизм постоянного саморазвития педагога, четкая связь с реальной профессиональной деятельностью. Данная модель может служить основой для разработки программ подготовки и повышения квалификации педагогов, диагностики их профессиональной компетентности и создания конкретных методических рекомендаций для работы в многонациональных регионах.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что в условиях глобализации и цифровизации, рисков и угроз, связанных с искусственным интеллектом, региональное образовательное пространство приобретает ключевое значение как противостояние культурной унификации и как инструмент сохранения культурного суверенитета. Обеспечение культурной безопасности обучающихся связано с личностью педагога, который выступает центральным звеном в этом процессе. Педагог не только дает знания и прививает культурные ценности, но и создает развивающую среду, формирующую культурный иммунитет и устойчивую идентичность студентов. Разработанная структурно-функциональная модель личности педагога, обеспечивающего культурную безопасность, интегрирует ценностно-мотивационные, когнитивные, деятельностные и рефлексивные компоненты. Она предлагает конкретный инструментарий для практической работы, позволяя педагогу эффективно противодействовать таким угрозам, как кризис идентичности, исчезновение

региональных культур. Реализация данной модели на практике будет способствовать формированию у обучающихся позитивной гражданской и этнокультурной идентичности, критического мышления, уважения к культурному разнообразию и способности к конструктивному межкультурному диалогу. Таким образом, целенаправленная подготовка педагогов, отвечающих требованиям данной модели, является стратегией укрепления не только образовательного, но и культурного потенциала регионов и страны в целом.

Список источников

Аббасова Л. И. Диагностика актуального уровня сформированности поликультурной компетентности будущего педагога // Проблемы современного педагогического образования. — 2022. — № 76-1. — С. 4-6. — EDN YOBAZB.

Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология». — 3-е изд., исп. и доп. — М.: Смысл; Academia, 2007. — 526 с. — ISBN 978-5-89357-221-6.

Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. — 352 с. — ISBN 5-86340-090-0.

Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2008. — 671 с. — ISBN 978-5-17-049976-2.

Григорьева М. И., Журавлева Н. Н. Этнокультурное образование: сущность, подходы, опыт реализации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2012. — № 2(6). — С. 28-34. — EDN OXHQCR.

Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. — М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-9770-0518-0.

References

Abbasova L. I. Diagnosis of the current level of formation of multicultural competence of a future teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2022; 76-1:4-6. EDN YOBAZB. (In Russ.)

Asmolov A. G. *Personality Psychology: A Cultural-Historical Understanding of Human Development: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Majoring in Psychology*. 3rd ed., revised and expanded. M.: Smysl; Academia = Moscow: Smysl; Academia; 2007. 526 p. ISBN 978-5-89357-221-6. (In Russ.)

Bondarevskaya E. V. *Theory and practice of student-centered education*. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo pedagogicheskogo universiteta = Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov Pedagogical University, 2000; 352 p. ISBN 5-86340-090-0. (In Russ.)

Vygotsky L. S. *Educational psychology*. M.: AST, Astrel, Khranitel = M.: AST, Astrel, Khranitel, 2008; 671 p. ISBN 978-5-17-049976-2. (In Russ.)

Grigoreva M. I., Zhuravleva N. N. *Ethnocultural education: essence, approaches, implementation experience*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2012; 2(6): 28-34. EDN OXHQCR. (In Russ.)

Zimnyaya I. A. *Educational Psychology: A Textbook for Universities*. M.: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta;

Караковский В. А. Стать человеком: Общечеловеческие ценности — основа целостного учебно-воспитательного процесса. — Москва: Новая школа, 1993. — 80 с. *Король А. Д., Воротницкий Ю. И.* Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. — 2022. — Т. 31, № 6. — С. 48–61. — DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61. — EDN SXEPBK.

Краевский В. В. Методология педагогического исследования: пособие для педагога-исследователя. — Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. — 165 с. — ISBN 5-8428-0038-1.

Медведева Н. В., Стоналова А. С. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению // Материалы Афанасьевских чтений. — 2016. — № 3(16). — С. 138–143. — EDN WXGSYB.

Палаткина Г. В. Этнопедагогика учебное пособие. — Федер. агентство по образованию, Астрах. гос. ун-т. — Астрахань: Астраханский университет, 2009. — 269 с. — ISBN 978-5-9926-0285-2.

Садокhin А. П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 286 с. — ISBN 5-16-001943-X.

Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. — М.: Логос, 1999. — 272 с. — ISBN 5-88439-018-1.

Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. — М.: Педагогика, 1989. — 208 с. — ISBN 5-7155-0030-3.

Хуторской А. В. Педагогическая инноватика. — М.: Академия, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-7695-4672-3.

Voronezh: MODEK = M.: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK, 2010; 448 p. ISBN 978-5-9770-0518-0. (In Russ.)

Karakovskiy V. A. Becoming Human: Universal Human Values — the Foundation of a Comprehensive Educational Process. M.: Novaya shkola = Moscow: New School; 199; 80 p. (In Russ.)

Korol A. D., Vorotnitskiy Yu. I. Digital Transformation of Education and the Challenges of the 21st Century. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2022; 31(6): 48–61. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61. EDN SXEPBK. (In Russ.)

Kraevskiy V. V. Methodology of pedagogical research: a manual for a teacher-researcher. Samara: Izd-vo SamGPI = Samara: SamSPI Publishing House. 1994; 165 p. ISBN 5-8428-0038-1. (In Russ.)

Medvedeva N. V., Stonalova A. S. The concept of “cultural heritage” and the main theoretical approaches to its study. Materialy Afanasiev'evskikh chteniy = Materials of Afanasiev Readings. 2016; 3(16):138–143. EDN WXGSYB. (In Russ.)

Palatkina G. V. Ethnopedagogy textbook. Federal Education Agency, Astrakhan State University. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet = Astrakhan: Astrakhan University, 2009; 269 p. ISBN 978-5-9926-0285-2. (In Russ.)

Sadokhin A. P. Intercultural Communication: A Textbook. — M.: INFRA-M = Moscow: INFRA-M, 2006; 286 p. ISBN 5-16-001943-X. (In Russ.)

Serikov V. V. Education and personality. Theory and practice of designing pedagogical systems. M.: Logos = Moscow: Logos, 1999; 272 p. ISBN 5-88439-018-1. (In Russ.)

Feldshteyn D. I. Psychology of personality development in ontogenesis. M.: Pedagogika = Moscow: Pedagogy, 1989; 208 p. ISBN 5-7155-0030-3. (In Russ.)

Khutorskoy A. V. Pedagogical innovation. M.: Akademiya = M.: Academy, 2010; 256 p. ISBN 978-5-7695-4672-3. (In Russ.)

Для цитирования: Тихоновскова М. П., Волохова Е. В., Армейсков М. А. Роль личности педагога в обеспечении культурной безопасности молодежи в условиях регионального образовательного пространства // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 208–220.
DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.16
EDN RRALTC

Сведения об авторах

Тихоновскова Мария Петровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.
SPIN-код: 3368-1360
AuthorID: 1096051
tikhonovskova.maria@yandex.ru

Волохова Елена Викторовна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.
SPIN-код: 9770-9817
AuthorID: 290507
volohova.1973@mail.ru

Армейсков Матвей Александрович

аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.
marmeyskov@privod-n.ru

История статьи:

Поступила в редакцию — 02.02.2026
Одобрена после рецензирования — 19.03.2026
Принята после публикации — 20.03.2026

Information about authors

Maria P. Tikhonovskova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University.
tikhonovskova.maria@yandex.ru

Volokhova Elena V. — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University.
volohova.1973@mail.ru

Armeiskov Matvey A.

Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University
marmeyskov@privod-n.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

EDN TWBHUU

20 апреля 2026 года отметила свой юбилей доктор социологических наук, профессор, и.о. директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, один из ведущих специалистов в области социологии молодежи Юлия Альбертовна Зубок.

Юлия Альбертовна Зубок работает в системе академической науки с 1993 года, когда после окончания исторического факультета Харьковского государственного университета начала свой профессиональный путь в Институте социально-политических исследований Российской академии наук.

В 1997 году Юлия Альбертовна защитила кандидатскую диссертацию «Особенности социальной интеграции молодежи в условиях нестабильного общества» (научная специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы, социологические науки) и была переведена на должность старшего научного сотрудника Института социально-политических исследований Российской академии наук.

В 2003 году защитила докторскую диссертацию «Риск как фактор социального развития молодежи» (научная специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы, социологические науки).

Обе диссертации выполнены под научным руководством и при научном консультировании доктора социологических наук, профессора Владимира Ильича Чупрова. С его именем связан важнейший этап профессионального

становления Юлии Альбертовны — многолетнее плодотворное сотрудничество, переросшее в подлинное научное сотворчество. В соавторстве с В. И. Чупровым опубликованы фундаментальные монографии, среди которых «Молодежь в обществе риска» (совместно с К. Уильямсом; 2001, 2003, 2015), «Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности» (2019), «Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности» (2020), а также десятки статей в ведущих научных журналах, включая «Социологические исследования», «Вестник института социологии». Вместе с учителем и соавтором Ю. А. Зубок разрабатывала ключевые направления отечественной социологии молодежи, продолжая и развивая заложенные им традиции научного поиска.

С 2004 года занимает должность заведующей Отделом социологии молодежи (ныне — Центр социологии молодежи Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН).

С 2017 по 2025 год являлась заместителем директора по научной работе Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

С 2025 года по настоящее время — и.о. директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ю. А. Зубок является признанным лидером отечественной социологии молодежи, одним из авторов рискологической концепции молодежи, концепций молодежного экстремизма, социальной регуляции и саморегуляции в условиях изменяющейся социальной действительности. Область ее научных интересов охватывает теоретические проблемы социологии молодежи, факторы неопределенности и риска в развитии молодежи, специфические молодежные конфликты и модели их разрешения, социальную интеграцию и социальное исключение, механизмы социальной регуляции в молодежной среде в сферах образования, труда, политических отношений.

Высокий научный авторитет Ю. А. Зубок подтвержден признанием профессионального сообщества: она является членом редколлегии ведущего российского социологического журнала «Социологические исследования», заместителем главного редактора журнала «Наука. Культура. Общество», а также входит в состав редакционных коллегий и советов авторитетных научных изданий, среди которых «Знание. Понимание. Умение», «Социологическая наука и социальная практика», «Регионоведение» и другие. Юлия Альбертовна является заместителем председателя диссертационного совета 24.1.244.02 по социологическим и политическим наукам и членом диссертационного совета 24.1.244.01 по социологическим наукам на базе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Автор более 200 научных публикаций. Ее исследования вносят большой вклад в понимание процессов социального развития молодого поколения в условиях нестабильности.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Юлию Альбертовну с юбилеем! Желаем Вам неиссякаемой творческой энергии, новых научных открытий и благодарных учеников. Пусть Ваша жизнь будет наполнена гармонией, благополучием и радостью, а Ваша профессиональная мудрость и преданность науке продолжают вдохновлять коллег и последователей. Крепкого здоровья, мира и оптимизма на долгие годы!

15 апреля 2026 года отметила свой юбилей ректор Южного федерального университета Инна Константиновна Шевченко.

Инна Константиновна родилась в 1976 году в городе Пролетарске Ростовской области. В 1998 году с отличием окончила Таганрогский государственный радиотехнический университет по специальности «Менеджмент», а в 1999 году — магистратуру по направлению «Менеджмент» с присвоением квалификации «магистр менеджмента».

Вся трудовая деятельность И. К. Шевченко связана с Южным федеральным университетом (ранее — Таганрогским государственным радиотехническим университетом).

С 1999 по 2004 год — ассистент кафедры экономики Таганрогского государственного радиотехнического университета.

В 2003 году защитила кандидатскую диссертацию «Инвестиционный механизм регулирования развития отраслевой структуры региональной экономики», в 2009 году — докторскую диссертацию «Инструментарно-технологическая поддержка процесса управления экономическими системами: программно-проектный подход».

В 2008 году присвоено ученое звание доцента по кафедре экономики.

С 2004 по 2012 год — доцент, а затем профессор кафедры экономики Южного федерального университета.

С 2012 по 2014 год — декан факультета управления в экономических и социальных системах Южного федерального университета.

В 2014–2018 годах занимала должности проректора по организации проектной деятельности, проректора по организации научной и проектно-инновационной деятельности, проректора по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Южного федерального университета.

С 2018 года исполняла обязанности ректора, а с 2020 года назначена ректором Южного федерального университета (Распоряжением Правительства Российской Федерации). В 2025 году переназначена на этот пост.

Область научных интересов И. К. Шевченко — проблемы региональной экономики и экономического роста, управление социальными и экономическими системами, сбалансированное развитие промышленного сектора. Ею опубликовано 175 научных и учебно-методических работ. Ведет активную работу по подготовке научно-профессиональных кадров высшей квалификации.

Глубокое понимание университетской специфики, сформированное за годы организационной и научно-педагогической работы, органично соединяется в деятельности Инны Константиновны с талантом эффективного руководителя. За время ее работы на посту ректора Южный федеральный университет добился значимых успехов в реализации государственных программ развития и укрепления международных позиций. В 2021 году вуз вошел в программу стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», начав свой путь со второй (повышенной) части трека «Исследовательское лидерство», занимая восьмое место среди вузов-участников. Благодаря эффективной управленческой стратегии Инны Константиновны уже в марте 2025 года Южный федеральный университет совершил качественный рывок, перейдя в первую (повышенную) группу гранта, заняв восьмое место. Уже в ноябре того же года университет не только сохранил, но и упрочил свои позиции, поднявшись на четвертое место в рейтинге эффективности среди ведущих вузов страны.

Международное признание ЮФУ также неуклонно растет. В 2025 году университет вошел в топ-7 российских вузов в мировом рейтинге междисциплинарных наук Times Higher Education (ISR), заняв 201–250 позицию в глобальном зачете. В январе 2026 года ЮФУ закрепился на втором месте среди российских вузов по наукам о жизни (Life Sciences), поднявшись в группу 400–500 мирового рейтинга.

Еще одним свидетельством признания стало включение ЮФУ в число участников пилотного проекта по реформе высшего образования. В январе 2026 года университет вошел в список 17 ведущих вузов страны, которым предстоит с 2026/27 года реализовывать двухуровневую модель образования (базовое и специализированное высшее образование). Такое доверие подтверждает роль ЮФУ как ключевого научно-образовательного центра, способного формировать облик национальной системы высшего образования.

Сегодня Южный федеральный университет уверенно реализует миссию исследовательского университета мирового уровня, решающего задачи национальной безопасности и развития технологических инноваций на Юге России.

Высокий авторитет Инны Константиновны как ученого и руководителя подтверждается ее деятельностью в экспертных и координационных органах. И. К. Шевченко является членом Совета по науке и образованию при Президенте РФ, экспертом РАН и РНФ, входит в состав Экспертного совета по развитию электронной и радиоэлектронной промышленности Комитета Государственной Думы РФ по промышленности и торговле, Комиссии по вопросам формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в Управляющий совет НОЦ Юга России и др.

Награждена Благодарственными письмами Президента Российской Федерации (2014, 2024), Почетной грамотой Министра промышленности и торговли РФ (2021), медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества» (2022), медалью «За помощь и милосердие» (2025). Удостоена почетного звания «Почетный работник сферы образования Российской Федерации» (2025), является Почетным доктором Адыгейского государственного университета (2018).

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Инну Константиновну с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых свершений на благо отечественной науки и образования. Пусть Ваш профессиональный путь и впредь будет отмечен мудрыми решениями, достойными победами и признанием коллег. Счастья, благополучия и оптимизма Вам и Вашим близким!

5 апреля 2026 года отметил свой юбилей доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, член редакционной коллегии журнала «Гуманитарий Юга России» Аюс Мухамедович Кумыков.

Родился в 1966 году в с. Заюково Баксанского района Кабардино-Балкарии. В 1983 году закончил сельскую школу и поступил на первый курс исторического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета. С 1984 по 1986 год служил в рядах Вооруженных сил СССР на территории Белорусской ССР. По окончании службы продолжил обучение в вузе и окончил его в 1990 году с отличием по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществознания».

Трудовую деятельность начал в 1988 году секретарем комитета комсомола КБГУ.

С 1988 по 2018 год трудился на различных должностях в Кабардино-Балкарском государственном университете, в числе которых должность председателя студсовета, председателя профкома ППС, заведующего кафедрой «Теории и технологии социальной работы», проректора КБГУ.

Административную работу совмещал с образовательной и научной деятельностью — ассистент, старший преподаватель, доцент и профессор.

В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 2008 году докторскую диссертацию в Южном федеральном университете под руководством

Заслуженного деятеля науки РФ Ю. Г. Волкова на тему «Национальный идеал российской государственности: социально-философский анализ».

С 2018 по 2020 год работал министром просвещения, науки и молодежной политики КБР.

С 2020 по 2024 год — проректор по социальным вопросам и молодежной политике Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова.

С 2024 года по настоящее время — директор Северо-Кавказского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

А. М. Кумыков — автор более 130 научных, учебных и методических публикаций, среди которых 9 монографий и 2 учебника для студентов вузов.

Под руководством А. М. Кумыкова защитили кандидатские диссертации 10 соискателей. С результатами исследований выступал на международных и всероссийских конгрессах, конференциях и форумах.

Ауес Мухамедович выполнял большую общественную работу. Руководил РОО «Союз молодежи КБР», создал и руководил «Ассоциацией студентов вузов Северного Кавказа», с 2003 по 2016 год избирался депутатом городского совета г.о. Нальчик. Выступал в качестве эксперта в кадровых комиссиях Администрации Главы КБР и различных министерств в республике.

В числе наград А. М. Кумыкова — более 50 грамот и благодарностей федеральных и региональных министерств и ведомств.

Награжден нагрудным знаком «Почётный работник высшей школы РФ», серебряной медалью РАН им. Питирима Сорокина. Почетный профессор Абхазского государственного университета.

Редакция журнала сердечно поздравляет юбиляра и желает ему крепкого здоровья, позитивного настроения, благополучия, научного долголетия и успехов во всех начинаниях!

5 апреля 2026 года отметила свой юбилей доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета Маргарита Сергеевна Астоянц.

Родилась Маргарита Сергеевна в 1971 году в г. Грозном ЧИАССР.

В 1987 г. окончила среднюю школу с серебряной медалью.

В 1993 г. окончила Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта (РИИЖТ) по специальности «Автоматика, телемеханика и связь на ж/д транспорте», в 1999 г. — Ростовский государственный университет по специальности «Социальная работа». В 2003 г. окончила аспирантуру Ростовского государственного педагогического университета, в 2007 г. — докторантуру Ростовского государственного педагогического университета.

Свой профессиональный путь М. С. Астоянц начала в 1993 г.

Работала в должности лаборанта Азовского областного музыкально-педагогического колледжа (1993–1995 гг.). В период с 1995 по 2003 год работая в должности социального педагога Областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних (Азовский р-н, с. Кулешовка), заинтересовалась социологией и занялась исследованиями проблем социального сиротства.

Вся ее дальнейшая профессиональная деятельность неразрывно связана с университетом. В 2004–2011 гг. — старший преподаватель, доцент,

профессор кафедры социологии, политологии и обществоведческого образования Педагогического института ЮФУ. В 2011–2014 гг. — зав. кафедрой прикладной социологии факультета социологии и политологии ЮФУ; в 2014–2018 гг. — профессор, и.о. зав. кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ.

С декабря 2018 г. по наст. время — зав. кафедрой отраслевой и прикладной социологии ИСиР ЮФУ.

В 2003 г. в Ростовском государственном педагогическом университете на кафедре социологии и политологии под научным руководством профессора Михаила Рувиновича Радовеля успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Социокультурная детерминация личностных характеристик несовершеннолетнего в условиях депривации» по специальности 22.00.06 — социология культуры, духовной жизни.

М. С. Астоянц в качестве руководителя и исполнителя принимала участие в реализации ряда исследовательских проектов по грантам: «Региональные модели социальной защиты и их влияние на социальное исключение (на материалах Республики Татарстан, Ростовской и Иркутской областей)», 2006–2007 гг.; «Социальное исключение детей-сирот в российском обществе: анализ идеологии и практик (советский и постсоветский период)», 2007–2008 гг.; «Молодежь в политических процессах современной России (региональный аспект)», 2007 г.; «Факторы социального сиротства и механизм его профилактики в регионах Российской Федерации», 2007–2008 гг.

В 2007 г. М. С. Астоянц защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме: «Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии: социокультурная интерпретация», после чего в 2009–2010 гг. продолжила исследование в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-докторов наук «Социальное сиротство: стратегии и перспективы социальной инклюзии». В 2009 г. М. С. Астоянц получила корпоративную награду ЮФУ «Достижение — 2009» как лучший молодой доктор наук года.

В 2011 г. ей было присвоено ученое звание доцента.

В настоящее время является заведующей кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ; преподает дисциплины «Методология и методы социологического исследования», «Социологический практикум» (модуль «Визуальная социология»), «Введение в проектную деятельность» для бакалавров; читает курс «Социология культуры» аспирантам. Является руководителем ОП бакалавриата по направлению подготовки 39.03.01 «Социология» набора 2019, 2022–2026 гг.

М. С. Астоянц — автор 19 учебных и более 100 научных публикаций. Ее текущие исследования посвящены проблемам социальной эксклюзии

и агентности уязвимых групп в современном российском обществе. В фокусе находятся две социальные группы: молодежь с инвалидностью, чьи образовательные траектории она анализирует с точки зрения барьеров и факторов инклюзии, и люди старшего возраста, чьи практики социального участия рассматриваются через призму мотивации и социальной активности.

Результаты своей научной деятельности М. С. Астоянц представляет на конференциях различного уровня (региональных, всероссийских, международных). Она выступала с докладами как за рубежом (в Норвегии, Швеции, Болгарии), так и на крупных научных и отраслевых мероприятиях внутри страны (на XV международной Грушинской социологической конференции «Человекоцентричность vs социоцентричность: индивидуализация и взаимодействие в современном мире», VII Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти»).

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность, работу по подготовке высококвалифицированных специалистов для экономики Ростовской области М. С. Астоянц награждена благодарственным письмом Губернатора Ростовской области.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Маргариту Сергеевну с юбилеем и желает крепкого здоровья, новых научных успехов, неиссякаемого вдохновения и творческой энергии, оптимизма, мудрости, душевных сил и благополучия, мира, гармонии!

30 марта отметил свой юбилей доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии Южного научного центра Российской академии наук Сергей Яковлевич Суций.

Родился в 1961 г. в г. Ростове-на-Дону. С 1978 по 1983 г. учился в Ростовском государственном университете на геолого-географическом факультете. После его окончания работал в различных проектных и научно-исследовательских учреждениях. В 1988–2007 гг. являлся сотрудником Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, в 2007–2016 гг. работал в СКНЦ ВШ. С 2007 г. — сотрудник Южного научного центра РАН.

В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию по социологии, в 1997 г. — докторскую по философским наукам. Автор более 200 научных публикаций, в т.ч. 25 монографий.

В 1990-е гг. основными сферами научных интересов С. Я. Суцего стали историческая география и социодинамика русской культуры, анализ эволюции системы ведущих культурных центров, историческая стадийность данного процесса; особенности механизма укоренения и распространения крупнейших в российской истории культурных инноваций, представляющих ряд системных социокультурных трансплантационных циклов. Результатом работы на данном исследовательском направлении стал трехтомный «Атлас русской культуры XI — начала XX века», выпущенный в свет издательством СКНЦ ВШ в 1998–2000 гг.

С начала 2000-х гг. в область научных интересов С. Я. Сущего включается региональная проблематика, в т.ч. социокультурная динамика крупных российских макрорегионов; этнодемография и география населения Юга России, отдельных его территориальных социумов и национальных групп; история южнороссийской науки, культуры и образования. Отдельным исследовательским направлением становится изучение исторической и современной геодинамики русского народа.

В числе результатов исследовательской деятельности С. Я. Сущего на данных направлениях — создание комплексной базы данных по основным социодемографическим и этнокультурным характеристикам населения Юга России в разрезе регионов, субрегионов, сельских районов и городов; детальный анализ демографо-расселенческой и миграционной динамики в постсоветский период русского населения южного макрорегиона, а также крупных региональных диаспор и этнических групп.

С. Я. Сущим были исследованы основные структурно-функциональные элементы террористического подполья Северо-Восточного Кавказа на рубеже 2000–2010-х гг., рассчитаны его демографические ресурсы, установлена и количественно оценена региональная среда социальной поддержки экстремистских практик. Осуществлено демографическое зонирование территории южнороссийских регионов, зафиксированы территории (центры) устойчивой депопуляции, демографического равновесия и роста. Выявлено соотношение основных факторов динамики населения данных территориальных сообществ. Выполнен прогноз наиболее вероятной динамики численности населения регионов Юга России в целом, а также в разрезе городов, муниципальных районов, крупных территориальных этнических групп до 2030–2035 и 2045–2050 гг.

Были исследованы основные тренды количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения стран ближнего зарубежья в постсоветский период. Проведена серия комплексных геодемографических исследований крупнейших народов южного макрорегиона (русские, украинцы, армяне). Выполнен диахронный анализ пространственной динамики протяженной зоны русско-украинского этнодемографического лимитрофа. Зафиксирована региональная специфика расселения русских и украинцев на территории Малороссии, Слободской Украины, Новороссии, Степного Предкавказья в XVIII — начале XXI вв.

Являлся руководителем и исполнителем ряда проектов РНФ, РФФИ, государственного задания Минобрнауки Российской Федерации. Автор более 200 научных работ (в том числе более 30 монографий).

Параллельно научным исследованиям С. Я. Сущий с начала 1990-х гг. профессионально занимается литературной деятельностью. Член Союза

русских писателей. Автор пяти книг прозы и 14 поэтических сборников, изданных в Москве, Ростове-на-Дону, Таганроге.

Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Сергея Яковлевича и желает новых научных открытий, благополучия, оптимизма, безупречного здоровья, неиссякаемого энтузиазма, а также новых творческих и профессиональных достижений в жизни!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью) Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.

<p>Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i></p>
<p>Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i></p>
<p>Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i></p>
<p>Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i></p>

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

<p>Введение (Introduction)</p>	<p>Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования</p>
<p>Методы (теоретические основы) (Materials and Methods (Theoretical basis))</p>	<p>Как изучалась проблема?</p>
<p>Результаты (Results)</p>	<p>Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций</p>
<p>Обсуждение (Discussion)</p>	<p>Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования</p>
<p>Заключение (Conclusion)</p>	<p>Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации</p>

Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г. И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом [http:// www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/](http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/) для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A. L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G. I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотоматериалы из открытых источников

Сдано в набор 24.04.2026. Подписано в печать 29.04.2026
Дата выхода в свет 29.04.2026
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 19,50
Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 10348

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького,
д. 102, офис 1, ком. 7. тел. 8(863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,
тел. (863) 243-41-66